

Ю. В. Иванова-Бучатская

НЕМЕЦКОЕ РОЖДЕСТВО: ТРАДИЦИОННЫЕ КОМПОНЕНТЫ, ПРЕДМЕТЫ И СИМВОЛЫ В КОЛЛЕКЦИЯХ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛАХ МАЭ

Введение и историография вопроса

Рождество (Weihnachten, Weihnachtsfest) считается самым крупным и значительным праздником годового цикла в католическом и протестантском мире, а в Германии, пожалуй, и самым ожидаемым, таинственным и любимым. По этой причине праздник Рождества, конечно, не был обойден и вниманием исследователей. В немецкоязычной этнографической литературе неоднократно уделялось внимание теории происхождения праздника и корням рождественской обрядности.

Этнография как наука в Европе начала складываться в конце XVIII в. в русле движения гуманизма и внимания к народному наследию. Именно тогда можно констатировать первые попытки зафиксировать народные обычаи и праздники, научно подойти к описанию и изучению рождественской обрядности. Однако первая попытка создать обобщающую работу по теме Рождества была предпринята лишь в конце XIX в. Ею стал объемный, критичный и новый для своего времени труд философа и германиста XIX в. Александра Тилле «История немецкого Рождества», увидевший свет в 1893 г. [Tille 1893]. Перед Тилле стояла трудная задача реконструировать всю историю «типично» немецкого праздника от самых начал. При этом автор осознал и критически замечал, что «о действительном развитии народного мировоззрения в последние тысячу лет в Германии мы знаем относительно мало» [Tille 1893: VIII], поэтому в самом начале книги автор призывает соблюдать осторожность в трактовках известных этнографических данных и построении реконструкций. Однако именно реконструкцией истории развития «самого большого праздника года» и стала книга Тилле. Исследование А. Тилле базируется на данных из «Германии» Тацита, римских описаниях провинций на латинском языке,

церковных документах Средневековья и Нового времени, отчетах визитаций провинций герцогств и курфюршеств, а также на опубликованных описаниях обычаев и праздничной обрядности немецких земель XIX в., современных ему самому [Bartsch 1880]. Все последующие работы вплоть до середины XX в., посвященные немецким календарным праздникам, включая Рождество и зимний цикл, базируются на тех же сведениях и цитатах. Несмотря на полноту и разнообразие приводимых фактов, построения середины и конца XIX в., в том числе и работа А. Тилле, не проливают свет на корни и старые формы рождественской обрядности: как раз в это время праздник Рождества уже приобрел ту позднюю форму, которую мы знаем и сегодня, — праздник семьи и ребенка, душевной атмосферы родительского дома и христианской веры. Как справедливо пишет Александр Тилле, мы не располагаем документальными свидетельствами и зафиксированными данными по рождественской обрядности немцев до XVII—XVIII в. [Tille 1893: IX].

Тем не менее именно на гипотезы первых немецких «народоведов» о германской исконности праздника Рождества опиралось большинство работ эпохи национал-социализма 1920—1940-х годов. Еще в годы Первой мировой войны Рождество стало для немецкого самосознания не только символом мирной жизни, но и национальным символом Германии. В празднике Рождества XIX—XX вв., олицетворяющем немецкое начало, народоведы национал-социализма искали и находили следы древнегерманских нордических мифов, верований и ритуалов. По теме немецкого Рождества в эти годы в свет выходят не только отдельные статьи [Richter 1921; Köhler 1936], но и целые монографии и собрания источников [Nestmann 1925; Bolay 1941; Müller 1946]. Много научно-популярных изданий 1920—1940-х годов посвящено собраниям рождественских песен и их истории; помимо познавательной ценности эти собрания служили целям приобщения немцев к единой германской традиции и древней культуре [Deutsche Weihnachtsspiele 1926; Wir singen 1940]. Титул одного из таких изданий гласит: «Скоро снова Рождество. Книга рождественских песен для немецкой семьи» [Bald nun ist Weihnachtszeit 1945]. Работы первой трети XX в. сильно идеологизированы и, как правило, далеки от объективности и научности. Несмотря на тщательную проработку темы в исследованиях, сегодняшняя наука не обращается к ним.

Новая фаза этнографических исследований начинается в послевоенное время. Отрекшись от национал-социалистического псевдонаучного наследия, немецкая гуманитарная наука оказалась в ситуации фактического отсутствия научной традиции; ученые второй половины XX в. вынуждены были писать новую летопись немецкой науки, в том числе этнографии. В 1960—1980-е годы выходит значительное количество серьезных работ по этнографии различных регионов и земель Германии по обе стороны границы. Как западно-, так и восточнонемецкие этнографы разрабатывают проблемы духовной культуры и традиционной праздничной обрядности немецких земель. Рождеству отводится заметное место в сочинениях [Mantel 1975; Goehle 1985; Weihnachten in Deutschland 1978; Müns 1988: 359—362], научно описываются музейные фонды по предметам рождественской обрядности [Weihnachten im Erzgebirge 1985]. Одновременно продолжается издание собраний рождественских песен как национального наследия и символа [Das Buch der Weihnachtslieder 1982; Schwarz 1987], переживает новое переиздание знаменитый словарь немецкой этногра-

фии, в котором статья «Weihnachten» снабжается и расширяется дополнениями современных научных концепций и последними исследованиями [Wörterbuch d. dt. Volkskunde 1974: 947–956]. Надо отметить, что на новой волне интереса к рождественским традициям в Германии возникают и иные работы, отличающиеся низким качеством, являющиеся компиляциями на основе серьезных научных работ без ссылок на них. Например, автор книги «Tannenbaum und Lichtenengel. Weihnachten wie in alter Zeit — von Mecklenburg bis zum Erzgebirge» использует исследования ученых Музея европейских культур Берлин-Далем, а также фотографии коллекций музея, опубликованные пятью годами раньше, без единой ссылки [Gasperek-Türkkan 1990].

В конце 1980–1990-х годов в этнологии и общественных дисциплинах получили распространение новые концепции истории общества и нации, определяемые такими понятиями, как коллективная историческая память и идентичность. Они позволили ученым по-новому взглянуть на хорошо знакомое и, казалось бы, уже всесторонне изученное Рождество. В свете теории коллективной исторической памяти и новых вызовов исторической науки к переосмыслению и проработыванию национального прошлого Рождество получает новое освещение. Отныне ученые обращаются к забытым и неизученным сторонам праздника, к его функционированию и роли национального символа во время мировых войн, использованию нацистской и военной пропагандой, к его неприглядным сторонам [Foitzig 1997; Von wegen 2000; Foitzig 2003: 154–169; Jürgs 2005; Heilige Nacht? 2007]. На рубеже тысячелетий немецкое рождество становится популярной темой коллективных выставочных проектов этнографических, исторических, краеведческих музеев и университетов Германии. В поле зрения музеологов и этнографов попадают различные аспекты праздника и его истории: елочные украшения, традиционная рождественская игрушка, рождественская поздравительная открытка, военная рождественская открытка, поздравительные письма [Der braven Kinder Weihnachtswünsche 1991: 5–6; Weihnachten in Deutschland 1992: 4; «Bäume leuchtend, Bäume blendend...» 1999: 9; Heilige Nacht? 2007; «Nußknacker und Räuchermann»¹; «Morgen, Kinder...»²]. Одновременно выходят в свет фундаментальные труды по рождественской обрядности отдельных регионов Германии и немецких переселенцев из СНГ, основанные на архивных материалах и полевых источниках [Sauer mann 1996; Gawlick 1998; Wunder 2007].

Коммерциализация различных сторон жизни и культуры, в том числе собственной истории и идентичности не миновала и праздник Рождества. О коммерческой стороне праздника речь пойдет позже; что же касается историографии, то в этой сфере коммерциализация проявилась в издании красочных научно-просветительских, популярных и памятных фотоальбомов, реализуемых в первую очередь в сфере туризма и сувенирного бизнеса. Такие издания

¹ «Nußknacker und Räuchermann» — временная тематическая выставка из частного собрания Гельмута Вайса, проходившая в Музее Фихтельгебирге г. Вунзидель с 5 декабря 2008 по 6 января 2009 г.

² «Morgen, Kinder, wirds was geben...» «Weihnachtsgeschenke aus Pappe und Papier» — временная тематическая выставка подарков и предметов рождественской обрядности из бумаги и картона из фондов Музея игрушки Германского национального музея (г. Нюрнберг), Графического собрания Музеев города Нюрнберг, Городской библиотеки Нюрнберга, а также частного собрания Г. Вайса. Проходила в выставочном зале городской ратуши Нюрнберга с 30 ноября 2008 по 3 января 2009 г.

иллюстрируют современную рождественскую обрядность Германии, уделяя внимание традициям, украшениям, духовной и религиозной атмосфере праздника, не концентрируясь специально на истории и дискуссии о происхождении. Они снабжены большим количеством иллюстраций, как современных, так и архивных [Die fränkische Weihnacht 2001; Das große Weihnachtsbuch 2004].

В отечественной историографии тема немецкого Рождества также получала некоторое освещение. Зимняя календарная обрядность и в частности Рождество в 1970-х — начале 1980-х годов стали предметом проекта московского Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая «Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы XIX—XX вв.» [Филимонова 1973: 139—161]. Коллективный труд московских авторов «Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы» был до недавнего времени единственным научным источником по народной праздничной культуре Западной Европы, и это был новый и важный шаг советских этнографов — открыть для нашей страны традиционную культуру западных стран. С точки зрения приведенного материала сборники до сих пор не утратили своего значения, и мы будем отчасти пользоваться ими в данной статье. Однако в интерпретациях календарной обрядности — в частности, рождественской — с позиции сегодняшней европейской науки данный труд давно устарел. Он был написан в закрытой стране, на основе доступной нашим исследователям литературы начала XX в., в лучшем случае — 1950—1960-х годов, которая во многом устарела уже ко времени написания сборников. В XXI в. у российских ученых появилась возможность не только бывать в странах зарубежной Европы, но и проводить полевые исследования, а следовательно, строить свои изыскания на собственных полевых материалах (первичном источнике) и современной вторичной литературе.

Данная статья написана на основе коллекций МАЭ и полевых дневников автора, анкет и структурированных интервью с жителями г. Бамберг и сел Франконии, записанных в ходе работы в Южной Германии в 2008—2010 гг. и хранящихся ныне в Архиве МАЭ. Использовались немецкоязычная современная и классическая научная литература по теме Рождества и его отдельных компонентов, материалы тематических выставок в музеях Франконии, каталоги музейных и частных собраний Германии по теме Рождества, новейшие материалы немецкого радио, газет и информационных изданий. Кроме того, привлекались коллекции предметов рождественской обрядности немцев, приобретенные за время работы в Германии в 2008—2010 гг. и пополнившие европейские фонды Кунсткамеры (колл. 7439, 7440, 7441; 96 ед. хр.). Географически эти коллекции ограничиваются преимущественно Южной Германией — Тюрингией, Франконией, Гессеном, Баварией. Они представляют собой уникальное для музеев России собрание широкого временного среза — от середины XIX до XXI в., более или менее полно открывающее для российского зрителя рождественскую культуру Германии. Отбор предметов для коллекций производился по принципу репрезентативности. Ввиду отсутствия в отечественных музейных собраниях подобных вещей отбирались предметы, иллюстрирующие по возможности все традиционные сферы Рождества: праздничную трапезу, декор жилья, резную деревянную игрушку, детские подарки, стеклянную елочную игрушку. Комплектование подобных коллекций в настоящее время не представляет сложности: еженедельные рынки старьевщиков,

сезонные рынки и лавки антиквариата в крупных и малых городах очень популярны в современной Германии и предлагают широкий выбор в том числе предметов народного искусства. Порой на лотках по бросовой цене оказываются истинные ремесленные шедевры. Но, к сожалению, такой способ комплектования обнаруживает и свои недостатки. Во-первых, собирателю оказываются доступны разрозненные и случайные вещи, из которых трудно, а иногда и невозможно составить репрезентативные взаимосвязанные тематические комплексы предметов, подобные представленным в частных и музейных собраниях Германии по Рождеству. Во-вторых, торговцы антиквариатом не являются непосредственными владельцами предметов, но лишь посредниками в продаже. Поэтому предметы достаются собирателю вырванными из исторического и бытового контекстов, что усложняет их датировку и реконструкцию истории бытования. В датировке и атрибуции предметов из коллекций МАЭ автор опиралась на опубликованные в Германии каталоги и руководства для коллекционеров [Stille 1993; «Bäume leuchtend, Bäume blendend» 2007].

Итак, немецкое Рождество. Прежде чем мы перейдем к повествованию об этнографии праздника, требуется два вводных замечания:

1. Немецкое Рождество нельзя рассматривать как отдельный праздник. Оно находится внутри целого комплекса праздников, связанных с Рождеством и группирующихся вокруг него. Выделяют предшествующий Рождеству период времени (Адвент), собственно Рождество и построждественский период. Периоды до и после Рождества представляют собой связанные календарные циклы с набором определенных праздников. Весь комплекс праздников рождественского времени соответствует понятию «зимние праздники», принятому в упомянутом труде «Календарные обычаи и обряды...».

2. Вследствие многовековых наслоений различных религиозных, культурных, этнических и территориальных традиций, а также вследствие смены ценностных ориентаций эпох в сегодняшнем празднике немецкого Рождества прослеживаются различные содержательные пласты, достойные отдельных серьезных исследований. На мой взгляд, с позиции науки XXI в. можно говорить о следующих содержательных пластах немецкого рождества:

- 1) традиционные компоненты современной обрядности комплекса праздников рождественского времени;
- 2) предметы рождественской обрядности;
- 3) религиозное содержание и религиозный смысл Рождества и праздников вокруг него;
- 4) народные приметы вокруг комплекса праздников рождественского времени;
- 5) исторические, документально зафиксированные формы обрядности комплекса;
- 6) наслоения эпох и идеологий на обрядность Рождества;
- 7) гипотезы о происхождении;
- 8) национальное значение Рождества;
- 9) коммерциализация бренда «немецкое Рождество».

В нашей статье ввиду ее музеологической направленности мы подробно остановимся на двух аспектах немецкого Рождества — традиционных компонентах и предметах современной рождественской обрядности.

Адвент. Время перед Рождеством

Рождеству предшествует особое время. Оно длится четыре недели и называется Адвент (Advent). Начало Адвента определяется первым воскресеньем после 26 ноября. Ставшие традиционными компоненты современного Адвента сложились из различных культурных наслоений — народного христианства и официальных церковных культов, городской семейной праздничной обрядности и экономического развития второй половины XIX—XX вв.

Религиозное содержание и смысл Адвента

В христианской мысли Адвент означает время приготовления к пришествию Мессии. Название «Адвент» происходит от латинского слова *adventus* (пришествие) [Wörterbuch d.dt. Vк. 1974: 6]. Христиане почитают Адвент как ожидание сошествия Господа Бога в его сыне Иисусе Христе и одновременно как надежду на возвращение Христа в конце времен. Адвент начинается в четвертое воскресенье перед 25 декабря и длится четыре недели. Уже в V в. н. э. время Адвента означало строгий пост и молитву. Первое воскресенье Адвента открывает новый церковный год. Религиозное содержание воскресных дней Адвента заключается в праздничных церковных службах и раскрывается в литургии. Каждое воскресенье маркируется особой евангельской темой. Так, чтения первого воскресенья посвящены эпизоду въезда Иисуса в Иерусалим согласно Евангелию от Матфея: «И когда приблизились к Иерусалиму и пришли в Виффагию к горе Елеонской, тогда Иисус послал двух учеников, сказав им: пойдите в селение, которое прямо перед вами, и тотчас найдете ослицу привязанную и молодого осла с нею, отвязавши приведите ко Мне; и если кто скажет вам что-нибудь, отвечайте, что они надобны Господу; и тотчас пошлет их. Все же сие было, да сбудется реченное чрез пророка, который говорит: “Скажите дочери Сионовой: се Царь твой грядет к тебе кроткий, сидя на ослице и молодом осле, сыне подъяремной”. Ученики пошли и поступили так, как повелел им Иисус: привели ослицу и молодого осла и положили на них одежды свои, и Он сел поверх их. Множество же народа постилали свои одежды по дороге, а другие резали ветви с деревьев и постилали на дороге; народ же, предшествовавший и сопровождавший восклицал: осанна Сыну Давидову! Благословен Грядущий во имя Господне! Осанна в вышних!» (от Матфея, гл. 21, ст. 1–9).

Второе воскресенье Адвента проходит под знаком грядущего Спасителя. В храмах читают главы из Евангелия от Луки: «И будут знамения в солнце и луне и звездах, а на земле уныние народов и недоумение; и море восшумит и возмутится; люди будут издыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную, ибо силы небесные поколеблются. И тогда увидят сына человеческого, грядущего на облаке с силой и славою великою. Когда же начнет это сбываться, тогда восклонитесь и поднимите головы ваши, потому что приближается избавление ваше. И сказал им притчу: посмотрите на смоковницу и на все деревья: когда они уже распускаются, то, видя это, знаете сами, что уже близко лето; Так, когда вы увидите то сбывающимся, знайте, что близко Царствие Божие. Истинно говорю вам: не пройдет род сей, как все это будет: Небо и земля пройдут, но слова мои не пройдут» (от Луки, гл. 21, ст. 25–33). В этот день в храмах звучит напоминание, что в лице Иисуса Христа явился

Мессия, что означает «помазанный», тот, кто несет людям исцеление для души и плоти.

В третье воскресенье Адвента в храмах вспоминают предшественника Господа, Иоанна Крестителя, и читают Евангелие от Матфея: «Иоанн же, услышав в темнице о делах Христовых, послал учеников своих Сказать Ему: Ты ли Тот, Который должен придти, или нам ожидать другого? И сказал им Иисус в ответ: пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозревают и хромы ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют, и блажен, кто не соблазнится о мне» (от Матфея, гл. 11, ст. 2–6).

Религиозным лейтмотивом четвертого воскресенья Адвента является грядущая радость прихода Мессии. На службах в храмах читают из послания апостола Павла к филиппийцам: «Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь. Кротость ваша да будет известна всем человекам. Господь близко. Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом, — и мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе» [К филиппийцам: гл. 4. ст. 4–7]. Адвент в своем религиозном содержании рассматривается как подготовительный этап перед великим праздником, как длительное время поминовения, духовного очищения, поста, строгости и молитвы. Церковь запрещала в эти недели шумные празднества, танцы и свадебные торжества, а также судебные разбирательства [Fischer 2004: 90].

В католической церкви центральной фигурой литургии последнего воскресенья является также Дева Мария и библейский эпизод поисков крова. В этой связи достоин упоминания народный религиозный обычай, распространенный в Южной Германии. Он называется «Herbergsuche» («Поиски крова») или «Frauentragen» («Ношение Девы Марии»). Во Франкони с наступлением темноты во время Адвента девушки с молитвами и песнопениями выносят на улицу фигуру Мадонны с младенцем и заходят с ней в различные дома, прося пристанища. При этом поют:

*Ich klopfe, ich klopfe, ich sage an,
dass Christus, der Herr, kommen kann.
Oh, gebt uns hier ein Nachtquartier.
Hier ist Maria mit dem Kind,
die nirgends eine Herberg findet.
Durch Gottes Lieb tu ich Euch bitten:
Öffnet uns doch Eure Hütten!*

*Я стучу, стучу, говорю я вам,
Что может придти Христос, Господь
О, дайте нам ночлег.
Здесь Мария с младенцем,
Которая нигде не найдет пристанища.
Любовью Господа прошу я вас:
Откройте же нам ваши лачуги!*

В том доме, где ее согласятся принять, фигура Марии остается до следующего дня; при этом ее устанавливают на домашний алтарь, специально для этого случая убранный цветами и свечами. На следующий день девушки забирают фигуру и отправляются с ней дальше; действие повторяется каждый день до сочельника [Rottenbach 2002: 51–52]. В Бамберге «Herbergsuche» считается старым обычаем городских земледельцев-гэртнеров (Gärtner), которые известны своей религиозностью и приверженностью католическим традициям. Девять семей из района «Untere Gärtnerlei» на севере Бамберга, большинство из которых принадлежат к сословию гэртнеров, владеют одной фигурой Девы Марии. Во время Адвента, с 15 по 23 декабря, каждая из семей по очереди

украшает фигуру Марии и выставляет ее на специально подготовленном месте, чаще всего — на домашнем алтаре. Верующие встречаются каждый день в 17 часов в доме, где стоит фигура Мадонны, и в течение часа устраивают молебен в честь Богородицы, повторяя молитвы на четках. Та семья, у которой фигура Марии оказывается в день перед сочельником, 23 декабря, хранит ее до следующего года, возжигая каждый день от Рождества до Сретенья свечу [Düsel 1977: 60].

Во франконской местности Шпесарт также был известен сходный обычай: с наступлением темноты незамужние девушки носили по улицам статую Мадонны с младенцем. Впереди процессии шла так называемая «девушка Богородицы» (Frauenmaid), которая несла статую; за ней следовали «адвентские девушки» (Adventsmäid) с венком Адвента, а замыкали процессию четыре одетые в белое девушки с фонариками. Подходя к дому, девушки читали четверостишие и просили крова для Марии. Хозяева устанавливали статую в красный угол, а на следующий день процессия переносила ее в другой дом [Die fränkische Weihnacht 2002: 52].

Компоненты обрядности Адвента

На Адвент приходится целый ряд значимых праздников, посвященных христианским святым. Еще в первой половине XX в. в сельской среде сохранялись шумные гуляния, шествия ряженных и обряды, носившие, на первый взгляд, аграрно-магический характер. Они подробно описаны в этнографической немецкоязычной [Wörterbuch 1974: 6–7, 59–60, 520–522, 599–603, 801–803] и русскоязычной [Филимонова 1973: 139–161] литературе. Особым почитанием в народной среде в прошлом пользовались день св. Андрея (30 ноября), день св. Варвары (4 декабря), день св. Николая (6 декабря), день св. Люции (13 декабря) и день св. Томаса (21 декабря). С этими днями в народе было связано большое количество примет, обычаев и различных видов гадания. Время Адвента вообще наиболее богато приметами и праздничными обычаями. Считалось, например, что сны, приснившиеся в ночь на каждое из четырех воскресений Адвента, сбудутся в соответствующие четыре четверти наступающего года. Известен ряд погодных примет: иней на деревьях предвещал хороший урожай, гроза перед Адвентом губительно сказывалась на озимом рапсе и обещала долгое ненастье. Мороз без снега на Адвент обещал хороший урожай озимых [Филимонова 1973: 147]. Многие описанные этнографами середины XX в. даты и обычаи Адвента утратили свое значение в городском и сельском обществе Южной Германии к XXI в. Я коснусь лишь тех, которые его сохраняют и в настоящее время.

Варварины ветви. День св. Варвары (St. Barbaratag), 4 декабря, широко отмечался еще в середине XX в. Как ясно из названия, в христианской мифологии этот день посвящен легендарной мученице Варваре (Барбаре), которая была заперта в башне жестоким отцом, а затем, после обращения девушки к христианскому вероучению, казнена в 306 г. Святая Варвара считается покровительницей горняков и артиллеристов. Поэтому особенно ее день отмечали представители этих профессий даже в протестантских областях. В горных областях Альп культ Варвары известен с высокого Средневековья, а в саксонско-богемских областях он прослеживается до Реформации. Мы не располагаем достоверными сведениями о том, когда св. Варвару впервые связали

с горным делом. Среди горняков Германии принято оставлять в этот день зажженным свет в шахте, чтобы избежать смерти под землей, а на ночь св. Варвары — еду и напитки в бытовке в горах. Говорят, что это для рабочих, но очевидно: эти действия есть переосмысленный акт жертвоприношения. Св. Варвара — самый почитаемый патрон сегодняшнего христианского мира в Германии, она обладает столь же значительной выразительностью и силой, как и традиционное приветствие «Glück auf!» (букв. «Счастливо выбраться наверх!») и профессиональные символы горняков — молоток и кирка [Wörterbuch d. dt. Volkskunde: 59–60].

Как и все праздничные даты календаря, Варварин день сохранил ряд элементов, по мнению большинства этнографов середины XX в., уходящих корнями в дохристианское прошлое. В качестве примера обычаев нехристианского происхождения указывают «Варварины ветви» («Barbarazweige»). Обычай таков: в день св. Варвары срезают и ставят в воду ветви лиственных деревьев. Сосуд с ветвями помещают в теплой комнате рядом с печью, и к Рождеству ветки выпускают листья и даже зацветают. В Баварии, Франконии, Швабии, Вестфалии, Богемии и альпийских областях Австрии выбирают ветви вишни. В качестве Варвариных ветвей могли выступать также ветки яблони, ракиты, бузины, березы, сливы, персика, груши, айвы, конского каштана или сирени. По предположению немецких этнографов смысл обычая заключается в аналогии зеленых веток рождественскому дереву или же в их тождественности пруту жизни, которым стегали друг друга [Wörterbuch d. dt. Volkskunde 1974: 60]. По сообщению 1795 г. из г. Китцинген, во Франконии в каждом доме ставили небольшие деревца — вишню, ракиту, бузину или же елку, которые к Рождеству украшали сладостями и дарили детям [Die fränkische Weihnacht 2002: 34]. В тот же год в Нюрнбергском издании «Симплицианского календаря чудесных историй» изложено: «...мы здесь в нашей местности (Франкония. — Ю. И-Б.) имеем похвальное обыкновение каждый год незадолго перед Рождеством ставить в комнате несколько сортов деревьев, таких как вишневое, яблочное, бузинное или иное дерево, в глиняный горшок или опорку с водой, и обычно к Христову дню они расцветают; что очень красиво выглядит, это нельзя отрицать» [Stille 1993: 22]. Годом позднее датировано свидетельство из г. Байройт об официальном запрете установки дома так называемых «Варвариных или Христовых деревьев», которые, однако, продолжали существовать в народе: люди срывали тайком ветки в садах или лесах и приносили их под полой пальто домой, чтобы украсить орехами и яблоками к Рождеству [Die fränkische Weihnacht 2002: 34]. В граничащих с Германией регионах Чехии распространен обычай стегать девушек Варвариными ветвями. Действие происходит после Рождества. Очевидно, что в этом действии наблюдается игровое переосмысление давнего дохристианского обычая «побивания прутом жизни», придающим жизненные силы дерева (здесь: плодового) человеку. Варварины ветви используются в гаданиях: в Нижней Австрии на них вешают записки со своим именем и смотрят, чья ветка быстрее распухнет — это сулит счастье в наступающем году. А в Швабии распухшие ветви обещают хороший урожай. Обычай срезания Варвариных ветвей регистрируется и во Франконии. Рассказы молодых информантов из г. Бамберг в 2010 г. показали, что Barbarazweige являются одним из элементов Адвента в деревнях Нижней Франконии: 4 декабря срезают ветки

вишни и ставят их в вазу в теплое место. К Рождеству они должны расцвести. Варварины ветки также упоминаются как традиционное предрождественское украшение дома [АМАЭ: Бучатская 2010: 70] и даже как предшественники рождественской елки во Франконии [Stettner 2002: 35].

День св. Николая. День св. Николая (St. Nikolaustag) отмечается 6 декабря. Этот праздник по своей популярности среди детей католических областей Германии вполне может составить конкуренцию Рождеству. Как христианский святой Николай, епископ из Миры, был известен уже после 300 г. н. э. и благодаря богатой биографии, легендам и связи их с различными преданиями других циклов (в частности, с преданием VI в. об аббате Николае Сионском) стал одним из самых известных святых на Ближнем Востоке. По преданиям, епископ из Миры Николай умер 6 декабря 342 г., и по этой причине день 6 декабря посвящен этому святому. В Германии культ св. Николая начал распространяться из Северной Франции и Фландрии и укоренился уже к X в., сперва в Рейнской области. Культ Николая быстро стал поистине народным: многочисленные статуи и изображения св. Николая рядом с дорогами, на площадях и мостах, быстрое распространение личных имен и топонимов, производных от имени святого, свидетельствуют о том, что св. Николай считался патроном судоходства и торговли, а также наиболее важных ремесел (ср. с православным святым Николаем Чудотворцем, покровителем моряков), и уже в Средневековье его имя носили более 2000 церквей. Вместе с развитием путей и транспортного сообщения в Европе культ св. Николая распространялся на север и восток, и далеко не последнюю роль в этом сыграла разветвленная торговая деятельность Ганзейских городов [Wörterbuch d. dt. Volkskunde 1974: 599].

В Средние века день св. Николая совпадал с праздником монастырских школ, и отчасти благодаря такому совпадению день христианского святого Николая превратился в праздник детей [Wörterbuch d. dt. Volkskunde 1974: 600]. Происхождение праздника связано с легендой о сотворении чуда св. Николаем: однажды хозяин постоялого двора ограбил и убил троих школьников. Св. Николай воскресил их, и в память об этом чуде в монастырских школах 6 декабря стали устраивать праздник, во время которого младшие ученики монастырских школ выбирали из своей среды «епископа» (он назывался Kinderbischof, episcopus puerorum, и на один день вступал в права епископа) [Fischer 2004: 96].

В католических областях Германии церковная составляющая образа св. Николая представлена достаточно отчетливо, как в имени, так и в облике фигуры и в обрядности дня. Св. Николая представляют старым добродушным человеком с длинной седой бородой, одетым в платье и головной убор епископа, в руках он держит золоченый жезл: здесь, как видно, отражена контаминация представлений о самом святом и отголосков средневекового праздника. Николай выступает в роли воспитателя, карающего и одаривающего. Праздничные действия — демонстрация детьми знания молитв, иногда песен, одаривание детей. Придя в дом, переодетый св. Николаем человек спрашивал родителей о поведении их чада и, выслушав ответ, одаривал послушных или бил розгами неслухов. В этом проявляется двойственность образа и морализаторские черты христианского святого-дарителя, а в действиях усматривается добавляющая строгость религиозного воспитания, усвоение церковных правил.

По материалам начала XX в. в Вестфалии накануне этого дня дети должны были примерно молиться, а в сам праздник петь:

*Nikolaus, du heiliger Mann,
Du hast einen goldigen Rock an,
Viel sollst du geben,
Lang sollst du leben,
Selig sollst du sterben,
Den Himmel sollst du erben.*

*Николай, святой человек,
На тебе золотое платье,
Много должен ты давать,
Долго должен ты жить,
В мире должен умереть,
Царствие небесное наследовать*
[Филимонова 1973: 141].

Несмотря на обилие церковных элементов праздника — характер костюма и морализаторских черт образа св. Николая, обычаи этого дня до настоящего времени сохраняют отчетливую нехристианскую доминанту. Она проявляется как в многочисленных, на первый взгляд немотивированных, трансформациях самого образа, так и в его функционировании. Св. Николай был распространенным образом ряжения предрождественского времени. Первоначально вместо визитов христианского дарителя Николая имели место колядование и выпрашивание ряжеными даров, шумные гуляния, сопровождаемые выстрелами, стуком, шелканьем кнутами, бросанием гороха, криками и грохотом. Из XVIII столетия до нас доходят свидетельства о шумных и непотребных гуляниях молодежи на день св. Николая из Альтдорфа во Франконии: «Парни, обвешанные бубенцами, бегают кругом по городу большими шайками и выпрашивают дары, крича: “Когда мы сошли к вам от св. Николая (St. Niklaus), у нас по пути отняли всех наших овец”. После них приходили кнехты³ мясников, которые были переодеты профессорами и разными учеными мужами, попрошайничали и при этом учиняли большой шум и бесчинство» [Will 2002: 36]. Эти сведения были записаны в 1796 г. Андреасом Виллем с пометкой, что «Николаевы празднества» давно прекратились в местности. Шум, звон и стук в календарной обрядности исследователями XX в. традиционно рассматривались как магические действия, направленные на отпугивание злых духов [Филимонова 1973: 149].

Маски и костюмы народного ряжения также далеки от христианского образа св. Николая: это различные устрашающие личины, рога, звериные шкуры; обмазывание сажей и завертывание в солому или ивовые прутья. Связь Николая с животным миром проявляется в том, что во время шествий ряженных он появлялся в сопровождении белого коня (Северная Германия) или осла (Франкония): в 1920-е годы в Бюргштетте, во Франконии, накануне дня св. Николая дома обходили ряженные — «принц Рупрехт» и осел. В ряжении участвовали парни 20–22 лет: один был одет в длинное пальто, сапоги и имел длинные седые волосы; двое других изображали осла — стоящий сзади парень клал руки на плечи стоящему впереди, первый из них надевал на голову маску осла, оба накрывались покрывалом, к которому был сзади прикреплен хвост. На шее осла висели колокольцы. Входя в комнаты, «принц Рупрехт» провозглашал:

³ Нем. Knecht — устар. «слуга, работник в хозяйстве ремесленника или крестьянина» [Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache 1993: 552].

<i>Ich bin der hl. Nikolaus von Gott gesandt, Der Himmel ist mein Vaterland.</i>	<i>Я св. Николай, Богом посланный, Небо есть мое отечество.</i>
<i>Ich bin gekommen, die Guten zu belohnen Und die Bösen zu bestrafen.</i>	<i>Я пришел наградить добрых И наказать злых.</i>
<i>Habt ihr auch böse Kinder?</i>	<i>Есть ли у вас и злые дети тоже?</i>

Затем присутствующие молились. В блюде для выпечки «принц Рупрехт» держал наготове для детей подарки — яблоки и орехи, а также выпечку: мальчики получали фигурку сказочного персонажа Хэнзель, девочки — Гретель⁴ [Walter 2002: 36].

Интересны составные элементы шествий ряженных, имена и образы спутников Николая, иногда появляющихся вместо него. Они не связаны с христианской легендой о св. Николае и с церковным образом персонажа. В гуляниях спутники святого олицетворяют вторую сторону дарителя — карающую. Наиболее распространенный и известный из них — Кнехт Рупрехт. Он имел различные региональные наименования: *Pelznickel*, *Pulterklas*, *Polterklas*, *Rug'Klaas*, *Rauher Niklas*, *Hans Trapp*, *Hans Muff*, *Thomasnickel*, *Hutscheklos*, *Hätscheklas*, *Herschekloes*, *Prinz Ruprecht*, *Knecht Ruprecht*, *Hörnersnickel*, *Belsenickel*, *Hel-Niklo*, *Schmutzei*, *Rugbelz*, *Busseklas*, *Boklas*, *Booklaus*, *Klasbur*, *Strohnickel*, *Pelzebock*, *Pelzmärte*, *Pelzamärtl*, *Butz*, *Rumpelklas*, *Lupprich*, *Specht* и др. Как видно из перечня обозначений этого персонажа, большинство их является производными от Николая. В связи с карающим характером этого персонажа в представлениях и ряжении функционирует и его облик: это злобный старик в длинном пальто и колпаке, в руках он держит розги, а за плечами — мешок с подарками (другой вариант — мешок, куда он сажает непослушных детей). Фантазии иллюстраторов поэтому нередко создавали устрашающие безобразные образы Пельцмэртля. Персонажи ряжения, олицетворяющие детский страх, имели сходные элементы повсеместно в Германии: вывернутый тулуп или гороховая солома, которой обматывали ряженого; бубенчики и цепи, которыми они гремели, шествуя по улицам; в руках — мешок с подарками, золой или песком, розги или кнут.

Заметим еще одну деталь: повсеместно одним из элементов костюма ряженных в день св. Николая является с о л о м а . Имеются сообщения, что во франконском Зеннфельде около 1900 г. в дома являлся странный Николай, полностью завернутый в солому, включая руки и ноги; на голове его была меховая шапка, железная цепь вокруг тела, а за спиной — мешок с яблоками, орехами и сладостями [Die fränkische Weihnacht 2002: 38]. В Эльме вместе с Буссекласом в шествиях ряженных участвовали и другие образы — «гороховый медведь» (*Erbsenbär*) и всадник на белой лошади. Медведя изображал молодой человек, закутанный в гороховую солому, а всадника на лошади играл парень, державший лошадку на палочке, поверх которой накидывали белое полотно [Филимонова: 144]. Персонажи, завернутые в солому, фигурируют в обрядности многих немецких земель: в Мекленбурге (*der Rug'Klas*), на западе, в Зельтерсе, Лангенхайне (*Strohnickel*) и др. *Rug'Klas* мекленбургских деревень представлял собой человека в маске, полностью обвязанного соломой, со шляпой на голове и с палкой и мешком в руках [Müns 1988: 360; Gawlick 1998:

⁴ Хэнзель и Гретель (*Hänsel und Gretel*) — мальчик и девочка, персонажи одноименной сказки Я. и В. Гриммов (см.: *Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm*. Bd. I. Berlin, 1961. S. 256).

18–19]. Зельтерский Strohnickel носил маску на лице, старое платье, связки соломы на спине и цепь вокруг тела. Николай из области Лангенхайна имел следующий костюм: белое платье или долгополая рубаха, покрытая голова, лицо закрыто маской; раньше все туловище его было закрыто соломой [Wörterbuch d. dt. Volkskunde 1974: 602]. Эта сторона образа св. Николая сближает его с кругом традиционных представлений земледельческой обрядности [см.: Покровская 1983: 77–78]. Обычай одеваться в солому, набивать соломой одежду или привязывать связки соломы к костюму характерны и для других праздников годового цикла: масленицы, во время жатвы и молотбы, праздника урожая. Связь с животными образами, древность элементов ряжения и персонажей, окружающих св. Николая, многочисленность имен и обрядовых действий Николаева дня, ведущую роль этого праздника в предрождественском цикле отмечал и Александр Тилле. Ученый XIX столетия предполагал, что до утверждения церковью Рождества главные праздничные действия зимнего цикла приходились именно на день св. Николая и день св. Мартина (11 ноября) [Tille 1893: 29].

Материалы немецких этнографов середины XX в. показывают, что в этом столетии шествия ряженных заменяются играми, их элементы теряют мотивировку, и день св. Николая превращается в детский праздник. Например, в Гейдельберге в первой половине XX в. зафиксированы игровые шествия мальчиков 5 и 6 декабря, которые надевали на себя мешкообразную одежду, приклеивали бороду и в таком наряде распевали колядки [Филимонова: 143]:

*Ich bin ein kleiner König
Gebt mir nicht zu wenig,
Lasst mich nicht lange stehen,
Ich muß heut' noch weiter gehen.*

*Я маленький король
Дайте мне не слишком мало,
Не заставляйте меня долго стоять,
Мне нужно сегодня идти дальше.*

Подобные сведения отмечались в 1934 г. и на севере Германии, в Бремене. Это пение называлось Niklassingen, и за него дети получали в домах фрукты, печенье, сладости, а иногда — мыло, ваксу, монеты и прочие мелочи. Полиция должна была обеспечить в этот день порядок на улицах. В Оснабрюке устраивали увеселения с обильной совместной трапезой [Wörterbuch d. dt. Volkskunde 1974: 600–601].

Можно ли возводить все описанные и зафиксированные этнографами обряды дня св. Николая к древним дохристианским культам, вопрос в высшей степени спорный. На сегодняшний день европейские этнологи исходят из того, что все зафиксированные формы поверий и обычаев относятся ко второй половине XIX — первой половине XX в., когда христианская религия, оставив за собой почти тысячелетнюю историю, достаточно прочно обосновалась на немецких землях и вытеснила «язычество». Поэтому говорить сегодня об архаическом происхождении многих аспектов праздников, а также о мифологическом мышлении сельского социума в указанное время неправомерно: аграрно-магические мотивировки были забыты и уступили место народным этимологиям. Живучесть многих архаических компонентов обрядности объясняется не непрерывностью традиций и верований с первобытных времен до XX в., а нередко искусственным возрождением форм праздничного действия. Возрождение исторических унаследованных форм народной культуры, как правило, инициируется определенными кругами, а не происходит спонтанно.

Причины таких инициатив могут быть разными — переход игровых форм развлечения в праздники, утверждение национального/регионального самосознания, влияние движения фольклоризма, деятельность обществ по сохранению региональных традиций, развитие этнотуризма [Alzheimer 2005: 207].

В настоящее время в Германии день св. Николая функционирует как день подарков и мелких сюрпризов. В католических областях юга Германии имя святого, устная легенда о нем и традиция празднования его дня сохранились в наиболее нетронутом виде. День св. Николая приходится на Адвент, а следовательно — на время работы рождественских и адвентских базаров и прочих предпраздничных мероприятий. Во Франконии в конце XX — начале XXI в. фигуру ряженого св. Николая используют для привлечения к мероприятиям детей и их родителей. Св. Николай появляется в свой день на площадях городов, центральных или локальных рынках. Его костюм составляют либо длинное красное с золотом одеяние, головной убор епископа и жезл, либо длинное красное пальто и красно-белый колпак. В руках у ряженого традиционные мешок и розги или же его сопровождает безобразный спутник, держащий мешок и розги. Св. Николай спрашивает детей, были ли они послушными, часто просит родителей подтвердить ответ; иногда прилюдно зачитывает о плохих и хороших поступках ребенка из «золотой книги», которую держит в руках; дети читают стихотворения или поют песни, за что получают мелкие подарки и угощение от св. Николая. Одно из распространенных современных стихов не имеет религиозной направленности и характеризует Николая как дарителя:

*Sankt Nikolaus, leg mir rein,
was dein guter Will mag sein:
Äpfel, Nuß und Mandelkern
Essen kleine Kinder gern.*

*Святой Николай, положи мне то,
что будет в твоей воле:
яблоки, орех и ядро миндаля
любят есть маленькие дети.*

[Die Fränkische Weihnacht... 2002: 37]

Кроме появления ряженого Николая в его день практикуется и безличное одаривание детей. Оно главным образом распространено в протестантских районах Германии. При этом сохраняется только идея дарителя Николая: подарки тайно в ночь на 6 декабря оставляют родители (или иные адресанты) в определенном месте. Дети ставят тарелки на подоконник, у печной трубы развешивают башмаки, носки и чулки, а наутро в них находят различные подарки — орехи, сладости, теплые вещицы, маленькие игрушки или монеты и верят, что св. Николай присылает свои дары через печную трубу ночью, пока они спят. Этот обычай прослеживается с XV в., и становление его происходит под влиянием разных легенд и культурных традиций. Согласно одной легенде, некий бедняк не мог обеспечить своих троих дочерей приданым, из-за чего бедняжки вынуждены были выйти на улицу и зарабатывать на жизнь проституцией. Чтобы спасти девушек от такой судьбы, св. Николай клал им в башмаки, стоявшие на пороге, золото [Fischer 2004: 96]. Так в обрядности дня св. Николая появляются башмаки для подарков. В англосаксонской традиции их заменяют чулки, которые, согласно подобной легенде, бедные девушки развешивали сушиться каждую ночь возле печной трубы. Через трубу св. Николай бросал им в носки золотые монеты. В Ганзейских городах Северной Германии, где св. Николай является покровителем рыбаков и мореходов, в его день дети

выставляли на подоконник самодельные кораблики, куда святой бросал свои дары. Тарелки как емкости для подарков предположительно развились из таких корабликов [Fischer 2004: 96]. Распространено также подношение подарков в различных взрослых коллективах — среди возлюбленных, друзей, коллег. Свертки с мелочами, шоколадные фигуры св. Николая в таком случае оставляют на пороге дома, возле двери [АМАЭ: Бучатская 2008–2009: 58].

Образ св. Николая очень популярен в рождественской символике и предметах рождественской обрядности немцев. Фигура св. Николая становилась образом рождественских елочных украшений с рубежа XIX–XX вв. Музейные и частные собрания Германии располагают богатыми коллекциями стеклянной елочной игрушки, емкостей для сладостей и выпечки, курильниц в виде св. Николая и его народной трансформации «Pelznickel». Св. Николай служил популярным мотивом рисунков на картонных тарелках для рождественского печенья, облатках для пряников или на самостоятельно изготовленных елочных украшениях, витражах и пр. И сегодня образ св. Николая и его атрибуты вдохновляют ремесленников и художников на создание современной рождественской игрушки. Это иллюстрируют коллекции МАЭ. Елочная игрушка «Belznickel» (колл. № 7440-6) представляет собой старика в оранжевом длиннополном одеянии с богатым обсыпным орнаментом золотисто-оранжевого цвета, с капюшоном на голове, на левом плече он несет рождественскую елку, украшенную золотистой обсыпкой. Фигурка изготовлена баварским ремесленным цехом «Инге-Глас», история которого восходит к г. Лауша в Тюрингии, где появилась стеклянная елочная игрушка. Данное украшение выполнено традиционным способом — выдувание ртом стеклянной трубки в форму с последующим нанесением амальгамного покрытия и росписью. Форма, по которой изготовлена данная игрушка, известна с конца XIX в.: старик с бородой в длиннополном одеянии, с капюшоном на голове и елкой на левом плече. Игрушки, выдутые по данной форме, выполнялись в течение всего XX в. в разных цветовых решениях, как правило, бело-красной цветовой гамме, с серебристыми деталями и зеленой елкой (илл. см.: [Gawlick 1998: 58]). Данная игрушка расписана в нехарактерных для образа св. Николая цветах, это индивидуальное художественное решение современных авторов. Интересно, что и название образа варьируется в разных регионах и у разных производителей. В Северной Германии, где легенда о св. Николае и обрядность его дня практически не известна, фигура, представленная игрушками, выпечкой и облатками, называется *Weihnachtsmann* («рождественский мужик»). На преимущественно католическом юге Германии это св. Николай или, как в данном примере, региональное (в фонетике и имени персонажа) *Belznickel*. Другой предмет, связанный с легендой о св. Николае и ее функционированием в детской среде, представлен номером 7440-9. Это «носок св. Николая», стеклянная игрушка, выдутая в форму и покрытая росписью: на красном фоне носка изображены атрибуты детского покровителя-дарителя — подарки, свертки, игрушки для детей и характерный изогнутый жезл епископа. Курильница производства саксонских ремесленников 1990-х годов (колл. № 7440-15) иллюстрирует народный образ ряжения св. Николая — как старика в длиннополой одежде, длинном колпаке, держащего холщевый мешок и розги.

Вертепы. Одним из компонентов предрождественского времени католической Германии являются ясельные сцены, или вертепы. В современном

немецком языке они называются Krippe (Pl. -n) для всех регионов распространения. В XIX в. использовалось обозначение Weihnachtsspanorama [Tille 1893: 53 ff.], известны также разнообразные региональные названия — Weihnachtsberg, Ecke, Winkel, Paradies, Bethlehem, Christgeburt, Christgarten, Lustgarten [Vanja 1985b: 32], Guckkasten, Schaukasten, Christschau. Речь идет о скульптурном представлении легенды о рождении младенца Иисуса в Вифлееме. Современный вертеп представляет собой сцену таинства Рождества с фигурами Иосифа, Марии возле яслей, где лежит младенец Иисус; сцена устроена на фоне или в интерьере хлева, который развернут к зрителю. Данные фигуры являются основными, к ним часто добавляются библейские животные — бык и осел. Иногда сцену дополняют и иные фигуры — социальные или этнографические типы, прочие животные, библейские волхвы. Помимо хлева (вариант: пещера, сарай) как центрального места действия в сцене имеются иные строения и природные объекты. Классической сценой вертепа является святая ночь Рождества Христа, но сцены могут меняться. Фигуры вертепа устанавливают в первое воскресенье Адвента и меняют содержание сцен и фигуры в соответствии с библейской историей и датами. В первый Адвент обычной тематикой вертепа является Благовещение, а сцена представляет собой покои Марии, которой явился архангел Гавриил; фигуры — Мария и ангел в белом одеянии с золотыми крыльями. Во второй Адвент сцену Благовещения могут сменить эпизодом переписи населения в Иудее. Время от третьего Адвента до сочельника отводится библейскому эпизоду о поисках крова. Сцена представляет супругов-паломников со скромным узелком вещей и в дорожной одежде на пороге дома, хозяин которого отказывает им в крове. Перед сочельником сцену меняют на собственно классическую рождественскую — святое семейство перед яслями с младенцем на сене в окружении животных в хлеву или пещере. Эта сцена стоит до 6 января, дня Трех королей (Heiligdreikönige, Epiphany), к этому празднику содержание сцены не меняют, но обязательно дополняют фигурами волхвов с редкими и богатыми дарами, часто в сопровождении слуг и экзотических животных. Ясельные сцены устраивают различных размеров — от малых домиков с фигурками до сцен в натуральную величину с фигурами в человеческий рост. В настоящее время вертепы ставят в католических храмах при входе либо в одном из пределов. Они представляют собой сцены, оборудованные в ящиках разного размера (от 50×50 см до 2×2 м и более) за стеклом или же устроенные на пьедестале и открытые. Вертепы в натуральную величину можно встретить на центральных и рыночных площадях городов; семейные вертепы каждый год устраивают в гостиных комнатах частных домов.

По материалу и технике изготовления фигуры вертепа бывают резными деревянными, глиняными лепными, восковыми, из папье-маше. Восковые — наиболее старые и мало сохранившиеся (XVIII в.). Лепные и резные — наиболее распространенные. В XVIII в. в Италии и в конце XIX — начале XX в. в Германии распространенным способом оформления ясельных сцен было облачение резных фигур в сшитую одежду. Ясельные сцены с фигурами, облаченными в сшитую одежду, изготавливались на протяжении всего XX в. и широко представлены в начале XXI в. в многообразии стилей, способов изготовления и материалов.

А. Тилле датирует первые ясельные сцены на немецких землях XII столетием [Tille 1893: 54–55]. Вслед за Тилле историки и искусствоведы XX в. повто-

ряют гипотезу возникновения сегодняшней формы скульптурного вертепа: она возникла из театрализованных представлений легенды о Рождестве [Berliner 1955: 47; Bonell 1973: 35–39]. В становлении вертепа как компонента времени Адвента отмечается несколько этапов. На основании источников указанные авторы реконструируют, что в XII–XIII вв. на улицах и в храмах прихожанами разыгрывались театрализованные представления Рождества, которые сопровождалось пением и танцами. В XIV–XV вв. распространился обычай укачивания фигурки младенца: вырезанную из дерева или воска куклу сообщала пеленали и укачивали. Данный обычай имел место как в храмах и монастырях, так и в приватной сфере домов, куда он проник в XVI в., по всей видимости, в связи с преследованиями церкви [Tille 1893: 58–59]. Непосредственными предшественниками скульптурных вертепов-миниатюр, однако, считаются резные рождественские алтари с различными библейскими темами, обогащенными, наконец, к XV в. темой самого Рождества. Первый миниатюрный вертеп с реалистичным представлением сцены Рождества фиксируется в 1562 г. в иезуитской церкви в Праге, и уже с начала XVII в. многие католические храмы Южной Германии выставляют вертепы с меняющимися библейскими сценами [Bonell 1973: 40–41]. Примерно к началу XVIII столетия обычай установки рождественских вертепов вышел за пределы церкви и через придворные ритуалы правящих особ распространился в народе: возникает феномен домашнего вертепа *Hauskrippe*. С этого времени начинается развитие *криппе* как явления народной культуры, каковым оно стало в Германии, Италии, Франции, Австрии. Эпоха барокко вызвала к жизни особенные формы вертепов и их фигур, привела к расцвету *криппе* в Европе, в частности в Германии. Первая четверть XIX столетия в Германии — эпоха секуляризации и Просвещения — ознаменовалась критикой чрезмерной свободы и пышности оформления сцены Рождества в вертепах, за которыми стиралось христианское благочестие верующих, а обычай ежегодного устройства сцен Рождества был объявлен пережитком невежества и необразованности. В результате вертепы были запрещены во всех церквях и частично уничтожены. Но уже четверть века спустя общественные настроения, вызванные идеями романтизма, а также прочная народная традиция вновь возродили обычай.

В начале XX в. развернулось движение поддержки традиции вертепов, и в ряде городов образовались общества радетелей вертепного искусства (*Verein Krippenfreunde*, далее — *ферайн*). В первой трети XX в. основываются ферайны в католических областях юга: 1909 г. в Тироле, в 1919 г. в Бамберге, 1922 г. в Регенсбурге. Общества занимались сохранением и экспонированием наследия вертепного искусства с Нового времени до современности, созданием новых авторских сцен.

Несмотря на активную деятельность ферайнов, 1970-е годы ознаменовались спадом общественного интереса к традиции и наследию народной культуры, так что общественность и ученые были озабочены, в частности, будущим *криппе* как культурного и религиозного явления [Bonell 1973: 110]. Однако социально-экономическое развитие немецкого общества к следующему десятилетию достигло такого уровня, который вопреки прогнозам оживил интерес к корням и популяризировал наследие народной культуры. Именно в это десятилетие происходит событие, которое к концу XX в. превратило предрождественские выставки вертепов в массовое и коммерческое явление: в 1984 г.

в Бамберге был организован так называемый «путь от вертепа к вертепу» (Krippenweg). «Путь» включал в себя храмы, музеи и общественные места в городе, где во время Адвента была выставлена своя ясельная сцена Krippe. После этого в 1990-е годы открыли Krippenweg в Нюрнебрге; в 2009 г. каждая деревня и небольшой город во Франконии организовывали свою выставку вертепов. Если в 1980-е годы не каждая церковь Бамберга располагала вертепом, то в 2010 г. в «путь от вертепа к вертепу» входили 38 станций — все 24 действующих храма и часовни города, а также четыре музея, три городские площади, школы, верховный земельный суд, ратуша, клиника, частные дома и даже витрины магазинов. В XXI в. ежегодно во время Адвента ферайном проводятся выставки вертепов различного времени создания, стиля, материала, локализации. Выставки организуются в специально арендованных залах или помещениях обществ, они также входят в рамки «пути». Это мероприятие рассчитано на паломников и туристов. Паломничество с посещением и осмотром разных вертепов в городе — уже четверть века неотъемлемый компонент предрождественского времени. Его можно интерпретировать по-разному — как духовное приготовление к Рождеству, как дань моде или как коммерческий ход городского менеджмента. Все это, несомненно, присутствует в современном явлении Krippenweg/Krippenausstellung, которое в сознании людей уже прочно связано с предрождественским временем. Можно говорить о том, что в последнее десятилетие в Южной Германии укоренилась мода на вертепы, они служат одним из маркеров культурной идентичности населения. В городах существуют школы изготовления вертепов, представляющие различные стили, идеологии и подходы к созданию сцен. Для составления домашних вертепов детьми и родителями все необходимое в избытке продается на предрождественских базарах [АМАЭ: Бучатская 2008–2009: 57].

Александр Тилле сообщает о первых ясельных сценах раннего Средневековья (VIII–IX вв.) в храмах Santa Maria Maggiore и Santa Maria di Trastevere в Риме. Это были простые ясли с фигурой младенца: «Ясли <...> были подражанием яслям в легендарной пещере Рождества в Вифлееме», которые по мере роста богатства церкви стали делать из драгоценных металлов [Tille: 54]. Историки XX в. также пришли к выводу, что на немецких землях до 1600-х годов понятие «криппе» употреблялось применительно к собственно колыбели или яслям с младенцем, и лишь в 1623 г. впервые появляются упоминания фигур Марии и Иосифа рядом с яслями в скульптурных сценах вертепа [Bonell 1973: 30]. Первоначальное пластическое изображение таинства рождества Мессии представляло собой универсальную иллюстрацию событий, описанных в Евангелиях от Луки и от Матфея: «В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле. Эта перепись была первой в правление Квирина Сириею. И пошли все записываться, каждый в свой город. Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома и рода Давидова. Записаться с Мариєю, обрученною ему женою, которая была беременна. Когда же они были там, наступило время родить Ей. И родила Сына Своего первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице. В той стране были на поле пастухи, которые содержали ночную стражу у стада своего. Вдруг предстал им Ангел Господень, и слава Господня осияла их; и убоялись страхом великим» (от Луки, гл. 2, ст. 1–9).

На сегодняшний облик вертепов наложили отпечаток помимо упомянутых Евангелий иные письменные источники — Ветхий Завет, апокрифические Евангелия, различные исключенные позднее из священного писания эпизоды. Кроме того, большое влияние оказывали источники изобразительные — иконы, полотна и резные алтари великих мастеров Ренессанса и позднейших эпох. Исследователи европейских вертепов отмечают, что появление в сцене рождества фигур быка и осла, а также пещеры (вместо хлева) в качестве фона действия имеет корни в указанных источниках [Bonell 1973: 32–34].

В ходе развития традиции вертепов в разных странах и отдельных регионах сцена Рождества стала дополняться, обрастать подробностями, получала различный фон — от библейского ближневосточного до обезличенно-природного, затем конкретизированного европейского, вплоть до узко локального. Расширился репертуар вертепа, который, подобно книге, стал иллюстрировать не только святую ночь Рождества, но и предшествующие или последующие ей события, превратив понятие вертепа (Krippe) из сцены Рождества в комплекс сменяющихся, взаимосвязанных сцен. Это расширило и набор персонажей, представленных фигурами, — архангел Гавриил, жители и стражи Иудеи, три волхва с дарами, ангелы и т. п. Кроме того, на развитие и формирование типов вертепов оказали влияние национальный фон, культурное окружение и стили эпох разных стран. Можно говорить о вертепах неаполитанских, южнотирольских, верхнеавстрийских, франконских, более узких локальных (например, вертепы Марктредвитца, Тунтенхаузена, Дорфена, Рёна и др.). В Германии следует упомянуть также специфический тип Markttredwitzer Krippe, получивший развитие в маленькой местности Оберпфальц на востоке Франконии возле деревни Марктредвитц. Здесь характерными чертами помимо техники изготовления фигур были большие размеры сцены за счет переполненности ее второстепенными фигурами и объектами; использование в качестве фона нехарактерного для Франконии верхнебаварского ландшафта и построек; большое количество фигур. Фигуры — различные народные, социальные и профессиональные типажи в традиционной одежде, число которых порой превышало сотню [Frank 1977: 16]. На фоне такого богатого представления всех сторон народной жизни иллюзорного ландшафта событие Рождества, отнесенное в пещеру или хлев внизу или углу сцены, теряется. Очень сходный тип вертепов распространен в Провансе, где ясельные сцены называются сантоны (франц. *santons* — маленькие фигуры святых). Долгое время исследователи феномена вертепа и вертепного искусства полагали, что в случае вертепов с большим количеством фигур-типажей речь идет именно о прованских сантонах. Однако в Марктредвитце развилась своя форма Krippe.

По материалам А. Тилле, в вертепах Тироля середины XIX в. помимо святого семейства и эпизода рождения имеется большое количество второстепенных персонажей, не связанных с библейской легендой, хронологически и географически не совместимых с ней, вырванных из иного контекста: «В темном гроте спит младенец, Богородица стоит на коленях около него, Иосиф стоит возле входа, а пастухи, обычно в народном костюме Тироля, преклоняют колени перед входом в пещеру или на лугу из мха, на котором пасутся овечки, и ангелы с золотыми крыльями с пастухами говорят. Один пастух обычно изображен сонным, протирающим глаза от сна; на переднем плане находится источник, из которого пьет корова. На горах, возвышающихся над пещерой,

расположены дома и крепости, пастухи пасут стада, охотники блуждают с посохами в поисках зайца и козы. Рабочие тащат с горы тележки, мясник ведет на убой теленка, крестьянка несет яйца и масло, лесник спускается с горы с зайцем, чтобы принести его в дар младенцу. Перед крестьянским домом рубят дрова, поблизости от входа в пещеру стоит часовня, возле нее преклонил колена монах, другой инок спускается с горы по крутой тропке, горнорабочие выкатывают из штольни наполненные вагонетки, из пещеры показывается медведь, нищий в лохмотьях протягивает к зрителю пустую шляпу. Так вертеп стоит до Сильвестрова дня, когда по легенде происходит обрезание, за которым следует 5 января — День трех святых королей. Их свита, состоящая из благородных юношей, всадников и слуг с лошадьми, верблюдами и слонами, заполняет пространство площади перед яслями, и из-за помпезности эта сцена наиболее любима народом» [Tille 1863: 77].

Подобная же форма рождественского представления в региональном ландшафтно-культурном окружении известна и в Саксонии. В области Эрцгебирге, знаменитом сегодня центре изготовления резной деревянной игрушки, в домах под рождество ставили так называемые «рождественские горы» (Weihnachtsberg). Эти сцены, состоящие из деревянных фигур и миниатюрных строений, сформировались лишь в 20–30-е годы XIX в. под влиянием католических переселенцев из немецкой Богемии и представляют собой реалистичную иллюстрацию библейской легенды, вписанную в повседневную жизнь. Для рождественских сцен Эрцгебирге также характерно использование местного ландшафта с его климатическими особенностями и этнографическими деталями региона. Например, младенец Иисус рождается во входе в штольню, вокруг которой заснеженные дома Эрцгебирге и работающие горняки [Vanja 1985b: 32].

По сути дела *криппе* является универсальным представлением таинства Рождества, случившегося для всех и каждого, и каждый волен видеть его близким себе и, следовательно, своему окружению. Поэтому нет единого кодекса создания сцены, каждый художник и автор создает вертеп, основываясь на своем мировоззрении.

В Германии на сегодня имеется бесчисленное количество видов и форм вертепов. Специалисты-этнографы и искусствоведы берут за основу типологизации вертепов специфику техники изготовления или оформления фигур. Как правило, фон сцены (ландшафт, объекты, постройки) не являются определяющими критериями типологизации [ПМА 2009], хотя исследователями выделяется феномен *Heimatkrippe* — сцены рождества, вписанной в этнографический контекст отдельного региона [Bonell 1973: 17–21]. Мне хотелось бы обратить внимание именно на это явление, поскольку с точки зрения этнографа оно представляется наиболее интересным и показательным.

Если обратиться к многообразию вертепов, представленных во время Адвента только в Бамберге, то можно выделить несколько видов *криппе*, различающихся ландшафтно-культурным фоном. Во-первых, классические евангельские фигуры в одежде библейских времен, в реалистичном интерьере сарая/хлева и ориентальном ландшафте. Во-вторых, фигуры святых в одежде и ландшафте, не привязанном к определенной местности, вне локализуемого контекста. В-третьих, фигуры в региональном костюме, реалистичном интерьере жилых или хозяйственных строений немецких регионов, а также

специфическом для региона ландшафте. Чаще всего используется франконская региональная специфика. В литературе такие сцены называются «Fränkische Bauernweihnacht» (франконское крестьянское рождество) или «Fränkische Bauernkrippe» (франконский крестьянский вертеп) [Bonell 1973: 17]. Среди таких вертепов встречается небольшое количество сцен, представленных в топографии Бамберга. Один из ярких примеров создания специфического образа Рождества, вписанного в существующие в реальности объекты повседневного окружения, иллюстрируют фотографии из экспедиционного архива отдела европейстики МАЭ. На них представлен авторский вертеп (1980-е годы), расположенный в правом пределе кирхи св. Отто в Бамберге. Сцены вертепа меняются семь раз в зависимости от хронологии библейской легенды: поиск крова, Рождество, поклонение волхвов и т. д. Сцена Рождества вписана в ландшафт северного пригорода Бамберга, фигуры изображены на фоне реально существующего строения — бывшего летнего дворца в стиле барокко 1723 г. постройки, принадлежавшего франконскому дворянскому роду Ауфзесов и получившему по имени владельца Филиппа Фридриха фон Ауфзеса название «Aufseßhöflein» («Дворик Ауфзеса»). Вторая сцена изображает поклонение волхвов. Эта классическая сцена вертепов разворачивается на фоне знаменитой богадельни XV в. «Siechenhaus» (женский лепрозорий) в стиле позднего барокко: в створах ворот, украшенных богатой лепниной, расположены фигуры Иосифа и Марии, держащей на коленях младенца в белых пеленах. Деревянные резные фигуры одеты в классические платья: Мария — в синее платье с красной накидкой, Иосиф — в коричневое одеяние странника. Вокруг библейской четы расставлены различные социальные типажи из более позднего времени — XIX или даже начала XX в., одетые в специфические комплексы костюма: женская праздничная одежда Франконии, одежда горных областей Баварии, рабочий костюм профессиональной группы городских овощеводов (гэртнеров) Бамберга. Эти персонажи несут в корзинах и катят на тележках различные овощи и цветы для младенца (рис. 1, рис. 69 CD).

Наряду с культурно-ландшафтной спецификой эта криппе интересна в плане этнографии города и своей символической нагрузки. Церковь св. Отто (освящена в 1914 г.) расположена в историческом квартале города, называемом Gärtnerstadt, «город овощеводов», и является приходской церковью (Pfarrkirche) района Untere Gärtnerei и специально — профессиональной группы овощеводов Бамберга, живущих и работающих в пределах этого района. Объекты, представленные в сцене вертепа, — летний замок Aufseßhöflein и богадельня Siechenhaus — также расположены в этом районе и являются знаковыми для представителей профессиональной группы. Возле замка «дворик Ауфзеса» традиционно располагался один из алтарей во время католической процессии обхода полей с молебнами перед Троицей. Здание богадельни — одно из старейших в районе и относится к единому комплексу с часовней св. Себастьяна — покровителя овощеводов Нижнего союза гэртнеров. Фигуры приносящих дары и поклоняющихся Иисусу персонажей представляют собой самих бамбергских гэртнеров в их традиционной рабочей одежде, а также типажей из поселений округа Бамберга во франконских региональных костюмах.

Автор этого вертепа — Йоханнес Штроблер (1929 г. р.), потомственный гэртнер и коренной житель Бамберга и района Untere Gärtnerei. В свободное от

Рис. 1. Вертеп в церкви св. Отто. г. Бамберг, декабрь 2008 г. Фото Ю. Бучатской.
Фотоархив отдела европеистики МАЭ

сезонных работ на земле время он изготавливал отдельные фигуры гэртнеров в исторических костюмах и головных уборах, с традиционными орудиями труда и емкостями, наполненными местными бамбергскими овощами. Такие фигуры он дарил коллегам и друзьям. В 1980-х годах он изготовил по собственной инициативе фигуры и кулисы для вертепа кирхи св. Отто [ПМА 2009].

Для самосознания и идентичности профессиональной группы городских овощеводов Бамберга большое значение имеют религиозность и консервативная приверженность традициям. Эпизод из Евангелия от Иоанна (гл. 2, ст. 11–18) повествует о сцене в Гефсиманском саду, когда Мария Магдалина приняла Христа за садовника. Представители традиционной бамбергской профессии земледельцев усматривают в этих строках Евангелия свое призвание и считают свою профессию наиболее приближенной к делам Господа. Наряду с религиозностью в повседневной жизни гэртнеров отмечается набор определенных символов, которые являются на сегодняшний день объективированной формой их идентичности. По нашему мнению, одним из примеров объективации групповой и социальной идентичности служит описанный вертеп, который по-своему вписывает универсальную христианскую идею в свой социокультурный контекст.

Традиция установки домашних ясельных сцен в предшествующие Рождеству дни также является особенным элементом подготовки к празднику. В католических областях Южной Германии в семьях, соблюдающих народные и религиозные традиции, ежегодно выстраиваются сцены в парадной комнате дома. Установке фигур предшествует тщательная подготовка, суть которой мало изменилась с XIX столетия и так описана Александром Тилле: «Как только отгремели шествия ряженных Синте Класс (св. Николая), начинают соби-

рать отдельные предметы для вертепа, фигуры достают из кладовки на чердаке, все повреждения исправляются, побледневшие краски обновляют и вырезают недостающие детали. Идут в лес, чтобы набрать мха, еловых веток и плюща, которыми украшают ясельную сцену. “Открывают” ее в сочельник после ужина» [Tille 1893: 76–77].

В наши дни распространены разнообразные по размеру, материалам, цене и трудозатратам готовые вертепы или отдельные фигуры, строения и элементы для самостоятельного построения будущей сцены. Каждая семья во Франконии ставит *Krippe* в своем доме. Большинство семей предпочитают самостоятельное изготовление домашнего вертепа, который называется *Familienkrippe* или *Hauskrippe*. Старинные фигуры и вертепы со своей историей наиболее ценятся и относятся к семейным реликвиям. Такие криппе собирают, как правило, сами люди, используя природные материалы и готовые фигуры, выполненные профессиональными резчиками. Часто фигуры и строения вырезает и собирает сам автор — в большинстве случаев отец семейства; одежду для фигур шьют женщины, украшения и дары, мелкие детали изготавливают дети. Расположение фигур, их одежда, тип ландшафта (ориентальный или региональный) и строений (хлев/сарай или пещера), смысловое наполнение сцены целиком принадлежат воле и воззрениям автора *krippe*. Изготовление фигур и одежды для них, а также построение вертепа происходило в городских семьях в долгие зимние вечера и служило целям приобщения детей к христианской традиции, а также ознакомления с библейскими и евангельскими событиями. Оно представляет собой особое выражение христианского благочестия. Для установки сцены Рождества из готовых фигур требуется один вечер, на изготовление авторского вертепа с оригинальной идеей и обликом уходило годы. Традиционно ясельные сцены ставили под рождественской елью. В наши дни *krippe* располагают и в иных почетных местах парадных комнат дома.

Типичный современный домашний вертеп представлен в собрании МАЭ (колл. № 7439-18-1, 2, 3, 4). Это малая резная *krippe* из дерева, современная работа ремесленников из области Эрцгебирге в Саксонии, представляющая собой святое семейство с младенцем в яслях под ветхой крышей сарая или хлева. Число фигур в ней ограничено тремя — традиционные Мария, Иосиф и младенец Иисус (рис. 1 CD). Фотографии из экспедиционного архива отдела европеистики иллюстрируют ряд домашних вертепов из Бамберга — города, носящего неофициальный титул «*Krippenstadt*» («город вертепов»). Вертепы принадлежат различным семьям — представителям профессионального сословия городских земледельцев Бамберга, наиболее традиционной группы населения. Все вертепы изготовлены во второй половине XX в. членами семей Николь, Нидермайер, Файт и Келлер. Интересно сравнить два домашних вертепа — семей Нидермайер и Файт. Первый относится к ландшафтными вертепам без определенной этнокультурной соотнесенности. Его ежегодно строят в своей гостиной Мария-Элизабет, Михаэль и дочь Анна Нидермайер. Для этого возле одной из стен сдвигают два комода, на поверхности которых раскладывают высохший зеленый мох, камни, коряги; укрепляют ветки можжевельника. Из камней складывают символическую пещеру. Материалы для фона криппе ежегодно заготавливаются заново. Ландшафт такого вертепа символический, он не несет смысловой нагрузки и является лишь фоном для фигур. Выразительность и драматизм сцены достигается благодаря мастерству,

с которым выполнены фигуры. На подготовленном ландшафте из природных материалов расставляют 16 резных расписанных деревянных фигур размером от 5 до 25 см — Марию, Иосифа, младенца в яслях, пастухов и животных. Фигуры были выполнены резчиками Южного Тироля и привезены семьей Нидермайер из одной из поездок в Италию. Южный Тироль с XVII в. является одним из регионов, где процветает вертепное искусство и резьба по дереву. На сегодняшний день такие фигуры ценятся как подлинные произведения искусства и стоят до нескольких тысяч евро. В традиционных и религиозных семьях, как Нидермайеры, *криппе* из традиционного региона изготовителей вертепов — стоящее и долговечное приобретение: оно служит своеобразным выразителем объективированной религиозной, обрядовой и локальной идентичности. В данном случае — католической, южнонемецкой и уже — бамбергской (рис. 2, рис. 70 CD).

Второй пример относится к миниатюрным домашним вертепам и представляет собой вид *Heimatkruppe*, региональной народной сцены, выполненной в неразборном виде. Такие вертепы обычно хранятся целиком, и для их установки в парадном помещении дома требуется только снять криппе с чердака и распаковать. Техника и мастерство изготовления фигур в данном вертепе не являются определяющими для прочтения сцены. Основной акцент сделан на ландшафте и этнографических деталях: святое семейство располагается под кровом хозяйственного строения, в мельчайших деталях повторяющего строительную технику альпийских районов (каменный цокольный и деревянный верхний этажи, опорные конструкции и балкон-галерея, материал кровли — деревянные плашки и уложенные камни на плоской двускатной крыше);

Рис. 2. Домашний вертеп с резными деревянными фигурами в гостиной дома М. Нидермайера. Бамберг. Январь 2009 г. Фото Ю. Бучатской.
Фотоархив отдела европеистики МАЭ

фигуры высотой до 10 см, выполненные из дерева, одеты в сшитую матерчатую одежду альпийских районов (валяные шерстяные накидки и шляпы пастухов, женское крестьянское платье и головной платок). Интересно отметить соблюдение цветового решения костюма Марии: во всех вертепах с региональной этнографической спецификой франконское или альпийское народное платье выдержано в красном и синем цветах, как в христианской иконографии и на известных полотнах живописцев. Данная вертепная сцена служит еще одним примером народного восприятия праздника Рождества, неразрывно связанного с природными и этнокультурными особенностями родины (рис. 2 CD).

Рождественские базары. Рождественские базары также представляют собой обязательный компонент современной предрождественской обрядности Германии. Варианты названия на немецком языке зависят от календарной локализации, традиции местности и самого базара: Adventsmarkt или Weihnachtsmarkt. Существуют знаменитые локальные базары, имеющие свое запатентованное имя: Christkindlesmarkt в Нюрнберге, Striezelmarkt в Дрездене. В современной ситуации базары как компонент рождественской обрядности по своей сути являются практическим воплощением аспекта коммерциализации бренда «немецкое Рождество».

Рождественские базары устраиваются на центральных площадях городов, которые исторически служат рынками. В крупных и средних городах базары работают с первого Адвента до сочельника, три недели. В некоторых городах, например в Нюрнберге и Бамберге, помимо главного рождественского базара на центральной площади в предрождественское время работают локальные и тематические рождественские базары. В Бамберге это главный рождественский базар перед ратушей и локально-тематические, расположенные в различных исторических кварталах: флористический «Weihnacht und Ambiente», локальный базар одной улицы «Adventsmarkt im Sand», исторически-ролевой средневековый «Mittelalter-Weihnachtsmarkt», ремесленно-художественный «Kunsthändler-Weihnachtsmarkt». Примечательно, что соответственно тематической направленности рынков выбирается и место их проведения, чем дополнительно создается привлекающая современных посетителей атмосфера как элемент торговой марки «немецкое Рождество». В малых городах или деревнях адвентские базары открываются на главных площадях в историческом центре поселения, часто рядом с церковью; их работа ограничивается одними выходными.

Этнографический аспект современных рождественских базаров на первый взгляд выявить сложно: без сомнения, в настоящее время они используются городским менеджментом и торговлей для рекламы и сбыта продукции, а также для привлечения иностранных туристов маркой «немецкое Рождество». Впрочем, это стало возможным именно благодаря традиционности самого явления немецкого рождественского базара, неразрывно связанного с этнографией немецкого города. Рождественские ярмарки служили горожанам в зимнее время для обеспечения продуктами питания и одеждой, а торговцам — для сбыта продукции. Торговля длилась всего неделю и заканчивалась 24 декабря, перед сочельником. Первые рождественские базары устраивали возле центральных храмов поселений и городов, с тем чтобы привлечь прихожан в качестве покупателей. С течением времени базары продлили до всего времени Адвента, и они превратились в неотъемлемый компонент рождественской

обрядности города. В большие города на рождественские базары съезжались жители малых городов и сел округи. Предрождественская суэта и атмосфера времени, разнообразие товаров на прилавках делали такие выезды в сравнении с однообразной и скудной жизнью села крупным событием. В XIX в. на базарах продавались рождественская выпечка, елочная и детская игрушка. Два старейших и знаменитых рынка Германии, дрезденский Striezelmarkt (1434 г.) и нюрнбергский Christkindlesmarkt (рубеж XVI–XVII вв.), были крупнейшими точками сбыта специфической рождественской продукции XIX в., главным образом предназначенной для подарков.

В столице Саксонии Дрездене продавались изделия резчиков по дереву из саксонского Эрцгебирге, предметы рождественской и горняцкой тематики, в том числе детская деревянная игрушка и елочные украшения. В продаже рождественских товаров участвовали и дети из бедных семей, получая небольшой доход и предлагая свой товар на специальных переносных лотках, висевших на ремне на уровне живота (отсюда название *Vauchladen* — «набрюшный лоток»). На висячих лотках дети продавали сладости, игрушки и фигуры из сухофруктов, называющихся в саксонском диалекте «*Pflaumentoffel*» (от нем. *Pflaume* — «слива»). Эти фигурки изготавливались юными продавцами из сухих плодов чернослива и считались типичными для дрезденского базара. Чернослив надевался на толстые нитки, конструкции придавался вид человечек-трубочистов. Такие фигурки долго хранились, оставаясь съедобными, и служили не только игрушкой и рождественским украшением — их поедание служило символическим завершением рождественских праздников [Goehle 1985: 24]. Дрезденский базар славился и рождественской выпечкой — традиционными сдобными калачами штоллен (*Weihnachts-Stollen*), которые и дали имя базару: в Дрездене их называют *Striezel*.

Нюрнберг во Франконии, город патрициев, купцов и ремесленников, уже к 1600 г. знал обычай одаривания на Рождество (в отличие от иных местностей, где одаривание практиковали на день св. Николая или Новый год). Из придворной среды мода на подарки к Рождеству переместилась в бюргерскую и народную среду. Приблизительно этим временем датируется образование Нюрнбергского рождественского базара *Christkindelsmarkt*, который ответил своим ассортиментом на образовавшийся в нюрнбергском обществе спрос на подарки [Schatz 2002: 28]. В XVIII в. на рождественском базаре Нюрнберга были представлены лотки всех ремесленников города: мастеров алебастрового дела, изготавливавших кукольную посуду и мелкие фигуры из белого камня, шесточников, книжников, токарей, бутыльчиков, ювелиров, модистов, торговцев фарфором, зеркальчиков, мастеров по воску и свечников, циркульчиков, пекарей, пряничников и др.; продавались игрушки, сахар, сладости и полезные товары. В XIX столетии Нюрнбергский рождественский базар фактически был ярмаркой игрушек и таким образом соответствовал духу времени, превратившему Рождество в праздник семьи, а одаривание ребенка — в центральное событие праздника. К тому же только в этом столетии к товарам рождественских базаров добавились елка и елочные игрушки. Пекари сбывали на базаре свои сладости и традиционную рождественскую выпечку, которой в Нюрнберге считаются разнообразные виды пряников и пряных фруктовых хлебов. Интересно отметить, что и для Нюрнбергского базара характерны фигурки человечков из чернослива и сухофруктов, которые здесь называются *Zwetschgenmännln*,

диал. Nürmbercher Zwetschgermoos (от ю.-нем. Zwetschge — «слива»). По всей вероятности, эта фигура была заимствована из традиции дрезденского базара. Кроме того, фигурки из сухофруктов известны и в других местностях Германии.

Выросшая в XIX в. индустрия постепенно привела к упадку рождественского рынка Нюрнберга, сместив его с центральной площади города и значительно ограничив размах. В обществе снизился интерес к базарам и ярмаркам, они вышли из моды и стали малопопулярными. Но идеологи национал-социализма возродили традицию Christkindlesmarkt и принесли ему новый расцвет. Можно говорить о том, что история сегодняшнего Нюрнбергского рождественского базара начинается лишь с 1933 г., когда, следуя идее возрождения старых обрядов и воплощая реминисценции средневековой Германии, был организован и открыт по новой церемонии и с новыми символами Нюрнбергский Christkindelsmarkt на своем историческом месте — центральной площади Мариенплац [Fränkischer Kurier 5.12. 1933; 9.12.1933].

Базары и в XXI в. являются традиционным элементом жизнеобеспечения в современной Германии. Каждые выходные во всех южнонемецких городах проводятся рынки антиквариата или базары старьевщиков (Trödelmarkt, -märkte). Осенью на рыночных площадях городов работают осенние крестьянские ярмарки, предлагающие овощи и цветы из регионов, а также промышленные товары и текстиль; весной на их месте разворачиваются пасхальные или весенние ярмарки, ассортимент которых отвечает сезону. Рождественский базар — всего лишь разновидность площадной ярмарочной торговли, который, однако, оформляется организаторами и воспринимается посетителями с большей долей торжественности. Если посещение сезонных рынков сегодня — дело стиля жизни и вкуса, то посещение рождественских рынков как элемент Адвента считается традицией и планируемым событием. Популярности любого вида ярмарок, а особенно рождественских, по мысли немецких историков, способствует ностальгия о прошлом [Schatz 2002: 29]. Рождественский базар образуют ряды крытых лотков-палаток с товарами: сладостями (орехами, пряниками, хлебами, попкорном, карамелью, жареным миндалем и шоколадом), легкими горячими закусками и супами, горячими напитками (кофе, чаем, пуншем, глинтвейнами), пивом, стеклянной и иной елочной игрушкой, рождественскими украшениями интерьера, подвесками и светильниками, резными деревянными фигурами, вертепами и всевозможными деталями для их строительства, формами для выпечки и прочей кухонной утварью, зимней одеждой, обувью и галантереей (рис. 3 CD). В Архиве МАЭ имеются подробные описания рождественских базаров Бамберга, Нюрнберга и деревни Петтштадт во Франконии, сделанные автором статьи в ходе полевой работы в 2008 г. [МАЭ: Бучатская 2008–2009: 43–48, 50, 52–55, 62–63, 67].

Выделяются специфические для предрождественского времени товары, доступные только на рождественских базарах, — это традиционный для Адвента глинтвейн или пунш, рождественская и елочная игрушка, вертепы. Именно на рождественских базарах г. Бамберг и была приобретена одна из коллекций современной стеклянной елочной игрушки для фондов Кунсткамеры (колл. 7440). Ассортимент рождественских базаров приспособился к спросам индустрии туризма: на сегодняшний день базары привлекают специфическими для каждой конкретной местности изделиями или блюдами

(нем. *Spezialität*, -en). Например, для Нюрнбергского базара это сливовый человечек *Zwetschgenmännla*, фигура ангела из позолоченной фольги *Rauschgoldengel*, нюрнбергские пряники. Новые требования рыночных отношений в конце XX в. к числу традиционных рождественских изделий добавили гастрономическую специфику — нюрнбергские сосиски и местный глентвейн, который называется по имени исторического рождественского базара Нюрнберга *Christkindlesglühwein* и изготавливается из черничного вина.

Локально-тематические рождественские базары в меньшей степени являются плодами стереотипов рекламы, а следовательно, в большей степени сохраняют истинную этнокультурную специфику. На них главным образом предлагаются продукты питания и напитки домашнего немассового производства и товары ремесленного ручного производства из природных материалов. С последних десятилетий XX в. в связи с движением за экологичность такие «штучные» товары вошли в моду и высоко ценятся в странах Европы. Своеобразным аттракционом локально-тематических базаров нередко становится открытая работа, демонстрация процесса изготовления предмета (гончарное производство,ковка, резьба по дереву, приготовление выпечки). Локально-тематические базары благодаря коммерческому интересу организаторов популяризируют народные промыслы и ремесленные традиции и тем самым служат их сохранению (рис. 3, рис. 67 CD).

В жизни и самосознании жителей Германии рождественские базары также имеют значение и несут определенную смысловую нагрузку. Они служат местом встречи с родственниками, друзьями и знакомыми, способом провести вечер и пообщаться в предпраздничной обстановке. Опросы жителей Бамберга в 2009 г. показали, что, несмотря на критику излишней коммерциализации

Рис. 3. Лоток торговца рождественского базара «Adventsmarkt im Sand». Бамберг. Ноябрь 2008 г. Фото Ю. Бучатской. Фотоархив отдела европеистики МАЭ

Рождества и предпраздничной торговли, все опрошенные обязательно хотя бы один раз в год посещают рождественские базары «для того, чтобы почувствовать приближающийся праздник, потому что площадь красиво освещена и украшена» [АМАЭ: Бучатская 2010: 64], «потому что считаю, что они красивы, но лучшее — то, что можно встретиться с друзьями и попить глинтвейн» [АМАЭ: Бучатская 2010: 56]; «многие люди любят просто проходить вечерами через рождественский базар, потому что он передает рождественскую обстановку — запах пряностей, горячего глинтвейна, миндаля в карамели и т.д.» [Schilde 1999: 2]. При этом местные жители небольших городов и сел предпочитают посещать не центральные базары крупных городов, а открывать для себя малые локальные рынки в округе, не известные чужакам и туристам, например организованные при монастыре или благотворительном обществе (монашеский базар в Клостер Банц под г. Бад Штаффельштайн; базар общества инвалидов в Зонненхофе под с. Обермерцбах во Франконии), в замке или в частном крестьянском дворе (базар в подворье Айхенбирки под с. Поппендорф во Франконской Швейцарии), обеспечивая этим своеобразную «эксклюзивность» своего переживания праздника. Получается, что рождественские базары способствуют функционированию в современном обществе определенных ассоциаций и стереотипов Рождества.

Рождественская выпечка. В народной культуре праздник предполагает трапезу. Приготовление блюд и сам процесс трапезы составляют одно из главных обрядовых действий праздника в сфере семьи. По мнению исследователей, в системе семейной профанной трапезы рефлексировалась роскошь и богатство праздника сакральной сферы: «Сытная и богатая праздничная трапеза контрастировала с общей бедностью и скудным каждодневным рационом по количеству и объемам блюд, ингредиентам, способу приготовления, подчеркивая тем самым религиозную важность праздников для сферы семьи» [Winterberg 2010]. Благополучие, которое во времена бедного и полуголодного существования крестьян напрямую связывалось с сытостью и обеспеченностью продуктами питания, таким образом временно повышалось и влияло на общую позитивную психологическую оценку предрождественского времени.

В отношении Рождества можно говорить о собственно рождественской трапезе в сочельник и традиционных для Адвента кулинарных обычаях: праздниках забоя скота и изготовлении рождественской выпечки. МАЭ располагает репрезентативной коллекцией традиционных предметов, связанных с праздничной трапезой, в том числе рождественской, в Германии XX в. В ней представлены все предметы кухонной утвари, необходимые для приготовления различной праздничной выпечки: горшок для хранения продуктов, который мог использоваться как для муки, так и для жиров — масла, смальца, сметаны (колл. № 7439-1; рис. 45 CD), скалка для раскатывания теста (колл. № 7439-2; рис. 46 CD), формы для вырезания фигурного печенья (колл. № 7439-35–37; 7440-17-1–8), формы и модели для изготовления пряников, клецок, кексов (колл. № 7439-4, 17, 23–28; 7440-18; рис. 47, 48, 49, 50, 51, 52 CD).

Выпекание рождественского печенья, калачей и хлебов многократно обыграно в страноведческих фильмах о Германии и освещено в различных красочных изданиях. За время исследовательской работы в стране автору трижды доводилось принимать участие в изготовлении рождественского печенья. Подробное описание процесса изготовления, а также рецепты всех видов тра-

диционной рождественской выпечки отражены в полевых тетрадах [АМАЭ: Бучатская 2008—2009: 49; 2010: 70—73]. Выпечку делают разной по форме, способу формовки и типу теста. Используется тесто песочное (Mürbeteig), масляное (Butterteig), пряное (Gewürzteig), ореховое (Nußteig) или дрожжевое (Hefeteig). Традиционная рождественская выпечка в Германии — калач штоллен (Stollen, Christstollen, Striezel), пряники (Printen, Lebkuchen, Pfeffernüsse, Pfefferkuchen, Gewürzbrot), различная мелкая выпечка (нем. Plätzchen, франконск. Blädzla, ю.-нем. Platzerl, Brötle, Gutsle, Läuble) и пряное фигурное печенье-картинки (нем. Bildgebäck, з.-нем. Spekulatius, ю.-нем. Springerle).

Штоллен считается в Германии ремесленным пекарным изделием с самой долгой традицией. Корни штоллена прослеживаются до XIV в. и уходят на территорию Саксонии (г. Наумбург). В начале своей истории этот калач изготавливался из постного дрожжевого теста и употреблялся в пищу во время адвентского (предрождественского) поста. Форма штоллена проста — овальный сформованный руками хлеб длиной до полуметра, его историческое название Christbrot — Христов хлеб. В 1491 г. папа Иннокентий VIII разрешил употребление масла во время поста, и в том же столетии придворный пекарь из Торгау Хайнрих Драсдо добавил к традиционным ингредиентам штоллена сухофрукты и превратил его из постного хлеба в богатый праздничный калач. Сегодня штоллен является общенемецкой рождественской сладостью и имеет много локальных (оригинальный дрезденский, вестфальский «Вестфаленбэкерштоллен», эрфуртский «Шниттхен», мюнхенский «Киндль штоллен», бременский «Бремер клабен» и т.д.) и авторских вариаций (маковый, марципановый, творожный, масляный). Традиционный дрезденский штоллен изготавливается из дрожжевого сдобного теста с большим количеством сливочного масла, изюма, цукатов, миндаля. После выпекания калач три недели выдерживают в холоде, чтобы выпечка спрессовалась, пропиталась и увлажнилась, после чего изделие приобретает естественный долгий срок хранения — до Пасхи.

Пряники известны печатные и свободной формы. Печатные пряники (нем. Formgebäck, з.-нем. Printen) изготавливаются из темного теста с добавлением большого количества пряностей путем выдавливания или штамповки рисунка при помощи модели. Модели для печатных пряников вырезали вручную из куска дерева. Этой работой занимались либо бродячие ремесленники, либо сами пекари. Во Франконии и Швабии известна плоская фигурная выпечка из простого пряного теста *шпрингерле* (Springerle). Тесто для нее содержит сахар, муку, яйца и анис. Готовое тесто раскатывают до толщины 0,5 см, режут на прямоугольные куски и аккуратно вдавливают в припудренную мукой форму, для лучшего результата — при помощи маленького шерстяного мешочка, наполненного мукой и сахаром. Затем ладонью бьют по оборотной стороне деревянной формы, и готовая фигура из теста выскакивает из нее. Фигуры выдерживают в течение ночи для подсушивания, а на следующий день выпекают. Таким же образом изготавливают и фигурные пряники для украшения рождественской елки, и большие пряничные фигуры для подарков детям. В XIX в. был известен обычай, когда крестные дарили девочкам на Сильвестров день (1 января) «марципановую куклу», а мальчикам — «марципанового всадника» [Poganietz 2002: 112]. Именно такая традиционная деревянная модель для пряников *шпрингерле* есть в собрании МАЭ (колл. № 7439-4). Она представляет собой доску коричневого цвета, на одной из сторон которой находится резная

выемка в виде фигуры человека в длиннополой одежде и высокой шапке. Такие фигуры характерны для пряничного искусства (рис. 4). Предмет из собрания Кунсткамеры, датируемый предположительно первой половиной XX в., —

Рис. 4. Штамповочная доска для рождественского пряника.
Начало XX в. МАЭ. Колл. № 7439-4

один из самых распространенных пряничных моделей, встречающихся не только во Франконии, но и в других областях Германии. Схожая современная модель представлена в коллекции 7440 (колл. № 7440-8). Это модель малого размера, из некрашеного светлого дерева с резной выемкой на одной из плоскостей (рис. 42 CD). Резьба представляет собой фигуру мужчины с бородой в длиннополой одежде и шапке, с елкой за плечом, олицетворяющую рождественского деда *Weihnachtsmann*. Если происхождение первой, старинной, модели неизвестно, то современная малая форма изготовлена профессиональными резчиками Эрцгебирге в Саксонии в 2008 г. и куплена на рождественском базаре.

Без использования моделей изготавливают пряники свободных форм — в виде прямоугольника, круга, звезды, различных фигур. Для выпечки используют облатки — круглые пресные заготовки из белка, на которые намазывают жидкое тесто перед выпеканием. Франконские *Lebkuchen* пекут из темного теста с большим количеством пряностей, которые характеризуют зимнее предрождественское время в Германии, — корица, кардамон, гвоздика, имбирь, душистый перец, миндаль. В качестве подсластителя используют мед, сироп или коричневый сахар кандис. Пряники различаются не только видом подсластителя, но и типом декора. Поверхность готового пряника украшают миндалем или сухими фруктами, покрывают сахарной глазурью или шоколадом.

Особенно широко в Южной Германии известны пряники из Нюрнберга, их история насчитывает не одну сотню лет — первое упоминание датируется 1487 г. Расцвет пряничного ремесла (*Lebküchnerhandwerk*) был обусловлен тем, что Нюрнберг в Средние века был признанным в Южной Германии центром торговли восточными пряностями. И в наши дни во времена ярмарок на центральной площади Мариенплац немалое место занимает торговля пряностями и травами. Кроме того, в округе города процветало пчеловодство, доставлявшее в городские пекарни мед, необходимый для пряничного теста. В XV–XVI вв. пряничное производство в Нюрнберге становится профессиональным занятием, а в 1643 г. происходит выделение «пряничников» в отдельный ремесленный цех, который до середины XIX в. единственный обладал правом производства выпечки из темного пряного теста [Bösch 2002: 116]. С конца XX в. пряники под маркой «Нюрнбергские» производятся фабричным способом и доступны круглый год в торговых сетях. И только во время Адвента частные пекарни Франконии традиционно выпекают по старинным рецептам и с соблюдением всех цеховых законов и предписаний пряники и прочую рождественскую выпечку. В Нюрнберге также возродили производство расписных елочных украшений из пряничного теста (нем. *Lebzelten*). Два примера представлены и в собрании Кунсткамеры (колл. № 7440-19, 20; рис. 43, 44 CD). Пряничные изделия продают в пекарных лавках, устраивая часто уличную торговлю и мастер-классы по украшению пряников и изготовлению для детей ведьминых пряничных домиков по сказочному прототипу Я. и В. Гримм «Хензель и Гретель». На рождественских базарах отведена главенствующая роль лоткам с традиционными пряниками штучного производства (рис. 4, рис 74 CD).

В домашнем хозяйстве также изготавливают выпечку из пряного теста, которая называется *Gewürzbrot* («пряный хлеб»). В отличие от изделий пряничного ремесленного искусства пряные хлеба не требуют специальной выучки, форм и патентов. Они выпекаются из мягкого темного теста с добавлением

пряностей, орехов и цукатов в противне, а после готовности нарезаются на квадраты или ровные ромбы.

Мелкая рождественская выпечка — Plätzchen (от нем. Platz — «пирог плоской формы») — наиболее хорошо подходит для изготовления в домашних условиях. Несмотря на обилие предлагаемых готовых сортов рождественской выпечки в супермаркетах и мелких пекарнях, домашнее совместное изготовление печенья и в XXI в. остается популярным и предпочтительным. Существуют традиционные и новые сорта рождественского печенья, каждая семья нередко наряду с соблюдением традиций экспериментирует и создает оригинальные рецепты. Известны такие традиционные виды печенья, как «Butterspritzgebäck» из масляного теста, выдавливаемого из кулинарного шприца на противень в произвольных формах, двухцветное песочное печенье с какао «Heidesand», «Vanillekipferl» или «Vanillenhörnle» — сформованные руками рожки из сдобного теста с ванилью, «Haselnuß-Oblaten-Plätzchen» — выпеченная на облатках орехово-белковая масса с шоколадом или без и многие другие [АМАЭ: Бучатская 2010: 71]. Но самым традиционным остается простое фигурное печенье из песочного теста. Тесто раскатывают скалкой в тонкий пласт (5–7 мм) и затем при помощи металлических формочек вырезают из него различные фигурки — чаще всего мотивы, представленные восьмью примерами из коллекции МАЭ (колл. № 7440-17-1–8). Формочки современного производства из полоски белой жести, выгнутые и спаянные, в виде следующих фигурок: елка, полумесяц с лицом, виффлеемская звезда, ажурный полумесяц с краями-фестонами, профиль ангела в длиннополой одежде, колокольчик, сердечко и шестиконечная звезда (рис. 7 CD). Это наиболее характерные рождественские мотивы, известные в качестве форм для выпечки с середины XIX в. Они до наших дней популярны в Германии. Старые формы (1920-е годы), напротив, представляют простые и произвольные мотивы — профиль мужской головы в шапке и с бородой (колл. № 7439-36, рис. 64 CD), высокая ваза или бокал (колл. № 7439-37), ромб с ажурными краями (колл. № 7430-35; рис. 5, рис. 63 CD).

Несложная, но объемная работа по штамповке печенья из листа теста хорошо реализовывается в коллективе семьи, где все оказываются в равной мере заняты и вносят свой вклад в предрождественскую подготовку. После выпечки печенья в остывшей печи или современном духовом шкафу его смазывают сахарной глазурью и украшают цветным сахаром, корицей. В один вечер заготавливается такое количество выпечки, которого должно хватить до Рождества. В некоторых семьях выпечкой занимаются каждую неделю Адвента, делая каждый раз определенный сорт печенья. Рождественская выпечка изначально предназначалась в качестве подарков и подношений ко дню св. Николая (дню преподношения подарков) или к Рождеству. Печенье и пряные хлеба принято было съесть за совместной трапезой в Рождество вместе с другими типичными зимними лакомствами — орехами и сухофруктами. В современных нам XX и XXI в. каждое воскресенье Адвента в вечерние часы, с 15 до 17 часов, которые называются у немцев Kaffezeit, в домах зажигают соответствующее количество свечей в венке Адвента и устраивают семейный стол с традиционной выпечкой. К ней подают кофе.

Рождественское печенье хранится и подается в специальной посуде. В Германии с рубежа XIX–XX вв. существуют традиция и определенные каноны

создания и оформления такой посуды: хранили выпечку в жестяных коробках (Weihnachtsplätzchendose) или шкатулках из папье-маше, а к столу подавали на блюде (Weihnachtsplätzchenteller). Наиболее старые образцы блюд изготавливались из плотного картона и украшались штампованными типографскими рисунками с рождественской тематикой — елка, церковь под лунным светом, св. Николай, зимние пейзажи и забавы. Картонная тарелка из коллекции Кунсткамеры (колл. № 7439-46) относится к 1930-м годам и иллюстрирует типичный мотив национал-социалистического времени, когда Рождество пропагандировалось как нейтральный веселый праздник немецких детей, без связи с религиозной стороной: вокруг украшенной елки танцуют дети, по краям изображены елки под снегом, подарки, музыкальные инструменты, игрушки, деревянные фигуры, а над рисунком надпись старым немецким шрифтом «Stille Nacht, Heilige Nacht» (рис. 5, рис. 53 CD). Распространены были также коробки и шкатулки для преподнесения печенья в качестве подарка. Тарелки и коробки для рождественской выпечки с различными традиционными рисунками разных эпох давно стали в Германии объектом коллекционирования частных и музейных собраний.

Рождественская выпечка как компонент праздника сохраняет значение и для немецкого самосознания: во время совместной трапезы и совместного

Рис. 5. Картонная тарелка для сервировки рождественского печенья. 1930-е годы. МАЭ. Колл. № 7439-47

приготовления печенья реализуются буржуазные представления о семье. Несмотря на существенные социально-экономические изменения в современном мире, парцелляцию семьи, очасти неприятие семьи как формы сосуществования в обществе, именно эмоционально-окрашенный образец семейной общности производит «типично рождественское настроение». Усвоенные в детстве способы подготовки к Рождеству сохраняются и воспроизводятся во взрослом возрасте. Опрошенные информанты в возрасте от 23 до 28 лет подчеркивали, что совместное выпекание печенья «всегда было в семье, у знакомых и соседей, сколько они могут себя помнить, самым душевным и типичным мероприятием Адвента», и они сами осуществляют его ежегодно со своими друзьями или спутниками жизни [АМАЭ: Бучатская 2010: 65–66]. В семьях используются традиционные формы для выпечки, по возможности старые, передаваемые из поколения в поколение. Ежегодно в лавках торговцев кухонной утварью в зимний сезон и на рождественских ярмарках продаются современные формы из дерева и металла для печенья и пряников, которые находят своих покупателей (рис. 6 CD). Это свидетельствует о спросе немецких хозяек и сохранении традиции. Интересны пути развития обычая в современном мире возросшей мобильности населения и дистанцированности от родины (собственно места усвоения образцов и ценностных ориентаций). Например, студенты университета Бамберга в своем общении организуют ежегодные совместные вечера по изготовлению рождественского печенья во время Адвента [АМАЭ: Бучатская 2008–2009: 49] (рис. 8 CD).

Предметы праздничной обрядности Адвента и Рождества

Венок Адвента. Символом Адвента и предвестником приближающегося Рождества служит венок — Adventskranz. Его традиционно изготавливают из еловых веток и снабжают четырьмя свечами. Четыре свечи соответствуют четырем воскресеньям или четырем неделям Адвента: каждое следующее воскресенье зажигают по одной свече, и она горит всю неделю, так что к сочельнику горят все четыре. Во многих семьях в наши дни (главным образом в воскресенье Адвента или же в исключительных случаях прихода гостей на неделе) немцы обычно собираются за вечерним кофейным столом с традиционной выпечкой и зажигают на настольном венке соответствующее воскресенье Адвента количество свечей. И так в душевной атмосфере с беседой протекает традиционное время кофе в предрождественский период. В храмах над алтарями также во время Адвента висит венок с четырьмя свечами, которые зажигают во время воскресных праздничных служб.

Венок Adventskranz стал для немцев сегодня таким же расхожим символом приближающегося великого праздника, как и рождественская елка, и популярность его в качестве предновогоднего украшения дошла и до нашей страны. Однако мало кто знаком с историей и корнями этого символа. Между тем венок является одним из самых распространенных и универсальных форм культового и светского декора и используется в качестве такового в обрядности целого ряда праздников годового цикла: помимо Рождества на Пасху, Троицу, Майский праздник, праздник урожая, свадьбы, ярмарки, дни солнцеворота и т. д.

Относительно происхождения немецкого венка Adventskranz существует предположение, согласно которому прообразом его были люстры круглой

формы раннероманских соборов. А вот связать этот церковный элемент раннего времени с обрядностью Адвента пришло в голову Йоханну Хайнриху фон Вихерну (1808—1881), основателю «Духовной миссии» (Innere Mission) и приюта для бездомных в Гамбурге «Жестокий дом» (das Rauhe Haus). На своих поминальных службах во время Адвента Вихерн ежедневно устанавливал и зажигал на большой круглой люстре по одной свече. Перед сочельником 1860 г. по его же инициативе в крупнейшем берлинском доме сирот в Тегеле была сооружена и вывешена большая люстра со свечами. На ней были укреплены 28 свечей, каждая из которых соответствовала каждому дню Адвента. Позднее люстру заменил венок из еловых ветвей, а число свечей сократили до четырех — по одной на каждую из четырех недель [Wörterbuch d. dt. Volkskunde 1974: 7—8]. Венок Адвента стал особенно популярен в церквях и школах протестантского севера и востока, а после Первой мировой войны достиг и Южной Германии. В этом особенное содействие оказывали молодежные движения, которые в 1920-е годы старались раскрыть новое содержание немецких народных обрядов. После Второй мировой войны венок окончательно завоевал популярность в других странах Европы; в конце XX в. как модное подражательное явление был заимствован в рождественско-новогоднюю обрядность стран Восточной Европы и стал развиваться своими, порой неожиданными путями.

Сегодня в мире высокоразвитой индустрии украшения и подарков мы можем выбрать венок Adventskranz на любой вкус — от традиционного до вычурно авангардного, в разных цветах и из разных материалов. Меняется и форма венка, трансформируясь в ветвь или букет с четырьмя свечами (рис. 9 CD).

Многие по-прежнему самостоятельно изготавливают венки семьей, применяя всю фантазию и художественный вкус, который также своеобразно маркирует современное время немецкого Адвента. Для изготовления Adventskranz нужно владеть некоторыми навыками и быть знакомым с основами флористики. Немецкие женщины каким-то удивительным образом и без специального образования имеют вкус и фантазию, чувствуют растительный материал и цветовые сочетания. В Бамберге с недавнего времени в традиционном квартале земледельцев семья цветоводов Бёмер проводит мастер-класс по изготовлению венков в рамках организуемого ею же предрождественского рынка. В Архиве МАЭ хранится описание, а также фотографии всех этапов изготовления и оформления традиционного венка Адвента потомственным цветоводом г. Бамберг Сабине Грюндлер [АМАЭ: Бучатская 2008—2009: 49—50]. Для вязания венка необходимы жесткая соломенная заготовка в виде круга, тонкая медная проволока и материал — ветки пихты, сосны, кипариса или самшита. Основа называется Strohrömer. Можно вязать венок из одного вида материала, можно смешивать все четыре в одном венке. Традиционно использовали только пихту — она создает ровную фактуру венка и долго держится без воды, не теряя хвои. Современный дизайн разрешает плетение венков из вечнозеленого листовенного самшита или же поочередное вплетение разного материала. Начинают плести венок так: проволоку дважды обматывают вокруг основы и закрепляют свободный конец; первые ветки, которые увязывают в венок, должны быть длиннее, чем последующие. Их укладывают плотно друг к другу, при этом придерживая основу снизу, обхватывая рукой и саму основу, и уложенные плотно ветки. Если предполагается сплести венок настольный, что более распространено в Германии, то основу обвязывают материалом со всех сторон,

оставляя лишь низ, чтобы венок был плоским и мог лучше лежать на плоской поверхности. Если же нужно сплести венок, который затем подвешивают к потолку, что более соответствует традиции, то основу следует оплести со всех сторон, чтобы венок вышел пышный, равномерно округлый. Первый ряд уложенного материала дважды туго обматывают проволокой. Следующий ряд укладывают поверх первого, отступая назад. Каждый ряд туго обматывается проволокой, равномерно, так, чтобы расстояние между перевязками составляло 2–3 см. Ветки последнего ряда должны быть короче, и окончание венка каждый раз индивидуально, каждый мастер определяет на глаз количество отрезаемого материала (рис. 6, рис. 73 CD).

После того как венок готов, его надо еще оформить, украсить, сделать праздничным и уместным к празднику. Для этого выбирают декор — им могут быть ленты, которые завязывают в банты, и любые плоды: грецкие и лесные орехи, палочки корицы, звезды аниса, засушенные кружки апельсина, райские яблочки, плоды шиповника, засахаренные фрукты или вместо всего этого — маленькие стеклянные шары. Расположение декора подчиняют главным доминантам венка *Adventskranz* — четырем свечам, которые симметрично укрепляют сверху. Если венок предстоит повесить к потолку, так же важно после установки свечей укрепить в четырех местах на венке ленты. И только потом наносить горячим акриловым клеем декор. Если венок предназначен для стола, декором можно заполнять все свободное пространство хвои вокруг свечей. В XXI в. вопреки переизбытку рождественской продукции в торговых сетях, на рождественских базарах и в цветочных лавках многие хозяйки предпочитают венки собственного изготовления. Тому есть несколько причин: во-первых,

Рис. 6. Вязание венка Адвента в фамильном земледельческом хозяйстве Х. Бёмера. Бамберг. 3 декабря 2008 г. Фото Ю. Бучатской.
Фотоархив отдела этноистики МАЭ

сказывается общеевропейская тенденция возврата ценности сделанного своими руками (*handgemacht/hand made*); во-вторых, массовому производству вообще предпочитают «эксклюзивность» ремесленного продукта, и в-третьих, сам процесс изготовления венка *Adventskranz* является неотъемлемой частью предрождественского праздничного времени.

Рождественский декор. Помимо традиционного *Adventskranz* со свечами, дом украшают настенными и надверными венками с рождественскими мотивами и декором. Помимо венков время Адвента в домах и городах Германии маркируют и иные формы декора. Украшение и частного жилья, и общественного пространства города создается на основе современных авторских флористических композиций для светлого времени суток и световых композиций — для темного. В частных домах во время Адвента украшают гостиную и область входа в дом — входную дверь, прихожую, лестницу.

В рождественской обрядности велика роль света и огня. Предрождественское время сопровождается зажиганием свечей как в храмах, так и в домах — для придания атмосферы праздника и семейного уюта. Поэтому важной составляющей домашнего декора являются свечи, гирлянды, огни, а с ними — подсвечники. В Германии существуют различные виды подсвечников с различной символикой и историей происхождения. В коллекции Кунсткамеры представлены два традиционных деревянных резных подсвечника ремесленного производства, изготовленные, по всей вероятности, в первой половине XX в.: подсвечник для трех тонких свечей, красного цвета с характерным декором — зелеными ветками ели (колл. № 7439-19; рис. 10 CD) и низкий подсвечник для одной свечи (колл. № 7439-20; рис. 11 CD). Основание этого подсвечника покрыто золотистой краской и выполнено в виде шестиконечной звезды — символа Рождества. Подсвечники, выполненные руками из дерева, были еще в первой половине XX в. доступны каждому и дешевы в отличие от хрустальных или любых металлических. Оба подсвечника из коллекции Кунсткамеры изготовлены на токарном станке, в Германии такая работа по ценности и стоимости приравнивается к ручной.

Помимо специфических используются и повседневные элементы декора, но с изменениями, за которыми «читается» рождественская принадлежность через смену качества или содержания. Например, взамен блюд со свежими фруктами в интерьере появляются блюда с плодами, которые соответствуют зимнему времени года и в прошлом традиционно дарились только на Рождество (орехи, яблоки, палочки корицы, звезды аниса, сухие кольца апельсина). Другой пример: взамен ежедневных элементов интерьера (скатерть, подсвечники, настенные/надверные венки, салфетки, столовая и декоративная посуда) произвольных цветов выбираются те же элементы строго определенных цветов (красный, зеленый, золотой, которые также «читаются» как рождественские). То есть в современном рождественском оформлении дома делается акцент на традиционность и старые известные формы обрядности в Германии, наблюдается своеобразный «выход» ностальгии.

Наряду с оформлением интерьера гостиных особенно богато украшают окна. Это показательно для немецкой ментальности: хозяин не только создает праздничную атмосферу для себя и узкого круга людей внутри частной закрытой сферы, но и расширяет ее вовне, в пространство города. Окна служат своеобразными «глазами» каждого дома, через сезонный, в том числе рождествен-

ский, декор окон владелец демонстрирует городскому сообществу свои вкусовые и ценностные предпочтения. В этом плане заметна разница между стилевыми предпочтениями в оформлении окон в предрождественское время в крупных и малых городах: например, в Берлине, Франкфурте или Нюрнберге, которые считаются метрополиями с более выраженной анонимностью населения, декор в большинстве случаев ограничивается световыми объектами массового производства и сетевого распространения. То же наблюдается в современных квартирах на окраинах малых и средних городов (Бамберга, Вунзиделя, Лауши и т.д.), где высока ротация населения. Старые кварталы с традиционной застройкой, обнаруживающие большой процент коренного населения малого/среднего города, образующего сплоченное знакомством или родственными связями общество, украшаются индивидуально. Часто владельцы предпочитают выставлять в окна исторические рождественские украшения, принадлежавшие их предкам (деревянные рождественские резные фигуры и игрушки, подсвечники), фигуры святых, также старинного производства. В темное время суток окна украшены гирляндами лампочек или традиционными деревянными арками с вырезанными объемными зимними мотивами или рождественскими фигурами, на верхней дуге которых укреплены от 4 до 9–12 электрических или восковых свечей (Spitzbogen, Schwibbogen, -bögen). Во многих регионах Германии любимы пирамиды (Weihnachtspyramide, Pyramide). Они представляют собой многоярусное сооружение из дерева, которое венчает деревянный пропеллер-вертушка, а на нижнем ярусе укреплены четыре свечи. Теплый воздух от свечей поднимается вверх и вращает вертушку, а вместе с ней вращаются ярусы пирамиды, на которых укреплены резные деревянные миниатюрные фигурки, собранные в рождественские сценки. Два последних элемента декора — арка и пирамида — представляют собой традиционные изделия саксонских резчиков по дереву.

Рождественская игрушка. Эти резные произведения из дерева считаются традиционными рождественскими украшениями интерьера области Эрцгебирге в Саксонии. В этой местности исконно существовали свои уникальные формы рождественского декора. Эрцгебирге — небольшая область на востоке Саксонии — исторически была центром горнодобывающей промышленности с долгой традицией: первые месторождения здесь были открыты в XII в. До конца XIX в. здесь добывали серебро, олово, медь, висмут, кобальт, железо, свинец, вольфрам, никель, уран, каолин [Schrader 1985: 15–16]. После того как запасы полезных ископаемых в этом регионе были исчерпаны, оставшиеся без работы горняки вынуждены были искать иные пути заработка. Возможности для этого предоставляли богатые леса области, покрывавшие долины. С XVII в. в Эрцгебирге горняки занимались изготовлением мебели, домашней утвари и частично резьбой по дереву в качестве дополнительного промысла в свободное от основной работы в рудниках время, и мастерство резчиков по дереву в это время процветало. С середины XIX в. началась стремительная переориентация населения на деревообрабатывающий промысел, приносящий основной доход, главным образом — изготовление деревянной игрушки [Schrader 1985: 17]. В предрождественское время игрушки были особенно востребованы, поэтому в этот «высокий сезон» с раннего утра до позднего вечера при свете свечей в маленьких низких помещениях жилых домов работали целые семьи, включая женщин и детей.

С бурным развитием современных форм Рождества и превращением его в бюргерский праздник семьи, а также с развитием традиции одаривания в Рождество резко вырос спрос на игрушку. Дерево было самым расхожим материалом для изготовления доступных игрушек в конце XIX — начале XX в. Если в конце XIX в. игрушки продавались самими мастерами на ярмарках и базарах, то с ростом объемов продаж и спроса из среды бывших резчиков выделилась часть, которая благодаря накопленному опыту в торговле полностью переориентировалась на сбыт продукции мастеров Эрцгебирге [Schrader 1985: 19]. Вместе с увеличением спроса на деревянную игрушку значительно расширился ассортимент фигур. Мастера Эрцгебирге изготавливали резные фигурки животных, социальные типажи, модели предметов обихода, транспорта, орудий труда. Особая тематика резного промысла Эрцгебирге — рождественская игрушка.

Наиболее известными рождественскими игрушками и деталями украшения интерьера считаются фигуры ангела и горняка, которые одновременно служат подсвечниками. Обе фигуры традиционно изготавливаются на токарном станке — вытачиваются болванки стандартных форм и размеров, дополнительно из папье-маше или глины делаются и прикрепляются руки, крылья, держатели для свечей, затем куклу расписывают. Типичным мотивом для ангела всегда было белое или светлое женское платье с цветами и фартуком; для горняка — униформа и головной убор с профессиональной символикой. В изготовлении горняка применялась также работа резчика, который вырезал ноги куклы. Исследователи резного промысла Эрцгебирге высказывают мысль, что изображения горняка было своего рода автопортретом мастеров, которые творили не по заказу, но для собственных эстетических нужд, а фигуры, служившие одновременно подсвечниками, воплощали тоску горнорабочего по свету [Heidenreich 2003: 58]. В конце XX в. фигуры ангела и горняка считались неоспоримыми символами богатого традициями Рождества Эрцгебирге: «В них в гармоническом единстве соединяется игрушка со светом рождественской обрядности» [Kohlmann 1985: 26].

Однако богатым традициям Рождества Эрцгебирге не так много лет: еще в 1850-х годах рождественское украшение домов в этой области ограничивалось фигурой ангела. Источники середины XIX в. не отражают разнообразного оформления домов Эрцгебирге в Рождество, в них даже высказывается мысль о грозящем исчезновении из традиции фигуры ангела: «В некоторых домах Эрцгебирге в 1860 г. стоял в окнах один-единственный рождественский ангел, одетая в белое кукла с крыльями. Над головой он держал несколько полос бумаги с пестрой надписью, подсвеченной сзади: *Ehre sei Gott in der Höhe!* Уже около 1870 г. ангел исчез из обрядности в некоторых местах (Эрцгебирге), но и там, где его еще выставляли, надпись уже не освещал фонарик, и, возможно, недалек тот час, когда и этот рождественский ангел бесславно закончит свой путь в руках какого-нибудь мальчишки» [Tille 1893: 79]. Но уже в 1920-х годах Оскар Зайфферт, основатель Этнографического музея и радетель резного искусства Эрцгебирге, сообщает в дневниках своего путешествия в местность предположительно в 1920 г.: «Мне сказали, что с шести до семи часов деревня лучше всего украшена огнями. И вот я, утяжеленный ящичком шоколада, начинаю свой обход. Тысячи свечей горят. Подсвечники-горняки, турки и белые большие рождественские ангелы с особыми венками для свечей стоят на подо-

конниках. Повсюду можно беспрепятственно заглянуть в комнату, занавеси не закрывают здесь ревностно рождественскую роскошь. Резные люстры, пирамиды, ясельные сцены — все источает яркий свет. И члены семьи стоят, завороженные этими произведениями, созданными их же руками» [Vanja 1985a: 8]. Автор этих строк упоминает за малым исключением все известные в настоящее время «исторические» рождественские произведения мастеров Эрцгебирге. Получается, что промысел резчиков по дереву пережил за время, отделяющее друг от друга оба сообщения, сильный подъем. И к началу XX в., возможно, были заново возрождены утраченные традиционные образцы. Новый расцвет искусства резьбы в Эрцгебирге привел к тому, что в XX в. именно за этим регионом закрепляется слава «рождественской земли Германии» с характерными и известными во всех странах образцами, главное местно среди которых занимает шелкунчик.

Щелкунчик. Щелкунчики — *Nußknacker* — в XX в. олицетворяют немецкое Рождество, а их происхождение неразрывно связывают с регионом Эрцгебирге. Но в действительности история шелкунчика, воспетого Э. Т. А. Гофманом в знаменитой сказке, иная. В народной среде орехокол был неотъемлемым атрибутом рождественских вечеров — вся семья собиралась в теплой гостиной *вонштубе* и шелкала орехи. Орехи были не каждодневным лакомством и преимущественно зимним. Орехи дарили на Рождество и в день св. Николая детям, ими украшали рождественскую елку. До сих пор, даже при обилии фирм, марок и сортов имеющихся в продаже очищенных и великолепно упакованных орехов, немцы по традиции покупают в рождественское время цельные нечищенные орехи — грецкие, лесные, миндаль. Поэтому неизменным предрождественским ассортиментом мелких лавок и супермаркетов являются нечищенные орехи и орехоколы.

Орехоколы как специально изготовленный предмет практического применения были известны с античности, но до нас дошли только их описания; самые ранние образцы орехоколов хранятся в музеях Италии и датированы соответственно V и IV—III вв. до н. э. Это были уже настоящие произведения искусства, которые помимо практической цели отвечали еще требованиям эстетики [Heidenreich 2003: 11]. Эпохи Средневековья, Ренессанса, барокко и рококо создавали свои образцы орехоколов из бронзы и железа, с характерными для каждой эпохи фигурами и орнаментами. Орехоколы считались предметом роскоши и использовались главным образом в домах аристократов и правящей элиты. Но и в народной среде уже с XVI в. в подражание аристократическим вкусам создавались орехоколы из дерева твердых пород, которые дарили по особым случаям. До XIX в. орехокол не был обязательным предметом утвари в хозяйстве крестьянина. Только в XIX столетии производство и украшение традиционных орехоколов достигло своего расцвета и в городе, и в деревне. Щелкунчики/орехоколы в Германии давно стали предметом музейных коллекций и вожеленной целью частных собирателей. В лавках антиквариата в наше время экземпляры до второй половины XIX в. появляются все реже, поэтому для собрания МАЭ ранних форм традиционных орехоколов приобрести не удалось. Те шесть образцов, которые представлены в коллекции Кунсткамеры (колл. № 7439–6–11), относятся к позднему времени — середине XX в. — и представляют собой классические формы антропоморфных деревянных фигур-шелкунчиков, которые возникли в Германии лишь во второй

половине XIX в. Все представленные щелкунчики имеют одинаковое устройство и механизм действия. Они состоят из нескольких деталей (от 7 до 9), выточенных на токарном станке и собранных вручную. Руки фигур выточены из отдельных кусков древесины и прикреплены к туловищу на металлических нагелях. В более старых образцах туловище изготовлено вместе с головой и головным убором из одного цельного куска (колл. № 7439-6, 7, 9, 10]. В туловище находится прорезь — «рот». В эту прорезь на металлический нагель укреплена рукоятка щелкунчика — «нижняя челюсть». Сзади она выступает рычагом. Борода щелкунчика выполняется из натурального меха (колл. № 7439-6, 7, 9) или искусственного волокна (колл. № 7439-8, 10, 11), крепится клеем на рабочую рукоять и на болванку головы по окружности. Для приведения в рабочее состояние рычаг рукоятки поднимают вверх, открывается полость, куда закладывают орех, затем опускают рукоять, орех сдавливается между телом и рукоятью и раскалывается. Все представленные в собрании МАЭ орехоколы являются рычажными.

Для изготовления орехокола выбирали древесину твердых пород, хорошо выдержанную и высушенную — ольху, дуб, клен или бук. Вырезая болванки для будущей куклы, уже учитывали ее пропорции. Тело куклы вытачивали резцом на станке и придавали ему желаемую длину, прочие детали — голову, руки, головной убор — вытачивали вручную или также на станке из прямоугольных или круглых чурок. Разрез для рабочей прессующей части вытачивали или прорезали в туловище куклы. Затем готовые детали шлифовали и красили — раньше кистью, сейчас распылителем. Затем из готовых покрашенных деталей собирали куклу, при этом руки и ноги прикреплялись штифтами, рабочая ручка укреплялась внутри на металлическом гвозде-нагеле. Использовались и иные материалы — мех (волосы, борода, опушка на головном уборе), перья (головной убор), тесьма (отделка униформы), кожа (отделка головного убора и мундира), во второй половине XX в. — искусственный мех.

Первые щелкунчики вырезали вручную инструментами из корней или ствола дерева, и уже тогда они были не просто приспособлениями для колки орехов, а уже фигурами (примитивными, чаще — уродливыми): белки, женские и мужские типажи, толстые буржуи, помещики, богачи. Ручка для колки находилась в шляпе, выступала козырьком вперед; устройство могло быть встроено в само тело фигуры и работать посредством нажима всей фигурой на твердую поверхность. Лишь в конце XIX в. пришли к известной сегодня форме рабочего устройства, которое укреплено на спине фигурки. Уже в последней трети XIX в. щелкунчики изготавливались на токарном станке, однако в наше время такой способ производства в Германии считается ручным. Самый распространенный мотив щелкунчиков — король с короной в красной униформе. Другими типичными мотивами для кукол-щелкунчиков до середины XX в. были солдат, гусар, гвардеец, жандарм, мушкетер, горняк, почтальон, охотник (баварский костюм зеленого цвета с мехом и шляпа), ночной страж, лесник, турок, пожарный.

Щелкунчики в виде солдата или полицейского появились совсем не в Эрцгебирге, как полагают многие коллекционеры и антиквары, а в Тюрингии. Тюрингия расположена в географическом центре Германии; земля так же, как Эрцгебирге, богата лесами и месторождениями полезных ископаемых. Обработка дерева в Тюрингии также имеет долгую историю, а развитием производ-

ства деревянной игрушки тюрингенские мастера обязаны купцам из Нюрнберга. Франконский Нюрнберг находится недалеко от центра производства игрушки Зоннеберга в Тюрингии, через этот город проходил путь Нюрнбергских купцов из альпийских предгорий в Лейпциг на крупнейшую ярмарку. Опытные нюрнбергские купцы сбывали в Лейпциге деревянную утварь из Тюрингии, а заодно и великолепные резные фигуры из Берхтесгадена. Эта деревня в Баварских Альпах также славится давней традицией резьбы по дереву. Вероятно, тюрингенские умельцы сперва копировали образцы из Берхтесгадена, и так зародилось производство резной деревянной игрушки в городках и деревнях Тюрингии. В XVIII в. индустрия достигла расцвета, который продолжался до XX в., а Зоннеберг стал признанным центром игрушки [Heidenreich 2003: 52]. Среди изделий ремесленников Тюрингии были и орехоколы, которые в XIX в. уже не изготавливаются строго в соответствии со стилем эпохи, а демонстрируют стилевое и образное многообразие. Резчик сам волен был создавать образ.

Антропоморфные щелкунчики/орехоколы появились уже в XVI–XVII вв., XIX столетие конкретизировало их до определенных социальных типов. Первые антропоморфные щелкунчики, изображающие разные социальные типы, появились в XVIII в. в Тюрингии, они изображали солдата. Исследователь и коллекционер Адольф Хайденрайх высказывает мнение, что фигура солдата-щелкунчика возникла в резном искусстве Тюрингии под влиянием долгого негативного опыта крестьянских войн, во время которых местное население сталкивалось с проявлениями военщины. Образ солдата-орехокола — своеобразный способ высмеять обидчика [Heidenreich 2003: 54]. Предполагается, что именно тюрингенские щелкунчики были прообразами сказочных героев немецкого романтизма — «Щелкунчик и мышиный король» Э. Т. А. Гофмана (1816) и «Король Щелкунчик и бедный Райнхольд» Генриха Гофмана (1851), которые в свою очередь разбудили живой интерес к фигуре у мастеров Эрцгебирге [Kohlmann 1985: 49; Heidenreich 2003: 55].

Если имена мастеров Тюрингии остались неизвестны, то в Эрцгебирге традиционно изготовлением знаменитых щелкунчиков занимались семьи Фюхтнер и Лангер в г. Зайффен. Впервые щелкунчики стали изготавливаться в мастерской резчика Фридриха Вильгельма Фюхтнера в 1870 г., их прообразами стали орехоколы в виде солдата из Тюрингии. Именно Фюхтнер создал образ традиционного щелкунчика Эрцгебирге, который до наших дней производится мастерами этой области и заимствован в наше коммерческое время другими немецкими фирмами. Еще на рубеже XIX–XX вв. щелкунчики были практически неизвестны за пределами Тюрингии и Эрцгебирге. И лишь после 1950-х годов щелкунчик стал «типичным и исконным» представителем рождественской культуры всей Германии, и именно тогда его происхождение ошибочно приписали Эрцгебирге.

Образцы, представленные в собрании МАЭ, относятся к середине — третьей четверти XX в. и в большинстве происходят именно из Эрцгебирге. Это достаточно поздние образцы, по которым мы уже не можем проследить пути развития орехокола в антропоморфную фигуру, но которые иллюстрируют развитые формы резного искусства до эпохи массового дальневосточного производства. Наиболее интересные и ранние экземпляры (колл. № 7439-6, 7, 10) представляют собой типичные мотивы щелкунчиков — традиционную про-

Рис. 7. Щелкунчик «горняк».
Эрцгебирге, середина XX в.
МАЭ. Колл. № 7439-6

Рис. 8. Щелкунчик «солдат».
Эрцгебирге, середина XX в.
МАЭ. Колл. № 7439-7

фессию региона Эрцгебирге — горняка и социальный типаж солдата (рис. 7, 8; рис. 55, 56 CD). Интересно отметить, что головные уборы обеих фигур имеют форму черного цилиндра или трапеции и в резном искусстве Эрцгебирге возникли под влиянием головного убора горняка (нем. Schachthut). Другие Nußknacker относятся к более позднему времени — 1960–1980-м годам и демонстрируют типаж гусара (колл. № 7439-9; рис. 12 CD), полицейского (колл. № 7439-11; рис. 13 CD) и гвардейца английской королевской армии (колл. № 7439-8; рис. 14 CD).

Курильница «Räuchermännchen». Другой столь же знаковой фигурой немецкого Рождества и декоративного оформления интерьера является Räuchermännchen — фигурка-курильница. Räuchermännchen служили подставками для благовонных свечей, которые поджигали и помещали внутрь человечка

на металлическую подставку. Через отверстие во рту благовоние выходило наружу.

По данным Музея Фихтельгебирге в г. Вунзидель, происхождение курильниц *Räuchermännchen* далеко от рождественской темы: в XVII в. в Европу был завезен табак, и европейцы начали курить. Тогда американский табак впервые стал дешев и доступен. Фигуры курильщиков были в то время карикатурами на курящих много или курящих особо плохой табак («*Kraut*» — букв. «трава») и стоявших на низкой ступени социальной лестницы. Первые *Räuchermännchen* изготовил тюрингенский игрушечных дел мастер в XVIII в. из особого рода массы, составленной из опилок, глины и мела [АМАЭ: Бучатская 2008—2009: 64—65]. По всей видимости, он был из того же Зоннеберга, где зародилась фигура шелкунчика. Но лишь с приходом моды на курение табака в XIX в. изготовители игрушек переняли этот мотив, и началась история рождественской курильницы. Сперва их изготавливали из глиняной массы или папье-маше, позднее появились выточенные на токарном станке деревянные фигуры. Но и тогда отдельные детали (руки, голову) по-прежнему лепили из глиняно-опилочной массы [Schrader 1985: 46]. Наиболее ранние экземпляры середины XIX в. считаются редкими в Германии и представлены лишь в немногих музейных и частных коллекциях. Основная масса курильниц, которыми располагают музеи и коллекционеры, относится к XX в.

Räuchermännchen из Эрцгебирге появились в 1850-х годах, чуть раньше шелкунчиков. Типичные мотивы для фигур отражали социальную структуру города и деревни Средней Германии в XIX — начале XX в.: бродячий торговец, охотник, трубочист, ночной сторож, горняк, пастух, лесник, грибник, почтальон, паяльщик, турок. Многие представители этих групп жили на окраинах или даже за пределами деревень, а горняки и вовсе «в темной горе». Исполнители закона и воли высшего сословия (ночные стражи и жандармы) были всегда популярной темой карикатурных образов и игрушки. В XX в. каждый автор-изготовитель выполняет фигуру согласно своей фантазии. Можно найти много *Räuchermännchen* нетрадиционных форм, в виде св. Николая, грибов, женских и мужских типажей в региональных костюмах, гномов, викингов и т. д. То, что *Räuchermännchen* стали рождественскими фигурами, уходит корнями в религиозную обрядность: в святые праздники запах ладана должен присутствовать и настраивать на нужный благодатный лад, очищать душу и помыслы, возвышать молитву. Курение благовоний как элемент культа известно с очень давнего времени. Подобным образом люди «очищали» свои дома, дворы и хлевы, сжигая благовония.

Курильницы *Räuchermännchen* в техническом смысле исполнения делятся на сидячие (*Sitzfiguren*) и стоячие фигуры (*Standfiguren*). У сидячих фигур благовонная свеча (*Räucherkerze*) помещается в сиденье (пень, табурет и т. п.), такие фигуры, как правило, цельнорезные, и свечу задвигают в нижнее основание. Стоячие состоят из двух частей и выточены на станке. Курильный резервуар (*Brennraum*) находится в животе, и свечку помещают в него, снимая верхнюю часть фигуры с нижней. В собрании МАЭ представлены четыре фигуры курильниц. Все они относятся к середине-концу XX в. и представляют собой стоячие фигуры, изображающие социальные типы XIX в.: пастух (колл. № 7439-12-1, 2; рис. 9, рис. 68 CD), чиновник (колл. № 7439-13-1, 2; рис. 15 CD), ночной сторож (колл. № 7439-14-1, 2; рис. 16 CD). Данные фигу-

Рис. 9. Курильница «пастух». Эрцгебирге, середина XX в.
МАЭ. Колл. № 7439-12-1/2

ры выполнены традиционным для конца XIX—XX в. способом: сперва на токарном станке выточены туловище и ноги фигуры вместе с подставкой для свечи, затем подогнаны и скреплены между собой. Обязательный элемент фигуры — трубка — выполнена из проволоки, головка трубки выточена из дерева в виде кругляша. Руки, головной убор, обувь, прочие атрибуты изготавливаются отдельно и укрепляются в последнюю очередь. Затем деревянная фигура раскрашивается. В изготовлении фигур, представленных в коллекции Кунсткамеры, использовались и иные материалы — мех, конский волос и синтетическое волокно.

Еще один экземпляр позднего XX в. представляет собой традиционную фигуру верований и обрядности Адвента — св. Николая (колл. № 7439-15; рис. 17 CD). Фигура св. Николая была и остается популярной в рождественской символике, украшениях и широко представлена в ассортименте рождественского товара в рыночное время. С конца XIX в. св. Николай был не только мотивом для изготовления игрушек-курильниц *Räuchermännchen*. В виде св. Николая делали декоративные коробки для мелочей, его изображали на бумажных тарелках, предназначенных для традиционной рождественской выпечки, св. Николай появляется в виде стеклянных елочных украшений, деревянных фигурок — украшения дома и елки и т. д.

Рождество

Этимология и гипотезы происхождения

В современном немецком языке Рождество обозначается существительным среднего рода единственного числа *Weihnachten* (букв. «святые ночи»), но по своей внутренней сути оно является застывшим дательным падежом множественного числа, который употреблялся в средневерхненемецком языке в конце XIII в. в форме *ze den wihen nahten* («в святые ночи»). Параллельно ему в германском мире встречаются и иные названия праздника: в Средней Германии *Christtag*, в голландском языке *Kersnacht* или *Kerstnisse*, в английском *Christmas*. В немецком обозначении *Weihnachten* на первый план выступает не имя Христа, а святость времени: *wih-*, *weih-* — «святой». В IV в. н. э. праздник рождества Христова был закреплен за 25 декабря. Считается, что в это время римские языческие праздники и обрядность замещались христианскими, а христианское Рождество в свою очередь неизбежно унаследовало дохристианскую обрядность зимнего времени года. Существует несколько гипотез относительно происхождения и корней современного немецкого Рождества. Основные теории, воспроизводящиеся исследователями начиная с XIX в., возводят корни рождественской обрядности и время праздника к римским сатурналиям, римским календам или же к гипотетическому индоевропейскому празднику середины зимы и зимнего солнцестояния.

Современные компоненты Рождества

Исторические формы рождественской обрядности достаточно полно освещены в немецкоязычной этнографической литературе [Sauermann 1996; Gawlick 1998]. Гуляния ряженных, их структура, набор образов ряжения и их этимология находили отражение и в русскоязычных изданиях [Филимонова 1973: 149–161; Токарев 1983: 185–193; Иванова-Бучатская 2006: 106–119]. Поскольку современные материалы по рождественской обрядности Германии в отечественной литературе отсутствуют, видится необходимым акцентировать внимание в статье именно на современности.

В настоящее время в Германии к собственно празднику Рождества относятся три дня: вечер 24 декабря, сочельник (нем. *Heiligabend*), 25 декабря, Рождество (нем. *erster Weihnachtstag*, *Weihnachten*), и 26 декабря, второй день Рождества, день св. Стефана (нем. *zweiter Weihnachtstag*, *St. Stephanstag*). Современная обрядность этих дней в традиционных немецких семьях сосредоточена на семейно-церковной сфере и проявляется в обычаях украшения рождественской елки, одаривания, посещения церковной мессы и праздничной трапезе. Приготовления к Рождеству начинаются задолго до самого праздника и обусловлены коммерческими интересами фирм и торговых сетей: индустрия Рождества уже в октябре предлагает широкий ассортимент подарков — игрушки, декоративных мелочей, поделок и т. д. Культура подарков представляет самостоятельный интерес и могла бы стать темой отдельного исследования. Непосредственная подготовка к праздничной трапезе осуществляется накануне сочельника — 23 и 24 декабря. В это время хозяйки заняты покупкой продуктов и приготовлением праздничных блюд. Продукты для рождественского стола приобретаются в зависимости от семейных традиций, ориентированно-

сти на местные/национальные традиции и финансовых возможностей на крестьянских ярмарках, рождественских базарах, в продуктовых лавках или супермаркетах. Многие семьи используют продукты собственного хозяйства. Готовят трапезу женщины. Несмотря на обилие полуфабрикатов, с одной стороны, и большие затраты труда и времени на самостоятельное приготовление блюд, с другой стороны, хозяйки предпочитают на Рождество именно традиционные способы, что маркирует данное время как особенное и выделяет праздничную трапезу из ряда повседневных. Между тем рождественский стол не отличается многообразием блюд. Как правило, первая праздничная трапеза происходит вечером или ночью в сочельник, поэтому из соображений здорового образа жизни и контроля за потребляемыми калориями современные немецкие хозяйки предпочитают делать стол простым: холодный картофельный салат, холодные мясные закуски (Мюнстерланд, Франкония), запеченый карп (Тюрингия).

Доминирующую роль в череде рождественских дней играет сочельник. Действия сочельника характеризуются наибольшим разнообразием. Они включают в себя уборку и оформление дома, установку и украшение рождественской ели, подготовку к службе и посещение церкви, праздничную трапезу, пение рождественских песен, взаимное одаривание, ночную мессу. Этот день предполагает нарядную одежду и особенный декор обеденного стола. После обычного обеда семья отправляется на вечернюю службу в церковь, где в это время собирается большинство прихожан, в том числе соседей, знакомых, дальних родственников. По возвращении домой украшают рождественскую ель. Ее наряжают по традиции родители за закрытыми дверями, и это событие держится втайне от детей, усиливая эмоциональный накал ожидания. Затем под елку на подарочный стол выкладывают свертки, адресованные членам семьи и особенно детям. В тех семьях, где маленьких детей уже нет, елку наряжают женщины дома и обмен подарками происходит между взрослыми. После одаривания семья вновь собирается за столом, и начинается ночная праздничная трапеза. Затем домочадцы перебираются в гостиную и предаются традиционным зимним занятиям — колке орехов или карточным играм. Алкогольных напитков к праздничному столу не принято подавать; их потребляют в небольших количествах в гостиной после трапезы за игрой. Часто в эти же часы немцы поют всей семьей рождественские песни. Как правило, уже в детском возрасте их разучивают по книгам или устно от родителей. Рождественские песни также составляют одну из нерушимых рождественских традиций немцев и играют роль определенного символа, неизменно ассоциируемого с родительским домом и родиной. Рождественские песни имеют религиозное содержание, повествующее о чуде рождества младенца, о дарах, обещанных младенцем всем детям земли, и т. д. В некоторых землях существует обычай полночной мессы — в Мюнстерланде, Франконии, Баварии. После посещения Христовой мессы (Christmette) события сочельника подходят к концу [АМАЭ: Бучатская 2010: 72].

Первый праздничный день Рождества отмечается также в кругу семьи и родственников. Традиция и буржуазная идеология закрепили за Рождеством роль некоего священного праздника семьи. Во многих семьях данная традиция соблюдается строго, несмотря на субъективное отношение к ней со стороны членов семьи. В дни рождественских праздников родственники посещают друг

друга, собираясь по случаю Рождества в доме старшего поколения — бабушки или матери. 25 декабря после скромного завтрака и церковной службы прибывают первые гости, и день проходит за разговорами, играми, пением и трапезами, в полдень следует праздничный обед, за ним в 16 часов — кофе с выпечкой и сладким, в 18–19 часов — холодный ужин из закусок и копченостей, после — ликеры, пиво, вино и орехи с выпечкой за играми и разговорами. Второй день Рождества проходит так же; принято посещать дальних родственников. Трапеза первого и второго дня Рождества отличается обилием и сытностью предлагаемого угощения: жаркое из утки, индейки, гуся и т. п. с сытным гарниром из картофельных клецок, красной кисло-сладкой капусты, десерт (Тюрингия, Франкония). По сути дела повсеместно в Германии содержание обоих праздничных дней, следующих за сочельником, заключается в трапезе. Это отразил и народный язык: в Мекленбурге, например, вечер сочельника называется *Vulbucksabend* (нем. *Vollbauchsabend* — «вечер полного живота»).

«O, Tannenbaum! O, Tannenbaum!»: история рождественской елки

Украшенная игрушками и свечами елка (*Weihnachtsbaum*, *Christbaum*, *Tannenbaum*) сегодня — привычный символ европейского Рождества. Происхождение рождественской елки с XIX в. становилось предметом научных дискуссий. В рождественском дереве усматривали отголоски древних языческих верований и мифов (ср. древо жизни, мировое древо), реминисценции библейского райского дерева. Между тем ранее XV в. не существует письменных сведений об обычае украшения рождественского дерева в Германии. Мода на рождественские деревья стала распространяться в начале XVII в. из немецкого Эльзаса, но вплоть до конца XIX — начала XX в. была известна далеко не во всех местностях сегодняшней Германии.

Несмотря на критику мифологических теорий происхождения элементов обрядности, развитие елки как рождественского символа наряду с различными христианскими и буржуазными наслоениями имело и древние корни. Известно, что с давних времен к различным праздникам годового цикла дома и стойла скота украшали сезонной свежей зеленью или вечнозелеными ветками. Такие обычаи известны на праздник первого мая, Троицы, а также к новому году. В крестьянских домах зелеными ветками украшали образа святых и стены, крестообразно прикрепляли их над входом в дом, хлев, подвал, над калиткой, на кухне. Зелени издревле приписывались плодородные силы деревьев, а нахождение ее в доме должно было придать жизненные силы его обитателям [Токарев, Филимонова 1983: 149]. По верованиям, вечнозеленые ветки охраняли дом от злых духов, которые разгуливали по земле во время между Рождеством и Днем трех святых королей. Средневековые источники сообщают, что в эти двенадцать дней крестьяне укрепляли над входной дверью домов, а также подвешивали в комнате ветки пихты [Senn: <http://www.uibk.ac.at/c/c6/c620/Infoservice/Braeuche/christbaum>]. Новогодней зеленью (*weyhenachtmeu*) служили не только еловые (или пихтовые) ветки, наряду с ними в Гольштейне и Вестфалии использовали омелу, в Гессене — самшит⁵, Тюрингии —

⁵ В работах Т. Д. Филимоновой и С. А. Токарева встречается ошибка: «...применительно к первым формам рождественского дерева в разных немецких землях часто упоминается бук, буквое деревце» [Филимонова 1973: 149; Токарев, Филимонова 1983: 149]. Однако в оригинальных

тис, Баварии — можжевельник [Филимонова 1973: 149], Берлине и Гамбурге — сосну, пихту или самшит [Gawlick 1998: 90]. Как видно из приведенных примеров, рождественскими ветками служили вечнозеленые растения, которые используют и сегодня для изготовления венка Адвента и иного рождественского флористического декора. Отголоски обычая украшения дома ветвями сохраняются до наших дней в некоторых регионах Германии. В северо-немецких городах и сегодня помимо елки символом и непременным атрибутом Рождества является омела. Ветки ее продаются повсеместно на рождественских базарах. Омелу вешают над входом в дом как символ счастья, благополучия и здоровья в будущем году. Уже описанные мною Варварины ветви, *Barbarazweige*, во Франконии до распространения рождественской елки были единственной формой рождественского украшения дома [Stettner 1929, цит. по: *Die fränkische Weihnacht* 2002: 35]. С ветками распускающихся к Рождеству лиственных плодовых деревьев связывали возникновение дерева в рождественской обрядности немецкие исследователи XIX и XX вв. — Александр Тилле [Tille 1893: 256–259] и профессор Лейпцигского университета, сторонник примитивистских взглядов Ойген Могк (1854–1939) [Mogk 1900: 297].

Современные исследователи видят происхождение рождественского дерева в литургических мистериях XII в., основанных на ветхозаветной легенде о райском древе, воспроизводившемся в ходе игры в виде богато украшенного финиками, яблоками и золочеными орехами «адамова дерева» [Wintz 2004: 55]. Христианское толкование обычая рождественской елки, таким образом, имеет прямую связь с ветхозаветной легендой о грехопадении и евангельскими преданиями о Рождестве спасителя. С одной стороны, елка рассматривается как образ древа познания, а ее украшения объясняются сходством с обликом райского древа. С другой стороны, два важных символа христианства, свечи и свет, олицетворяют Иисуса Христа, как «свет миру» (от Иоанна, гл. 8, ст. 12), который он принес своим рождением, а красный цвет в рождественской обрядности — кровь младенца Христа, которую он прольет во имя спасения людей. Таким образом, в религиозной философии «через дерево устанавливается своего рода связь между праздником Рождества и Пасхи, Христова воскресенья: так же, как через человека (Адама) пришел грех в мир, так же этот мир будет снова спасен личностью Иисуса. Иначе говоря, с позиции символов дерево рассматривается как источник отпадения от божественного единства, который находит свое спасительное соответствие в кресте страданий, так же из дерева сделанном, который превращается в древо жизни» [Lux 2010]. Тот факт, что второе название рождественского дерева (*Weihnachtsbaum*) в немецком языке звучит как *Christbaum*, дерево Христа, говорит о народном восприятии обычая как христианского.

Первое описание украшенной ели вне литургических сцен относится к XV в. В 1419 г. в г. Фрайбург на юго-западе Вюртемберга «братство пекарских слуг устанавливало дерево, украшенное яблоками, пряниками, полосками золотистой фольги, разноцветными орехами и бумагой» [Wintz 2004: 56]. С этого

текстах цитируемых немецких авторов в соответствующем месте употреблен иной фитоним: не (*die*) *Buche* — «бук», а (*der*) *Buchsbaum* — «самшит, мирт». Это очевидно: лиственное дерево бук вряд ли могло играть существенную роль в зимней календарной обрядности в противоположность вечнозеленому самшиту, который и сегодня широко применяется в рождественской флористике.

времени отдельные сообщения об украшенных к Рождеству деревьях встречаются чаще и регистрируются в разных городах Юго-Западной и Северной Германии: в области Верхнего Рейна в ремесленных цехах ставили елочки, украшенные облатками и сахарными изделиями и яблоками, предназначенными для детей. Подобные «подарочные деревца» были известны в цехах Эльзаса в XVI в., а в следующем столетии обычай проник в частные дома [Gawlick 1998: 88]. Наиболее часто приводимое немецкими авторами XIX и XX в. свидетельство принадлежит некому неизвестному из г. Страсбург в Эльзасе и датировано 1604/1605 г.: «На Рождество устанавливают пихтовые деревья в Страсбурге в гостинных, на него вешают розы, из разноцветной бумаги вырезанные, яблоки, облатки, золотую фольгу, сладости и т. д. Вокруг него обычно делают четырехугольную рамку...» [Tille 1893: 258]. По всей вероятности, в записях упоминается семейный рождественский обычай. Александр Тилле приводит в своем труде по истории Рождества описание подарочных деревцев, сделанное Каролом Готфридом Китцлингом, доцентом права в Университете Виттенберге, которое относится к 1737 г. и локализуется Саксонией: в Рождество в одной семье г. Циттау было принято на Рождество устраивать каждому члену семьи «маленькое подарочное деревце, украшенное свечами. Деревца получали также служанки и кнехты. Как только все подарки были разложены под деревца и зажжены свечи на их ветвях, в гостиную входили все члены семьи и слуги и по размеру и характеру украшения дерева определяли, кому какое предназначено» [Tille 1893: 260–261].

Параллельно с рождественской елкой в разных немецких регионах развивались иные оригинальные виды рождественских украшений. В основе их находились деревянные стойки разных форм и конструкций, которые затем обвивали зеленью и украшали свечами, блестящей фольгой и выпечкой [Stille 1993: 9]. Александр Тилле считает, что развитие рождественской пирамиды не шло параллельно рождественской елке, а являлось альтернативой рождественского дерева и было обусловлено запретами властей на вырубку деревьев в частных лесных владениях в конце XVIII в. в связи с модой на елки [Tille 1893: 267]. Самыми распространенными были рождественские пирамиды (Weihnachtspyramiden) Северной Германии, представлявшие собой четыре деревянные стойки, сходящиеся вверху от основания в скрещенных напольных досках и разделенные поперечинами на этажи, которые оплетались пихтовой, самшитовой зеленью или просто зеленой бумагой и украшались яблоками, сухофруктами, выпечкой. Вершиной пирамиды служили плоский флажок или звезда [Gawlick 1998: 90]. Также известна редкая и любопытная преформа рождественского дерева — бюгельбаум из Хиддензее в Померании. Он представлял собой стойку высотой 1,2 м, состоял из стержня, воткнутого в напольный крест-основание, вокруг стержня в два этажа укреплялись крест-накрест округлые бугели, для которых использовали гнутые ивовые кольца для изготовления бочек. При этом нижние бугели имели больший диаметр, чем верхние. Стойку и бугели оплетали ветками самшита или можжевельника или же просто шелковой блестящей бумагой. На каждом полукруглом бугеле укрепляли подсвечник, а между ними привязывали проволоку или нити, на которые вешали сухофрукты, конфеты, орехи, сладости, выпечку, пряники и т. п. [Gawlick 1998: 91–92]. В каждой местности развивалась своя форма рождественской стойки: *туншере* во Фрисландии, *путцэнфель* в Силезии, *клаузенбаум* в Южной

Германии, *клаузентурм* в Австрии [Stille: 9], *райфенбаум* в Тюрингии [Ногн 1992: 9]. Собственную форму игрушечной пирамиды и иных предшественников рождественской елки (резные люстры со свечами, фигуры и арки) развили мастера Эрцгебирге [Kohlmann 1985: 26]. А. Тилле приводит современные ему сведения о том, что, несмотря на растущую популярность рождественского дерева, еще в середине XIX в. бедняки в Саксонии предпочитали ставить пирамиды со свечами. Во многих домах елка соседствовала с пирамидой, и часто выбор рождественского символа был обусловлен традицией, унаследованной в родительском доме [Tille 1893: 268].

Во многих немецких областях в качестве рождественского дерева использовали маленькие деревца, иногда сразу несколько, которые подвешивали к потолочной балке. Обычай сохранялся до середины XX в. в отдаленных деревнях Тюрингии и Саксонии, по реке Заале, а также в Гарце [Филимонова 1973: 149]. К XIX в. елки появляются и на рождественских базарах. В 1807 г. на знаменитом дрезденском базаре Штрицельмаркт описана рождественская елка, «украшенная золотистой фольгой, разноцветными бумажными лентами, золочеными орехами и свечами» [Tille 1893: 266]. Тогда же праздник Рождества с его традиционными компонентами, предметами и украшенным деревом становится объектом литературных произведений немецких романтиков — Людвига Тика (1805), Э. Т. А. Гофмана (1816). Впервые же рождественское дерево воспел Й. В. фон Гёте в «Страданиях юного Вертера» (1774). Немецкие принцессы в результате заключения браков с правителями других европейских государств приносят в первой половине XIX в. обычай украшения рождественского дерева в Австрию, Францию и Англию. Три века рождественская елка была распространена исключительно в домах правящей элиты и дворянства. Долгое время она служила элементом рождественской обрядности у части протестантского населения Германии и даже воспринималась как противоположность католическим вертепам. В католических Баварии и Австрии новый обычай не приживался. Имеются даже сообщения, что «христово дерево имеет современное протестантское происхождение и представляет собой резку противоположность вертепам. Долгое время считалось, что установка елки или вертепа на Рождество демонстрирует четкое конфессиональное разграничение» [Väume leuchtend, Väume blendend 1999: 16]. Во многих местностях Северной, а также в католических областях прирейнской и альпийской Германии рождественская елка не имеет распространения до второй половины XIX столетия, уступая народным гуляниям и ряжениям на день св. Николая. В храмах елка появилась лишь на рубеже XIX—XX вв.

Преобразование елки в общенемецкий национальный символ Рождества было обусловлено политической ситуацией 1870-х годов и идеологической подоплекой. Популяризация рождественской елки оказывается прямо связанной с утверждением национального самосознания немцев и процессом формирования немецкой нации. В ходе франко-прусской войны 1870—1871 гг. для поднятия морального духа солдат в лазаретах и полевых квартирах на Рождество были организованы елки. С этой же целью прусская пропаганда распространяет фото Вильгельма I, первого немецкого кайзера, празднующего Рождество 1871 г. с немецкими солдатами в Версале под немецкой рождественской елкой. Уже столетием раньше немецкий историк и деятель Просвещения Лоренц фон Вестенридер высказывал мысль, что всеобщие праздники «могут быть

одним из вернейших и действеннейших способов разбудить дух единения в гражданах, оживить и воспламенить его» [Herwig 2009]. Войны всегда вели к смешению населения и культурному обмену. Рассказ одного солдата из Вестфалии повествует: «Елка укоренилась у нас после Первой мировой войны. Солдаты узнали этот обычай, когда служили в войске. Я сам стоял впервые под рождественской елкой, будучи солдатом, в 1917 г., на высоте 2000 м в диком горном ущелье Карпат. На пятиметровой елке горело, возможно, с десятков свечей» [Stille 1993: 18]. Именно солдатами франко-прусской, а затем Первой мировой войны рождественское дерево было принесено в различные региональные традиции, а открытие железной дороги в Германии позволило снабжать крупные города деревьями из лесных массивов страны.

Двадцатый век принес и дальнейшее развитие и трансформации обычая рождественской елки. В годы «экономического чуда» и тесных контактов с США из этой страны был заимствован обычай установки елок с электрическими свечами на балконах квартир или в палисадниках частных домов, а также искусственные рождественские деревья вместе с иными проявлениями американского образа жизни. Последнее стало существенным событием, негативно повлиявшим на роль рождественской елки в традиции и самосознании [«Bäume leuchtend, Bäume blendend» 1999: 25, 29].

Елочная игрушка

Съедобные елочные украшения. Как видно из приведенного материала, первыми украшениями рождественского дерева были утилитарные предметы, которые после разбора (*Plunderung* — букв. «опустошение») дерева съедались. Другим компонентом елочного украшения всегда было «золото» в виде полосок фольги, блесток, позолоченных орехов, плодов и даже картофельных клубней. Золочение производилось при помощи бронзосодержащих составов, а также путем обертывания предмета в фольгу. Именно блеск золоченых предметов придавал дереву праздничный характер и лег в основу создания елочных украшений в конце XIX в., формы которых варьировались в истории. До этого времени в традиции преобладали недолговечные съедобные елочные украшения — различная выпечка, сахарные изделия, красные яблоки и орехи. Региональные названия дерева подтверждают данный факт: *Rosinenbaum* («изюмное дерево» в области Виттенберге), *Zuckerbaum* («сахарное дерево» в Пфальце, Рейнско-Гессенском регионе, франконском Шпесарте), *Nurteboom* («ореховое дерево» в Вестфалии), *Fressbaum* («жорное дерево» в Нюрнберге) [Stille 1993: 20, 22]. Выбор такого декора праздничного дерева обусловлен тем, что первоначально рождественская елка была «подарочным деревом», то есть сама представляла собой подарок, который содержал некаждодневные и в прошлом высоко ценившиеся лакомства — сахарные сладости, сухофрукты и орехи. Орехи и сухофрукты, кроме того, представляли собой типично зимнее лакомство. Поэтому после окончания праздника дерево «опустошалось» — дети снимали и съедали сладости. Разбор украшенного дерева происходил в разные даты по окончании рождественского цикла праздников — в Новый год, День трех святых королей или даже в Сретенье, 2 февраля.

Свечи и держатели для свечей. Свечи как «елочные» украшения немцам не были знакомы до середины XVII в., по другим данным — до XVIII в. Ко второй половине XVII столетия свечи стали популярны в домах дворянской элиты

Ганновера. Это были маленькие самшитовые деревья со свечами на каждой ветке [Филимонова 1973: 149]. Вопрос об истоках традиции украшения рождественской ели свечами является дискуссионным. С ним связаны различные толкования рождественского дерева и света как явлений культуры — народно-мифологического, христианского или философского. Символика света в форме горящих свечей проявлялась в сфере предметов рождественской обрядности и раньше XVIII в. — в виде саксонских рождественских люстр и пирамид, а также упомянутых подарочных деревьев. Многие ученые XX в. возводят появление свечей как элемента украшения елки к религиозной символике (Отто Лауфер, Вилли Крогманн) [Филимонова 1973: 149]. По другим мнениям, свечи на рождественском дереве появились под влиянием саксонских традиционных предметов рождественской обрядности, снабженных свечами, — пирамид, короновидных рождественских люстр и резных подсвечников [Stille 1993: 9]. Народно-мифологические толкования объясняют значение света в рождественской обрядности его важностью для мифологического сознания в поворотные моменты жизни. Огню, свету (а также зелени) приписывают апотропеическое действие: огонь очищает и защищает от действия духов в самые темные дни года, в переходное время от старого к новому году, в дни зимнего солнцеворота [Филимонова 1973: 150; Lux 2010]. Философский взгляд акцентирует внимание на функционировании рождественского дерева со свечами в самосознании немецкой нации: находясь вне религиозного или фольклорного контекста, оно конституирует идентичность буржуазного общества Германии через семейный праздник, утверждая центральное место семьи как его высшей ценности [ср.: Lux 2010; «Bäume leuchtend, Bäume blendend» 1999: 10].

Описания второй половины XVIII в. и всего следующего столетия документируют украшенные свечами рождественские елки. Й. В. Гете вводит рождественскую елку со свечами, которую он видел впервые в 1770 г. в Эльзасе, в свой роман «Страдания юного Вертера» (1774): «Он заговорил о том, как обрадуются малыши, и припомнил те времена, когда неожиданно распахнутые двери и зрелище нарядной елки с восковыми свечами, сладостями и яблоками приводило его в невыразимый восторг» [Гёте 1978: 84]. Знаменитая сказка Э. Т. А. Гофмана «Щелкунчик и мышинный король» 1816 г. иллюстрирует рождественскую елку до изобретения стеклянных елочных игрушек: «Большая елка посреди комнаты была увешана золотыми и серебряными яблоками, а на всех ветках, словно цветы или бутоны, росли обсахаренные орехи, пестрые конфеты и вообще всякие сласти. Но больше всего украшали чудесное дерево сотни маленьких свечек, которые, как звездочки, сверкали в густой зелени, и елка, залитая огнями и озарявшая все вокруг, так и манила сорвать растущие на ней цветы и плоды» [Гофман 1998: 185]. Надо отметить, что восковые свечи были дорогим удовольствием и приобретались на Рождество только высоко обеспеченными слоями населения. Изобретение стеарина в 1818 г., а затем парафина в 1830 г. значительно удешевило производство свечей и сделало этот вид украшения доступным [«Bäume leuchtend» 1998: 25]. Коллекция Кунсткамеры располагает держателем для свечи (колл. № 7440-5; рис. 18 CD), относящимся к XX в. (предположительно до 1950-х годов). Он выполнен из тонких листов металла и состоит из трех деталей: поддона в виде цветка и двух зажимов-держателей. Верхний зажим фиксирует свечу на поддоне, нижним зажимом в виде еловых шишек подсвечник крепится к ветке дерева. На дер-

жателе штамповкой нанесен узор в рождественской тематике. Такие изделия были популярны до широкого распространения электрических гирлянд и в разнообразных видах и формах изготавливались в ремесленных мастерских Германии.

В XIX столетии зарождаются и развиваются все виды елочных украшений и элементов рождественского декора, известные в наше время: подсвечники и держатели для свечей на елке, стеклянные шары и фигуры, елочные игрушки из ваты и дерева, позолоченного и посеребренного картона, бисера и стекляруса, олова, подставки под рождественскую ель, наверхия дерева, мишура, дождь и прочее. Важным экономическим, общественным и культурным новшеством был тот факт, что со второй половины XIX в. все эти виды украшений изготавливались фабричным способом, широко рекламировались и продавались на рождественских базарах и в ремесленных лавках. После 1900 г. переход к таким фабричным украшениям осуществился и в сельской рождественской культуре, где, впрочем, и в XX в. сохранялись сладости в качестве декора елки. Поскольку в начале XX в. население Германии в большинстве своем обладало низкой покупательской способностью, многие по-прежнему довольствовались самодельными игрушками, изготовленными из подручного материала, в то время как стеклянные украшения стоили больших денег.

Подставки для рождественской ели. Установка рождественского дерева представляла собой отдельный важный акт праздника. Для крепления елки до XIX в. использовали различные устройства: вначале это были заполненные песком кадушки и бочки или же примитивные конструкции из скрещенных деревянных дощечек; использовали также дубовые чурбаки с пробуренным отверстием под ствол елки, низкую скамейку для дойки коров с прорезанным отверстием в сиденье и даже выдолбленную кормовую свеклу. Часто низ ствола опускали в емкость с водой, чтобы рождественское дерево дольше сохраняло хвою. Такие емкости обычно оборачивали бумагой или мхом, завешивали тканью с целью эстетизации конструкции. На рождественских базарах середины XIX в. можно было приобрести елку с готовой примитивной, но функциональной подставкой — прибитой гвоздями к стволу дощечкой. Таким образом, крепление елки долгое время было скрыто от глаз, служило просто техническим элементом [Nußbeck 1992: 52; Stille 1993: 54; «Bäume leuchtend» 1998: 49].

Первое упоминание специальной подставки под рождественское дерево мы встречаем в описании елки из Эльзаса 1604 г.: «Вокруг него обычно делают четырехугольную рамку...» [Tille 1893: 258]. Продолжение текста было утрачено в ходе Второй мировой войны, возможно, имелась в виду простейшая форма деревянного крепежа или же распространенные позднее «садики» (Gärtlein) — окруженные имитацией забора деревянные квадраты, внутрь которых укладывали мох, камни и расставляли фигурки животных или же сцену вертепа [«Bäume leuchtend» 1998: 49]. В последней трети XIX в. подставка под рождественскую ель (Christbaumständer) становится объектом рождественской индустрии. Ее формам и декору отводится не меньшая роль, нежели собственно елочным украшениям. Особенное распространение получают литые металлические подставки-«ноги» (Christbaumfuß) — конструкции из трех или четырех «ног» или цельного квадрата, поверх которого прикручен цилиндр с тремя винтовыми захватами, которые, закручиваясь, фиксируют ствол дерева. Они не снабжались резервуаром с водой. Это были практичные, удобные в исполь-

зовании и в то же время дорогостоящие изобретения. В фондах отдела Европы МАЭ представлены две подобные подставки. Одна из них относится предположительно к первой половине XX в. и представляет собой типичную форму распространенных в Германии конца XIX—XX в. подставок: металлический держатель в виде цилиндра, укрепленного шурупом на литом массивном квадратном основании. В верхнюю часть цилиндра ввернуты три шурупа-фиксатора. Квадратное основание таких подставок делалось цельным или фигурным; орнамент украшения, как правило, состоял из рождественской символики — елок и еловых веток, ангелов, звезд, свечей, шишек, тематических надписей в картуше, фигур рождественского деда, изображений характерных для Германии животных, сказочных персонажей и т. п. Образцы XIX в. демонстрируют богатство декора и вычурность деталей. Предметы из коллекции Кунсткамеры относятся к XX в. (рис. 10, рис. 19, 57 CD). Литая металлическая подставка (колл. № 7439-30) отличается лаконичными формами декора 1930-х годов, когда в оформлении елочных рождественских подставок преобладали строгие и простые элементы. Под влиянием искусства арт-деко 1920-х годов в орнаментику предметов рождественской обрядности пришли простые геометрические фигуры и формы. Такие образцы елочных украшений и атрибутов были распространены в 1920—1930-е годы. Подставка украшена бантами и крестами с каждой стороны четырехугольника. Немецкие коллекционеры и искусствоведы указывают на невозможность точной датировки изготовления елочных подставок, поскольку отдельные модели изготавливались литейными мастер-

Рис. 10. Подставка под рождественскую ель. Южная Германия, 1930-е годы. МАЭ. Колл. № 7439-30

скими в течение десятилетий. Можно лишь судить по стилю орнамента о времени возникновения эскиза для подставки, а следовательно, изготовления формы [Nußbeck 1992: 54; «Bäume leuchtend» 1998: 51]. Подставка (колл. № 7439-30) была приобретена на рынке антиквариата у продавцов, имевших косвенное отношение к истории бытования предмета. По их данным, предмет изготовлен и бытовал в доме пожилой жительницы округа г. Бамберг именно с 30-х годов XX в. Второй предмет, литая легкая подставка меньшего размера (колл. № 7439-31) иллюстрирует простые формы украшения вне рождественской тематики. Изготовление рождественских подставок рассматривается как художественное ремесло или «повседневное искусство» [«Bäume leuchtend» 1998: 51]. Для отливания одного предмета требовалось большое количество ремесленных и художественных навыков, а сам процесс состоял из ряда скрупулезных шагов. Сперва художник рисовал эскиз модели и декора, затем ремесленник-чертежник выполнял точный технический чертеж всех элементов и рассчитывал размеры, после этого столяр делал деревянную форму модели. Затем изготавливались песчаные слепки для отливки, тщательно отбирался грунт и производился замес, рецепт которого часто являлся профессиональной тайной каждой литейной мастерской. После следовал самый сложный по исполнению процесс совмещения верхней и нижней частей деревянной формы с песчаной массой и последующее удаление деревянной формы из слепка. Только после этого литейщик ровной струей выливал из ковша расплавленное железо через воронку в форму-слепок. После остывания железа песчаная форма-слепок распадалась, следовательно, для изготовления каждой подставки ремесленным способом требовалось повторение всех этапов производства. Именно поэтому литые крепления для елки были долгое время дорогостоящими и недоступными для широких слоев населения. После извлечения заготовки из форм следовал процесс доработки, удаления остатков металла и огрехов литья, зачистка и сборка цилиндра держателя с платформой подставки. Заключительными шагами были окраска и лакирование. Их применяли для защиты от коррозии, а также из эстетических соображений. Самым распространенным вариантом покраски являлось покрытие зеленым лаком различных оттенков и интенсивности, который придавал предмету эффект металлического блеска. Это иллюстрируют оба предмета из коллекции МАЭ. Более сложные и дорогие проекты выполнялись с применением «золотых» бронзосодержащих составов и красок иных цветов. После Второй мировой войны художественное литье в изготовлении атрибутов рождественской елки пошло на спад, и литые подставки практически не изготавливались, уступив место более современным способам производства и материалам — керамическим подставкам с резервуаром для воды, пластиковым или стеклянным держателям [«Bäume leuchtend» 1998: 55].

Стеклоянная елочная игрушка. Первые собственно «елочные» украшения (Christbaumschmuck, Weihnachtsbaumschmuck) начали появляться на рождественском дереве уже в XVII в., это были «розы, из разноцветной бумаги вырезанные» [Tille 1893: 258], упомянутые в описании эльзасской елки 1604 г. В 70-е годы XIX столетия семьи бюргеров в оформлении праздника Рождества и елки как его центрального объекта начинают отходить от использования сладостей и прочих съедобных украшений, применяя самодельные и фабричные блестящие спирали, нити, сетки и цепи/бусы, плетеные корзинки, сложные

звезды из золотой бумаги, цветы, шишки и др. В изготовлении декора участвуют и дети, и взрослые. В качестве материала для игрушек использовались бумага, картон, папье-маше, проволока, металлическая фольга, вата, солома, воск, облатки собственного или фабричного производства. В 1870-х годах в Германии уже было налажено ремесленное и фабричное производство елочных украшений, и издавались целые руководства по оформлению рождественского дерева с указанием, в какое место какой предмет должен быть повешен [Stille 1993: 35–36].

Параллельно с домашним семейным изготовлением елочных игрушек в середине XIX в. в Германии развивалась специализированная индустрия елочных украшений. Первые стеклянные елочные игрушки появились в земле Тюрингия, в г. Лауша, расположенном в горно-лесном массиве Тюрингенский лес (Thüringer Wald). Здесь с конца XVI в. благодаря лесным запасам и наличию подходящего кварцесодержащего песка процветали ремесло стеклодувов и производство стекла. Сегодня Лауша считается в Германии колыбелью и центром стеклодувного искусства страны. Согласно распространенной в Лауше легенде, один местный стеклодув из-за бедности не мог приобрести настоящие орехи и яблоки, чтобы украсить рождественскую елку для своих детей, и выдул их из стекла на лампе. Случилось это около 1847 г. Вскоре он изготовил и первые елочные шары [Krille 2003: 2; <http://www.glas-queck.de/geschichte.htm>].

В XIX в. стеклодувы Лауши производили главным образом стеклянные бусины для бижутерии, зависели от изменчивой моды и испытывали трудности в сбыте продукции. Чтобы удержаться на рынке, ассортимент производимых изделий был расширен до стеклянной игрушки, глазных протезов, физических инструментов и елочных украшений [Horn 1992: 8]. В 1848 г. впервые в книги учета заносится запись об изготовлении «шести десятков рождественских шаров трех размеров» [Stille 1993: 153], а в 1860-х годах торговцы игрушками из соседнего торгово-ремесленного центра Sonneberg⁶ заинтересовались стеклянными елочными украшениями, которые производились в Лауше и соседних населенных пунктах долины р. Штайнах — Штайнхайд и Эрнсталь. С этого времени елочная игрушка из Тюрингии продается на всех крупнейших рождественских ярмарках мира. Уже с 1880 г. в Зоннеберге работало представительство американской торговой сети «Woolworth», которое осуществляло поставки елочных украшений из Лауши в США. До Первой мировой войны стеклодувы из Лауши удерживали мировую монополию по производству елочных игрушек из стекла [Krille 2003: 2]. В XIX — начале XX в. ремесленные предприятия Лауши были семейными, и в процессе изготовления елочных игрушек были задействованы все члены семьи: глава семьи занимался изготовлением форм и собственно выдуванием фигур, женщины — серебрением и росписью, дети срезали трубку, вставляли крепление и сортировали и упаковывали готовые изделия [Stille 1993: 159–161]. Процесс ремесленного изготовления стеклянной елочной игрушки не изменился до настоящего времени и в точности воспроизводится на сегодняшних предприятиях Лауши, многие из

⁶ В XVIII в. в немецких землях производство и продажа продукции стали самостоятельными отраслями деятельности, и в г. Зоннеберг сформировалось сословие зоннебергских купцов, имевших крупную и активную издательскую фирму, через которую осуществлялся сбыт продукции из региона в Европе, а затем и в США.

которых поныне остаются семейными [<http://www.haberland-baumschmuck.de/vorfuehrung.htm>: 15.12.2008; АМАЭ: Бучатская 2008—2009: 60].

Во второй половине XX в. в ГДР, куда входила Тюрингия вместе с г. Лауша, формы и элементы рождественских украшений значительно упростились. Исчезла и дорогостоящая трудоемкая витая лионская проволока. Лишь в последние два десятилетия возрождено ремесленное производство стеклянных рождественских украшений по старым формам из традиционных материалов декора, в том числе лионской проволоки. Стеклянная елочная игрушка производится уже не только в самой Лауше, но в значительной мере за ее пределами — в стеклодувных центрах Баварии, куда переселялись семьи или выходцы из ремесленных семей Лауши. Современные украшения продолжают производиться под маркой «Lauscha» и патентуются. В 2008—2010 гг. в ходе исследовательской работы автора в Южной Германии для европейских фондов МАЭ комплектовалась коллекция современной елочной игрушки Германии. Она составлена из различных образцов традиционных форм Лауши (шаров и их модификаций, персонажей, ангелов, птиц). Коллекция приобреталась в различных местах: на рождественских базарах городов Франконии, в лавках ремесленников Лауши (рис. 65, 66 CD). Это позволило наблюдать и зафиксировать широкий спектр вкусовых предпочтений и ценностных ориентаций современного населения Южной Германии в выборе рождественских украшений.

В коллекции Кунсткамеры представлен ряд показательных примеров традиционного стеклодувного искусства Германии рождественской направленности широкого временного среза — от середины XIX в. до начала XXI в., изготовленных ремесленниками мастерских Лауши, богемского Габлонца/Яблонца и их дочерних предприятий в Баварии (колл. 7440; колл. № 7439-39—46).

Шары и изделия свободного выдува. Первые елочные игрушки представляли собой толстостенные шары (*dickwandige Glaskugel*)⁷. В коллекции Кунсткамеры хранятся два таких уникальных предмета — красный и синий шары 1850—1860-х годов (колл. № 7439-39, 40; рис. 11, рис. 20, 54 CD). Такие шары выдувались из черногового промышленного стекла, расплавленный шарик которого надевался на конец длинной железной трубки; в получившуюся заготовку мастер ртом вдвухвал воздух, выдувая пузырь. Такой способ выдувания называется свободным. Каждый толстостенный шар получался уникальным и не повторял другой в размере. В месте крепления к трубке после готовности и съема изделия оставалось отверстие, которое закрывали массивной пробкой и латунной заглушкой с укрепленным на ней кольцом. Крепление шара № 7439-39 представляет собой латунную шляпку, поверхность которой украшена витиеватым орнаментом и несет маркировку «VG 1/21». Она вклеена в отверстие выдува. Данные шары изготовлены из цветного стекла, изнутри покрыты слоем свинца, что придает им зеркальный блеск и одновременно темный, глубокий тон. Производство таких игрушек было вредным для здоровья, поскольку раствор свинца вводился мастером в стеклодувную трубку и после покрытия шара

⁷ Историки стеклодувного промысла Лауши расходятся во мнении относительно прототипа первой елочной игрушки из стекла. Таковыми могли быть стеклянные выдувные плоды, предназначенные для изготовления макетов и украшения головных уборов, которые переключались со старыми формами съедобного декора, или же пряничные формы в виде еловых шишек, в которые выдувались первые стеклянные игрушки, или, наконец, сосульки из массива стекла, которые изготавливали стеклодувы на огне первых примитивных ламп [Horn 1992: 8; Stille 1993: 154].

Рис. 11. Толстостенный красный шар. Лауша, 1850-е годы.
МАЭ. Колл. № 7439-39

снова отсасывался ртом [«*Väume leuchtend*» 1998: 68]. Такой способ изготовления елочных шаров и оформления заглушек-креплений был характерен именно для 1840–1860-х годов и не повторялся позднее, что согласно руководствам для коллекционеров и каталогам позволяет практически безошибочно датировать предметы [Stille 1993: 195]. То, что два экземпляра удалось приобрести для фондов МАЭ, объясняется не только удачей, но в первую очередь тем, что с 1860-х годов было произведено несколько тысяч толстостенных шаров как для продажи в Германии, так и для экспортирования в другие страны. Кроме того, благодаря несовершенной технологии изготовления толстостенные шары были прочными и практически не бьющимися. Первые толстостенные елочные шары возникли вместе с повсеместным распространением обычая рождественской елки и моды на елочные украшения в немецких землях и определяют облик рождественского дерева стиля бидермайер (1815–1848).

Шары оставались универсальным классическим украшением рождественской елки и в XX в. Наряду с собственно шарами стеклодувы изготавливали свободным выдувом различные производные от шара объекты, не требовавшие формовки. Это так называемые «лимоны» (*Zitrone*) — округлые объекты, удлиненные с обоих концов, «сосульки» (*Eiszapfe*) — вытянутые длинные объекты, равномерно округлые или с рифлением, шары, «лимоны» и «сосульки» с рефлекторами (*Kugel mit Reflexe*). Рефлектор представляет собой вогнутую в тело шара (или иного объекта) выемку с ровными или волнообразными стенками. Подобное украшение елочных шаров впервые стали применять в конце

XIX в.: после выдува шара на лампе стеклодув еще раз нагревал его стенку в одном месте, а затем палочкой аккуратно вдавливал расплавленное стекло внутрь полости от периферии к центру. Чтобы сделать округлую выемку таким образом, необходимо было многократно нагревать шар в одном и том же месте. Позднее вместо палочки стали использовать гипсовые штампы разных форм — от простых волнообразных до сложных орнаментальных. Раскаленное место стенки однократно вдавливали штампом внутрь [Horn 1992: 9; Stille 1993: 165]. В собрании Кунсткамеры представлен один пример елочной игрушки с рефлектором — это сосулька (колл. № 7439-45) 1950-х годов в характерном для середины XX в. цветовом решении: бело-зеркальный фон тела игрушки с синими и белыми полосами, образующими клетки; рефлектор выполнен в желто-красном цвете (рис. 21 CD). Интересна маркировка на креплении шара: «West Germany». После войны, в 1950-е годы, характер рождественских украшений Германии принципиально изменился — предпочитались дешевые акриловые краски и форма шара. Но наряду с ними встречались и украшения, изготовленные по старым традиционным формам или их имитирующие. Лишь маркировка на заглушке позволяет датировать предмет временем после раздела страны — первым послевоенным десятилетием. Игрушка, по всей видимости, была изготовлена на одном из баварских дочерних предприятий Лауши, которая в эти годы входила в ГДР.

В XXI в. ассортимент елочных игрушек рассчитан на различные вкусовые предпочтения и воспроизводит стили всех минувших эпох. В качестве характерных представителей нашего времени в собрании МАЭ есть три формы свободного выдува — это шар с пейзажной росписью (колл. № 7440-14), шар из разноцветного прозрачного стекла (колл. № 7440-22) и «лимон» (колл. № 7440-4). «Лимон» представляет собой простой объект, выдутый на лампе и имеющий характерное для ремесленных стеклодувных продуктов каплевидное завершение снизу (рис. 22 CD). Он расписан в современной манере абстрактными линиями и яркими лаками — матовое золото, красный, зеленый. Как продукт, приобретенный на традиционном рождественском базаре и не имеющий точной авторской атрибуции, данная игрушка демонстрирует массовые вкусовые предпочтения Германии XXI в. Шар из цветного стекла представляет собой типичный пример современной авторской стеклодувной работы в контексте Рождества и был выполнен в мастерской ремесленного городка, расположенного в крепостной стене Нюрнберга (рис. 23 CD).

Шар с пейзажной росписью имеет свою историю и авторов. Он выдут из прозрачного белого стекла, не имеет зеркального серебрения. Роспись представляет собой зимний пейзаж с синими елями, деревьями, кустарниками и двумя домиками под снегом. Поверх росписи нанесена золотная обсыпка (рис. 24 CD). Шар выдувался в 2008 г. на семейном предприятии «König Glas». Оно находится на центральной улице Лауши Straße des Friedens, 33. Затем поступил в мастерскую художницы Катрин Альбрехт на той же улице. Практически в каждом доме Лауши прежде располагались стеклодувные мастерские или лавки по продаже стекла и елочных украшений. Катрин Альбрехт, коренная жительница Лауши, расписывает заготовки, которые к ней поступают от стеклодувов. Это прозрачные стеклянные шары и колокольчики разных форм. Роспись производится красками на водной основе кистями разных диаметров: фон наносится толстой кистью, роспись — тонкими. Пока изделия не законче-

Рис. 12. Мастерская художника. Катрин Альбрехт за росписью пейзажных шаров. Лауша. Декабрь 2008 г. Фото Ю. Бучатской. Фотоархив отдела европеистики МАЭ

ны, они имеют длинную трубку-*шпис*, через которую были выдуты. За эту длинную трубку художница и держит шары (рис. 12, рис. 71 CD). Сперва она покрывает их грунтом (*Grundierung*) двух цветов — снизу белый, затем волнами красный, верх оставляет прозрачным. За 20–40 секунд несколькими уверенными мазками грунт наложен. Затем шары втыкаются трубкой в держатель и сохнут. Только после этого будет тонкими кистями наноситься рисунок. Рисунок Катрин придумывает каждый раз сама, но делает много шаров с одним и тем же рисунком, просто, как всегда в ремесле, он не штампован, а потому не одинаков. Катрин рисует домики, деревья, на клей, который наносится в нужные места ложкой, сыпет блестки или стеклянную обсыпку — так возникают блестящие инеем крыши. В последнюю очередь прочищает от краски окошки нарисованных домов. Когда роспись окончена, специальными ножницами отрезает трубку, оставляя лишь 0,5 см для крепежа. Шар № 7440-14 расписывала Катрин Альбрехт, затем он снова попал в лавку Кенигов, где и был приобретен собирателем [АМАЭ: Бучатская 2008–2009: 58–61]. Подобные шары с зимними пейзажами — явление новое. В течение всего XX в. такие шары единичны, они, скорее, относятся к экспериментальным произведениям отдельных художников и не служат елочными украшениями как таковыми. Ценность в них представляла сама роспись, ее идея, техника и исполнение. В конце XX в. шары и колокольчики разных размеров с идиллическими зимними пейзажами, домиками и церквями становятся массовым модным явлением, появляются дешевые партии китайского производства. Мастерские Лауши тоже не устояли перед всеобщим спросом. Разрабатываются новые формы рождественских

украшений — шары-фонарики с внутренней подсветкой, колокольчики-подсвечники для чайной свечи и т. п.

Формованная игрушка. Стабильный высокий спрос на елочную игрушку постоянно подталкивал ремесленников Лауши к созданию новых форм, фигур и орнаментов. Помимо шаров изготавливались елочные игрушки разнообразных видов. Для этого использовались специальные формы, состоящие из двух открывающихся частей, на каждой из которых нанесен орнамент или объемный рисунок. Части формы склеены между собой металлическим бугелем в виде щипцов. Такая конструкция называется *Zange* — «щипцы». Между 1870 и 1939 г. было изготовлено около 5000 различных форм для производства елочной игрушки [<http://www.glas-queck.de/geschichte.htm>], многие формы используются ремесленниками Лауши до наших дней. Преимущество данной технологии состояло в том, что одну и ту же матрицу можно было неоднократно использовать, создавая целые серии одинаковых изделий. Так были созданы основные формы стеклянной рождественской игрушки Лауши, которые производились в позднем XX и в XXI в.

В коллекции Кунсткамеры представлены разные по стилям и формам предметы, традиционные для культуры немецкой елочной игрушки: шишка (колл. № 7439-34; рис. 25 CD), грецкий орех (колл. № 7439-33, рис. 60 CD), дом (колл. № 7439-43, рис. 61 CD), плод персика (колл. № 7439-44; рис. 26 CD), лебедь (колл. № 7439-46, рис. 59 CD). Время создания этих украшений — от 1890-х до 1920-х годов. Для производства елочной игрушки этого периода характерны тонкостенные изделия, выдувание в форму, использование сложных по деталям и орнаменту форм, нитратное серебрение. Изменение технологии производства связано с рядом событий: в 1867 г. в Лауше был построен газовый завод, это позволило использовать газовые горелки с регулируемым пламенем высокой температуры и выдувать большие тонкостенные шары и фигуры. В 70-х годах XIX в. в производство елочной игрушки на смену свинцовому покрытию шаров пришел новый способ нитратного серебрения, использующийся и в настоящее время. Все перечисленные образцы игрушек были изготовлены традиционным способом, который состоит из ряда этапов, соблюдающихся ремесленниками и в XXI в.

Фигуры изготавливаются из стеклянных трубок-заготовок толщиной 1,5 см. Стеклодув разделяет их на несколько отрезков. Длинный узкий конец трубки (*Spieß*) служит отверстием для вдувания воздуха ртом; отверстие на противоположном конце стеклодув запаивает на огне горелки, раскаляет трубку, помещает раскаленное место в форму-щипцы и вдувает воздух через отверстие *шписца*. За несколько заходов стеклянная масса трубки принимает требуемую форму. Затем стеклодув расплавляет и удаляет излишки стеклянной трубки с одного конца, оставляя с другого *шпис* для технических целей. Следующий этап в изготовлении игрушки — серебрение. Для этого в отверстие *шписца* через специальную воронку вливают раствор азотнокислого серебра, гидроксида калия и молочного сахара, заполняя изделие наполовину, затем помещают его в горячую воду и вращательными движениями размешивают раствор внутри изделия для равномерного распределения серебра по стенкам. Остатки раствора сливаются и перерабатываются для нового использования.

После серебрения наступает этап росписи игрушки. Для периода конца XIX — начала XX в. характерно использование анилиновых красок, а также

желатиновой клеящей основы, на которую затем наносили блестки, иные мелкие частицы или краску. Подобным способом расписаны шишка 1890–1900-х годов (колл. № 7439-34) и плод персика (колл. № 7439-44) — форма елочной игрушки Лауши, появившаяся в 1920-х годах. Около 1900 г. вошла в моду так называемая «белая волна»: теоретики искусства и художники пропагандировали отказ от разноцветных, пестрых елочных игрушек как «безвкусицы» и «несообразного природному дереву». Направление стиля модерн в оформлении рождественского дерева разрешало использовать только сходные с природными предметы (серебряный дождь, сосульки, белые и серебряные шишки) и белый или серебряный цвета игрушек. Постепенно к ним добавились прочие любимые образы народной рождественской обрядности — св. Николай, трубы, домики, колокольчики, птицы, выдержанные в белом цвете [Horn 1992: 10–11; Stille 1993: 43; «Bäume leuchtend» 1998: 131–135]. Три предмета из фондов МАЭ иллюстрируют «белую волну» рубежа XIX–XX вв.: выдутая в форму игрушка в виде заснеженного домика (колл. № 7439-43, ок. 1900 г.), посеребренного и покрытого снаружи слоем желатиновой краски, придающей изделию матовость; украшение в виде грецкого ореха (колл. № 7439-33, ок. 1900 г.), типичная малая форма игрушки Лауши, выдутая из прозрачного стекла в форму и покрытая изнутри слоем нитрата серебра, а также фигура лебедя (колл. № 7439-46, до 1900 г.). К списку изделий «белой волны» рубежа XIX–XX вв. можно отнести еще один типичный по своему оформлению предмет — наверхшие-пика (Pickelhaube), выполненное так же, только с применением серебрения, деталей из «лионской проволоки» и мишуры (колл. № 7439-32). После Первой мировой войны во многих семьях распространилась мода украшать рождественскую елку исключительно бело-серебряными игрушками и объектами. Такие деревья получили название «стильных» (Stilbaum) [Stille 1993: 45].

Расписанные елочные игрушки укрепляли на доске, надевая отверстие-шпиг на вбитые гвозди, и помещали возле печи или в ином теплом месте для просушки. После готовности длинная трубка-шпиг отрезается, и в образовавшееся отверстие вставляют металлическую заглушку с креплением к дереву. Виды креплений и заглушек менялись и имели разные формы и способы, характерные для строго определенного времени. По мнению историков рождественской елки, они являются наиболее точным показателем датировки коллекционного предмета [Stille 1993: 197]. На перечисленных игрушках из собрания Кунсткамеры (колл. № 7439-33, 34, 43, 44) представлены крепления, вошедшие в обиход к 1900-м годам и распространенные во всем XX в.: это провололочные пружинные крепления, вставленные в металлический колпачок и держащиеся за счет распора внутри изделия. Интересное и довольно редкое крепление представлено № 7439-46 — выплавленный из тела игрушки стеклянный крючок. Такие крепления характерны как для XIX, так и для XX в., преимущественно для авторских художественных форм елочной игрушки.

Данный предмет, украшение в виде лебедя, представляет собой типичную елочную игрушку Лауши, для которой оригинальным видом формы считаются фигурки птиц с элементами из тончайшего стекловолокна или натуральных перьев птиц [Stille 1993: 181]. Фигурки зверей и птиц производились мастерами Лауши с XIX в. Известны ранние фигуры, изготовленные свободным выдуванием, и более поздние — выдуванием в форму. Лебедь из коллекции МАЭ

представляет собой ранний и достаточно редкий для собраний пример свободного выдувания и формования в сочетании со стеклянным креплением, датируемый предположительно временем до 1900 г. (рис. 13).

Форма птиц использовалась мастерами Лауши весь XX в. вплоть до современности. Для собрания МАЭ была приобретена елочная игрушка в виде птицы, изготовленная в 2008 г. в мастерской семьи Кёниг в Лауше (рис. 27 CD). Это птица зеленого цвета с хвостом из белесо-прозрачных тонких прямых волокон, с нижним креплением на пружинной стойке с прищепкой, вклеенной в изделие акриловым клеем (колл. № 7440-13). Техника производства — выдувание в форму. При этом использовалась традиционная, классическая форма птицы, впервые введенная в производство в 1890-х годах. В мастерской, по сообщениям Габи Кёниг, представительницы четвертого поколения стеклодувов в этой семье, в настоящее время используются так называемые «старые», то есть гипсовые, формы-слепки, принадлежавшие деду информантки Г. Кёнигу в первой половине XX в. Хвост птицы выполнен из стеклянного волокна, которое получило в народе, а также в среде стеклодувов название

Рис. 13. Формованная елочная игрушка «белой волны» начала XX в.: лебедь (МАЭ. Колл. № 7439-46), дом (МАЭ. Колл. № 7439-43), грецкий орех (МАЭ. Колл. № 7439-33). Лауша, 1900—1910-е годы

«волос ангела» или «волос феи» (Engelshaar, Feenhaar). Описанная выше игрушка в виде лебедя начала XX в. также снабжена деталью из стекловолокна: в отверстие технологической трубки-шпика вставлен пучок стеклянных нитей, служащий хвостом.

Элементы из тончайшего гибкого стекловолокна являются традиционными для стеклянных елочных игрушек Лауши. Стекловолокно изготавливали еще в XIX в. из раскаленного стеклянного прута путем однократного вытягивания и одновременного наматывания расплавленной нити на колесо. В процессе были заняты два человека, от обоих требовались хорошее чувство материала и равномерность движений. Полученные стеклянные нити отличаются тонкостью и эластичностью. Они имеют белый цвет и внешне сходны с леской из синтетических материалов. Стекловолокно, которое обычно используется для технических целей в промышленности, в мастерских Лауши получило распространение в качестве рождественского украшения. В современных мастерских стеклодувов Лауши по-прежнему изготавливают «волос ангела» для елочного декора. Известны два вида волокон: завитые и гладкие. Завитые волокна традиционно используют наряду или вместо металлических нитей мишуры для имитации снега и продают в упаковке под запатентованным названием «Feenhaar» (колл. № 7440-16), гладкие волокна употребляют в качестве элементов стеклянных формованных игрушек или для изготовления самостоятельных форм елочных украшений (рис. 28 CD). Это розетки (Rosetten) и кометы (Schweifsterne). В собрании Кунсткамеры представлен пример классической розетки (колл. № 7440-15; рис. 29 CD) из гибкого стекловолокна, которая была распространенным елочным украшением еще в XIX в. Стекловолокно отточенными движениями раскладывают по кругу и фиксируют посередине, затем обрезают края до получения ровного круга. В центре место крепежа закрывают аппликацией — облаткой с характерным рождественским мотивом. Используются изображения рождественского деда Weihnachtsmann или ангелов. Данная розетка украшена облаткой с фрагментом картины Рафаэля Санти «Ангелы». Это изображение считается в Германии «самым знаменитым ангелом» и охотно используется в оформлении товаров и украшений, а также является распространенным мотивом рождественского декора каждый год [АМАЭ: Бучатская 2008–2009: 60]. Описанные украшения были изготовлены в 2008 г. в семейной мастерской «Glasspinnerei Hans Karl» (ул. Штрассе дес Фриденс, 35, Лауша), которая на сегодняшний день является единственным производителем гибкого стеклянного волокна-сырья в городе и поставляет его соседним стеклодувным мастерским.

Современная формованная елочная игрушка Германии представлена в коллекции Кунсткамеры также такими формами, как ангел, шелкунчик, церковь, св. Николай («Бельцникель»; рис. 30 CD), рождественский дед Weihnachtsmann (рис. 31 CD), снеговик (рис. 32 CD). Ангел (колл. № 7440-11) выполнен в образе белокурой девочки в белом платье с крыльями и с золотой дудочкой (рис. 33 CD). В народной культуре Германии ангел является одной из типичных и непреходящих фигур немецкого христианского праздника Рождества и его обрядности. Ангелов традиционно представляли себе в образе как мальчика, так и девочки. В Южной Германии распространен женский образ ангела. Игрушка изготовлена выдуванием в форму в семейной мастерской Михаэля Хаберланда (Кройтцштрассе, 18, Лауша). Форма относится к концу

XIX в. и является семейным наследием Хаберландов. Михаэль Хаберланд — единственный, работающий непосредственно в Лауше мастер, который выдувает традиционную формованную игрушку и использует старые формы. Такой же характерной формой из мастерской Хаберланда считается игрушка «церковь» (колл. № 7440-1; рис. 34 CD). Это подвесное украшение в виде белой церкви с красной крышей и золотыми окнами также относится к характерным образам народной немецкой культуры и самосознания: церковь всегда была неотъемлемым элементом повседневной и праздничной жизни немцев и играет особую роль во время праздника Рождества.

Таким образом, можно утверждать, что формы елочной игрушки Германии XX–XXI вв. отражают все многообразие народных представлений, культурных доминант, предметов и образов рождественской обрядности немцев.

Навершие рождественского дерева. Помимо шаров и фигурных елочных игрушек обязательным элементом в украшении был декор верхушки елки. Верхушка выступает доминантой всего рождественского дерева, и потому для нее выбирали особенный декор, не повторявшийся в украшении ветвей. Первые формы декора верхушки, известные с XVIII в., — это фигурки ангелов, выполненные из латунной фольги или позолоченной бумаги и фарфора (Rauschgoldengel), вифлеемская звезда из прессованного картона, покрытая тончайшими листами латунной фольги, флажки из листов латуни или позолоченного фольгой картона, различные бумажные картуши с рождественскими евангельскими изречениями. В XIX в. с развитием индустрии и культуры елочной игрушки в Германии стали изготавливать специальные навершия из стекла различных форм. Под влиянием военной и национальной идеологии лидирующей Пруссии в 1870-х годах в моду вошли елочные навершия в виде пики, которые повторяли форму и навершие прусских военных шлемов (Pickelhaube). Данная форма наверший рождественского дерева быстро распространилась и завоевала стойкое предпочтение иным декорам на долгое время. Подобные «пики» производились и в XX в. Собрание Кунсткамеры располагает одним подобным предметом (колл. № 7439-32; рис. 14, рис. 58 CD). Это навершие в виде пики (крупного шара и меньшей «луковицы») на длинной трубке зеркально-белого цвета, датируемое началом XX в. Шар оплетен многими рядами тонкой волнообразной витой проволоки. Слева и справа от шара к концам проволоки прикреплены проволочные дуги сложного спиралевидного плетения, с которых свисают по одной бусине (диаметр 1 см) и кисти из тонких металлических полос. Это елочное украшение — классический пример ассортимента, выпускаемого мастерскими стеклодувного центра Германии г. Лауша в Тюрингии с середины XIX в. Данный предмет демонстрирует старую технику свободного выдувания ртом елочных украшений из стеклянной трубки над пламенем — верхний конец пики представляет собой необработанный кусок технической трубки-шписа.

Оплетение готового изделия тонкой витой латунной проволокой, а также применение металлической мишуры было одним из распространенных в конце XIX — начале XX в. элементов елочных украшений Германии. Данный образец демонстрирует эту технику. Витая проволока получила название «лионской» (leonische Draht) по имени французского города Лиона, который в начале XVI в. являлся ведущим центром производства листового железа и проволочных изделий [«Väume leuchtend» 1998: 86]. Производство листового металла

Рис. 14. Навершие рождественской ели «пика». Лауша, до 1900 г.
МАЭ. Колл. № 7439-32

и проволоки пришло в Германию из Лиона и в 1870-е годы развивалось во Франконии (г. Фюрт и Нюрнберг), граничащей с Южной Тюрингией и Лаушей. Выделяют четыре вида лионских изделий, изготовленных различными способами: «фриз» (Gimpe, Frise), плетеный в виде волнистой тесьмы, «кантиль» (Kantille), плетенная в виде спирали, «бульон» (Bouillon) в виде завитков и плющенная проволока, которую использовали в качестве серебряного дождя (Lametta), мишуры и прочих изделий. В оплетении шаров, формованных игрушек, изготовлении различных фигурок и иных видов рождественского елочного декора использовались все виды лионских проволок [Stille 1993: 101]. В оформлении пики из собрания МАЭ использованы три вида лионской проволоки — волнообразные «фризы», спиральные «кантили» и плоская плющенная проволока, из которой собраны кисти. По всей видимости, в верхней части пики, в трубке, находилась еще одна деталь, утраченная со временем, — пучок длинных нитей серебряного дождя. Фотографии каталогов выставок и частных коллекций Германии иллюстрируют подобные предметы [Stille 1993: 63].

Бисерная елочная игрушка из Яблонца (Gablونzer Glasperlenschmuck). Наряду с Лаушей производством изделий из стекла, в том числе стеклянной елочной игрушки, славился г. Габлонц (Яблонец), расположенный на севере тогдашней немецкой Богемии. Первые стеклодувные мастерские возникли здесь в 1845 г. и были основаны стеклодувами-переселенцами из граничащего с регионом саксонского Эрцгебирге [Stille 1993: 191]. Как и в Лауше, мастера чешского Яблонца занимались в первую очередь производством имитации искусственных драгоценных камней для стеклянных украшений и бижутерии. В русле развития индустрии елочных украшений и моды на них мастера Яблонца разработали свою оригинальную форму елочной игрушки (нем. Gablонzer Glasperlenschmuck). Особенностью елочной игрушки из этой местности стали плетеные фигуры из стеклянного бисера. Стеклодувы Яблонца специализировались в изготовлении бисера и стекляруса как путем свободного выдува, так и с использованием формы. Стекланные бусины получались полыми и имели различную форму — правильную шарообразную, кубическую или сложную геометрическую и округлую, разным был и размер бусин (от 2 мм до 1–1,5 см).

Такие бусины служили основой специфической елочной игрушки из Яблонца. Она представляет собой сложные фигуры, составленные из бусин и стеклярусных палочек разного размера. Процесс изготовления игрушки из Яблонца состоит из нескольких этапов. При помощи специальных форм выдуваются целые цепи одинаковых бусин длиной до 12 см. Они получили название Klatsch. Такой «массовый» способ производства использовался уже в XIX в. Следующим шагом производственного процесса является раскалывание цепи на отдельные бусины, затем их серебрение, полировка и окраска. Заключительный этап — комплектование фигур из отдельных бусин. Для этого бусины нанизывают на удерживающую основу — проволоку или леску [Vanja 1992: 23]. Корзинка (колл. № 7439-41) представляет собой типичную форму елочного украшения Яблонца позднего XIX в. (рис. 15, рис. 62 CD). Она выполнена из

Рис. 15. Елочное украшение «корзинка». Яблонец, конец XIX в.
МАЭ. Колл. № 7439-41

стеклянных полых бусин (нем. Hackebissel, Sprengperle, -n, Rocailles) разных размеров: округлых серебряных и золотых размером 2 мм, сложных фигурных малых бусин, окрашенных в яркие синий, красный и зеленый цвета, а также большой продолговатой бусины 1×3 см (бусина расколота). Характер крепления бусин с использованием лионской проволоки позволяет отнести это изделие ко времени до 1900 г. [«Bäume leuchtend» 1998: 84]. Мотивы для елочной игрушки из Яблонца были неповторимыми и отличались многообразием, поскольку их изготовление основано не на шаблонных формах, а на фантазии мастера. Уже в XIX в. это были миниатюрные копии предметов обихода и интерьера (сумки, корзинки, стулья, диваны, люстры), животные (паук, лебедь), а также традиционные рождественские мотивы — звезда, антропоморфные фигуры, произвольные украшения и т. п.

Игрушка из бисера в виде трехколесного велосипеда (колл. № 7439-42) представляет собой характерную форму бисерной игрушки из Яблонца XX в., по всей видимости, послевоенного времени 1950-х годов, когда в обиход широких масс населения вошли такие предметы, как детские коляски и велосипеды (рис. 35 CD). В ее изготовлении использованы стеклянные пуговицы, цельный продолговатый бисер и мелкие полые бусины с выраженными кантами, собранные на проволоку. Послевоенная плетеная игрушка была изготовлена на территории ФРГ, в стеклодувных центрах Баварии, куда переселились мастера немецко-богемского Яблонца. По традиции за такой оригинальной формой елочного украшения сохраняется название *Gablonzer Glasperlenschmuck*. В настоящее время в частных лавках антиквариата имеется широкий выбор разных форм игрушки из Яблонца различного времени — от самых ранних, 1870-х годов, до богатых образцов 1930-х годов, стоимость одной игрушки колеблется от 10 до 60 евро, хотя, как правило, продавцы не осведомлены об истории бытования и изготовления данных вещей. Для коллекции МАЭ оба предмета были приобретены в антикварном магазине Бамберга, а для датировки и атрибуции автор статьи пользовалась руководствами для коллекционеров и музейными каталогами [Bäume leuchtend, Bäume blendend 1998: 84; Stille 1993: 193, Vanja 1992: 23].

Елочная игрушка в XX в. За несколько десятилетий своего распространения елка превратилась из «подарочного дерева» для детей в предмет эстетики и демонстрации собственного статуса, вкуса и достатка для взрослых, украшение, которое показывали гостям. Уже в первые годы XX в. возникают «дизайнерские» изыски в области оформления рождественских елок, которые используют, чтобы удивить гостей. Например, в 1904 г. в журнале для домохозяек описывался способ устройства авангардной шарообразной елки с простыми белыми украшениями [Stille 1993: 43–44].

Войны и идеолого-патриотические движения первой половины XX в. также оставили свой след в истории развития елочных украшений. В годы Первой мировой войны появились елочные украшения в виде дирижаблей, фугасов, морских мин, наградных крестов, винтовок и т. п., а также шары с портретами кайзера. Нордический уклон культурной пропаганды Третьего рейха породил создание новых форм елочных украшений, а также дехристианизацию рождественской символики. Создаются шары и фигуры в стиле так называемой народной идеологии — украшенные свастиками, рунами, солярными знаками и прочими древнегерманскими символическими изображениями. В послевоенные годы в условиях разрухи и низкого материального обеспечения в елоч-

ные украшения «конвертировались» все оставшиеся от войны детали и предметы вооружений: стекла противогозов, жестянки и металлические листы самолетной техники и т. д. В годы «экономического чуда» (1950-е) в ФРГ вновь возродилось производство елочной игрушки. Использовалось не только стекло, но и пластик, различные акриловые краски, что значительно удешевило изделия и сделало их общедоступными. Многие традиционные стеклодувные семейные мастерские уезжают из Лауши, который отныне входит в границы ГДР, и обосновываются в соседней Баварии. Здесь открываются многочисленные дочерние фирмы выходцев из мастерских Тюрингенского леса. С 1960-х годов до конца XX в., подобно моде на фасоны, укореняется обязательная мода на оформление рождественской елки. Ежегодно сменяются цветовые предпочтения и сочетания декора и орнаментов, избираемые типы и материалы елочных украшений.

В ГДР и собственно в г. Лауша развитие стеклодувного производства шло своим путем: все мастерские были переориентированы в народные предприятия (VEB: Volkseigener Betrieb) и работали по государственным заказам. Собственно рождественские украшения производить было запрещено, по рассказам респондентки Г. Кениг, но выдували фигурки зверей, птичек и различные нейтральные объекты для украшения елки. Пример такого елочного украшения в коллекции МАЭ представлен номером № 7440-12 — это воздушный шар (рис. 36 CD). Данный предмет изготовлен в форме 1960–1970-х годов, которые называют в мастерской «старыми», потому что они оригинальные и их продолжают использовать уже полвека. Такая форма елочной игрушки была популярна в ГДР — нейтральный мотив, не связанный с религиозной тематикой и символами. После объединения Германии традиции стеклодувных мастерских Лауши пережили свое возрождение, но сами мастерские оказались в условиях жесткой конкурентной борьбы и необходимости переориентации организации дела. Как и многие консервативные ремесленные объединения, некоторые из фирм Лауши находятся в состоянии кризиса [АМАЭ: Бучатская 2008–2009: 66].

В конце XX в. в общеевропейском русле замены моды стилевым плюрализмом в обществе постмодерна укореняются различные стилевые предпочтения в украшении рождественской елки. Рождественское дерево становится элементом дизайна жилого помещения, и его декор соответствует стилю жилья и ценностным ориентациям его владельцев — в современном немецком обществе можно встретить разнообразные типы оформления рождественского дерева: от первоначальных «естественных», классических бюргерских до дизайнерских решений XXI в.

Наблюдения и результаты опросов 2008–2010 гг. позволили прийти к выводу, что елочная игрушка является не только результатом художественного промысла, идеологий, модных течений и продуктом развитой индустрии, но может рассматриваться как продукт народного искусства и предмет народной культуры. Во-первых, к елочной игрушке применима такая категория, как традиционность. Традиция прослеживается в сфере изготовления и в сфере бытования предметов — это использование традиционных образов, в том числе образов народной обрядности и фольклора, традиционных (так называемых «старых») стеклодувных форм, штучное и ручное (собственно ремесленное) производство каждого предмета (рис. 37 CD). Во-вторых, елочная игрушка

сегодня служит одним из путей выражения собственной идентичности. В эпоху разнообразия товаров, интернационализации их производства и ценовых категорий это проявляется в подчеркнутом использовании большинством немцев по возможности «исторических», то есть старых, фамильных елочных украшений, при покупке новых предметов — в предпочтении традиционного способа покупки (рождественский базар), характерных национальных образов, усвоенных в детстве, и марок елочных украшений («Лауша», «Габлонц», «Эрцгебирге», «Дрезден» и т. д.; рис. 38 CD).

Bescherung: дарители и подарки

Обычай рождественского одаривания детей (*Weihnachtsbescherung*) сформировался в течение XIX столетия и происходил из буржуазной среды, точнее — из малой семьи бюргеров, то есть горожан. Вместе с ростом ценности ребенка как личности в обществе и семье сам праздник Рождества постепенно превратился в праздник одаривания детей. Уже к сороковым годам XIX в. Рождество (наряду с церковной доминантой) воспринималось как семейный праздник с морализаторской подоплекой [Gawlick 1998: 66]. Это совпало с ростом промышленности и производства, в том числе подарочного ассортимента, которому нужно было обеспечить рынок сбыта.

Подарки попадали к адресату двумя традиционными способами: безлично или с помощью особой категории рождественских персонажей — дарителей.

Дарителями (*Gabenbringer*) обычно выступали персонажи рождественской мифологии и ряжения. Один из них — *Christkind* на юге Германии, или *Kinnjes* на севере. Надо отметить, что этот образ заменил в переживших церковную Реформацию северных, восточных и центральных районах Германии привычного раньше католического дарителя, любимого детьми святого Николая, и тем самым обычай одаривания переместился со дня св. Николая (6 декабря) на сочельник, 24 декабря. *Christkind* в роли дарителя никак не соотносится с образом библейского младенца Христа, главного персонажа ясельных сцен — это некий ангелоподобный образ, корни которого прослеживаются в ясельных представлениях Средневековья и шествиях ряженных Нового и Новейшего времени. В Южной Германии образ младенца Христа (*Christkind*, *Christkindl*) как дарителя сохраняется до настоящего времени. При этом данная фигура не материализуется в образ ряжения, но остается вымышленным персонажем, олицетворяющим посланника подарков. Возвещают о присутствии и существовании младенца Христа как дарителя, как правило, родители через определенные знаки и предметы: это оставленное открытым окно в парадной комнате, яркий свет, звон колокольчика, письма от имени младенца Христа и т. д. Рассказ пожилой жительницы франконской области Шпесарт Марии Райтмайер иллюстрирует эпизод рождественского одаривания военного времени: «Родители исчезали в гостиной, и тетя рассказывала нам истории до тех пор, пока не звонил колокольчик. Тогда двери распахивались, а младенец Христос уже успевал выпорхнуть в окно. Подарки были все без бумаги, красиво наставлены один на другой» [*Weihnachten im Speßart* 2002: 137].

На протяжении XIX в. образ младенца Христа в Северной Германии был постепенно вытеснен другим дарителем — «рождественским дедом», или *Weihnachtsmann*. Образ этот достаточно позднего происхождения. Сегодняшний образ «рождественского деда» сходен во многих культурах: это добро-

душный старик с бородой, в пальто с капюшоном, мешком подарков и розгами. Такой «дед» даже имеет точный год рождения: в 1847 г. художник-романтик Моритц фон Швинд (1804–1871) набросал для мюнхенской серии лубочных картинок образ «господина Мороза» (Herr Winter) и создал тем самым давно искомую буржуазной «рождественской мифологией» фигуру дарителя. Weihnachtsmann объединил в себе черты покровителя детей св. Николая и карающего непослушных Ругкласа. До рубежа XIX–XX вв. облик «рождественского деда» варьируется — длинное пальто с капюшоном белого, синего, красного, коричневого, зеленого или даже черного цветов, иногда отороченное мехом — в зависимости от того, что было в доме. Меховая шапка прикрывает седую голову краснощекого бородатого дарителя. Его типичными атрибутами первоначально было украшенное свечами деревце, а позднее — розги и мешок с подарками. Лишь в 1900-х годах Weihnachtsmann впервые явился взору публики в привычном нам сегодня облики: красном пальто с белой меховой оторочкой, и повсюду стал рекламным символом Рождества. А виновницей этого переворота стала компания «Кока-Кола», которая использовала для рождественской рекламы своей продукции пухленького ухмыляющегося старичка-Weihnachtsmann, облаченного в красно-белые цвета фирмы. С этого момента в мире рекламы, торговли и СМИ наступила эпоха нерушимого авторитета Вайнахтсманна/Санта-Клауса в красно-белых одеждах [Gawlick 1998: 69]. Однако в селах еще всю первую половину XX в. ряженный Weihnachtsmann был одет в старое пальто различных цветов, исходя из того, что было в арсенале крестьянской семьи [Иванова-Бучатская 2006: 202].

Weihnachtsmann спрашивал у детей выученные заранее стихи или сценки, непослушным грозил наказанием. Родители, купившие подарки и требовавшие послушания, оставались таким образом в тени, а с помощью фигуры Weihnachtsmann они могли воздействовать на детей и держать их в страхе и смирении. Ведь только от этого дарителя можно было получить долгожданный подарок [Gawlick 1998: 69]. Постепенно одаривание детей распространилось под влиянием буржуазной городской среды и в деревне. На смену незваным колядующим парням пришел даритель Weihnachtsmann, которого специально заказывали родители. В роли его обычно выступал работник, знакомый, сосед, родственник, реже — один из родителей. Дети гадали, кто же на этот год будет Weihnachtsmann, и нередко узнавали пришедшего: «Ах! Это же Вальтер! На нем же папины ботинки!» [Иванова-Бучатская 2006: 202] или «Мы знаем, кто был Вайнахтсманном, это был Пауль Шульц, кнехт из соседнего крестьянского двора!» [Gawlick 1998: 72]; «Der Weihnachtsmann hat Mamas Hände!» [ПМА: 2000].

Безличное или анонимное вручение подарков не предполагало посредников в виде специальных дарителей. Анонимная передача дара считается самым старым видом рождественского одаривания: на севере Германии в XIX в. именно таким образом распространяли родительские дары группы ряженных, которых в народе называли традиционно Rugklaas (ср. обычаи дня св. Николая) или Kinnjes [Gawlick 1998: 68]. В Ябельхайде в начале XX в. анонимным дарителем часто выступал образ новогоднего ряжения Olljohrsmudder, который появлялся в доме в Сильвестрову ночь и приносил мешок с яблоками [АМАЭ: Иванова 2000: 104]. В д. Швинген в Верхней Франконии в XIX в. в сочельник по деревне проходили ряженные в образах соломенной Берты (ср. Перхта) со спутниками

и раздавали подарки [Die fränkische Weihnacht 2002: 109]. Еще одной формой безличного одаривания является обычай Julklapp, известный также исключительно в Северной Германии, где он был заимствован из скандинавской рождественской обрядности: накануне Рождества даритель, пожелавший остаться неизвестным, с возгласом «Julklapp!» забрасывал в открытое окно сверток и быстро исчезал. Сверток обычно состоял из многих слоев бумаги, сена и прочей обертки. На каждом слое надписывали разные имена, и лишь имя на последнем слое упаковки означало непосредственного адресата подарка. Такой подарок обычно представлял собой сладости, сувенирные мелочи или деньги и был распространен в молодежной среде [Иванова-Бучатская 2006: 120–122].

Наконец, самая популярная в XX столетии форма одаривания — это подарочный стол (Geschenktisch) или подарки, положенные под рождественскую елку. Такое безличное одаривание получило распространение по мере замыкания жизни людей внутри семьи и отделения мира буржуазной семьи от улицы и общины. Подарочный стол располагался в парадной комнате, где стояла наряженная рождественская елка. Подарки на стол или под елку клали родители, и действие это сопровождалось незыблемым ритуалом: мама, хозяйка дома, украшала за закрытыми дверями елку и раскладывала упакованные и надписанные подарки, папа зажигал свечи, затем звенел колокольчик как вестник незримого присутствия младенца Христа (дарителя), и утомленные ожиданием дети вбегали в праздничную комнату. Вот знаменитые строки из сказки Гофмана «Щелкунчик и мышиный король»: «Двадцать четвертого декабря детям советника медицины Штальбаума весь день не разрешалось входить в проходную комнату, а уж в смежную с ней гостиную их совсем не пускали <...> Итак, дети отлично знали, что родители накупили им всяких чудесных подарков и сейчас расставляют их на столе; но в то же время они не сомневались, что добрый младенец Христос осиял все своими ласковыми и кроткими глазами и что рождественские подарки, словно тронутые его благостной рукой, доставляют больше радости, чем все другие <...> Светлый луч скользнул по стене, тут дети поняли, что младенец Христос отлетел на сияющих облаках к другим счастливым детям. И в то же мгновение прозвучал тонкий серебряный колокольчик: “Динь-динь-динь-динь!” Двери распахнулись, и елка засияла таким блеском, что дети с громким криком: “Ах, ах!” — замерли на пороге» [Гофман 1998: 182, 184]. Семья вместе любовалась елкой, пела рождественские песни под аккомпанемент клавира, дети рассказывали стишки, и, наконец, следовало самое главное действие праздника — дети находили под елкой вожделенные подарки.

Изначальный смысл дарения заключается в неразделимом единстве человека и вещи. Подарок превращается в одно целое с одариваемым и должен приумножить его имущество или обогатить душевные качества согласно представлениям того, кто дарит. Актом передачи подарка осознанно или неосознанно осуществляется связь между дарителем и одариваемым. Дар предполагает ответное действие, как в материальном, так и идеальном смысле, и если не осуществлено равенство между дарением и принятием дара, возникает чувство долга. Тем самым даритель имеет некую власть над одариваемым. В этом смысле одаривание детей соответствовало буржуазным идеалам воспитания и подразумевало педагогическую цель добиться от детей благодарности, послушания и любви к родителям. Этим родители устанавливали свою власть над ребенком [Gawlick 1998: 69; Рикман 1983: 178].

Литературные произведения XVIII—XIX вв. с описаниями сцен одаривания могут выступить этнографическим источником для изучения рождественских подарков: «В тот самый день, когда Вертер написал только что приведенное письмо к другу, в воскресенье перед Рождеством, он вечером пошел к Лотте и застал ее одну. Она приводила в порядок игрушки, которые приготовила к празднику своим младшим братьям и сестрам» [Гете 1978: 84]; «Вокруг дерева все пестрело и сияло. И чего там только не было! Не знаю, кому под силу это описать!.. Мари увидела нарядных кукол, хорошенькую игрушечную посуду, но больше всего обрадовало ее шелковое платьице, искусно отделанное цветными лентами» [Гофман 1998: 185]. Информанты экспедиции МАЭ 2000 г. в Германию вспоминали, что обычными рождественскими подарками в их детстве (1920-е годы) были новые чулки, тапки, нижняя сорочка и сладости, а также новая или же просто постиранная и накрахмаленная одежда для куклы, поскольку приобретение новой куклы было часто не по карману родителям [Аудиотека МАЭ РАН: № А-2-17].

Различие истории рождественского одаривания в Южной и Северной Германии было резким. В Мекленбурге еще в начале XIX в. даже в богатых бюргерских семьях подарки выглядели весьма скромно: вышитая кисея, восковые свечи, комодик. Кроме детей подарки обычно получали слуги и поденщики. Для них это были не подарки как таковые, но заранее оговоренная часть их жалования; также наряду с орехами, яблоками и сладостями слуги получали одежду. Возникающее неравенство и власть дарителя над одариваемым подчеркивали и социальные различия. В среде взрослого населения, особенно в деревне, обычай одаривания был редок и воспринимался как «детский» или «выражение сентиментальности», что унижало крестьянскую натуру [Gawlick 1998: 65]. Города Южной Германии, такие как Нюрнберг, уже в XVIII в. предлагали на своих рождественских базарах широчайший выбор подарков. Мода на подарки к Рождеству пришла в городскую среду патрициев, купцов и ремесленников из придворных кругов, и в XIX столетии Нюрнбергский рождественский базар фактически был ярмаркой игрушек и подарков, соответствуя духу времени [Schatz 2002: 28].

В качестве подарков выступали всевозможные игрушки, игры и книги — азбука, раскраски, картинки, вырезные фигуры и куклы. С конца XIX в. по настоящее время южнонемецкая фирма «Ravensburger Spiele» предлагает широкий ассортимент детских и взрослых настольных игр, которые поныне часто приобретаются в качестве рождественских подарков детям. В собрании МАЭ представлены игрушки первой половины — середины XX в., которые служили рождественскими подарками детям: куклы (колл. № 7439-16-1/2; 7439-38) и трактор с прицепом (колл. № 7441-1-1/2). Игрушка № 7439-16-1/2 выполнена в виде девочки и мальчика, качающихся на качелях-доске (рис. 39 CD). Фигурки изготовлены из ткани, набитой материей, лицо — из фарфора с росписью. Такие игрушки были распространены в Германии до Второй мировой войны и продолжали производиться после нее. Сразу после войны население страны жило бедно, и игрушки делались из остатков и отходов войны — жести, камуфляжа, деталей боевой техники и оружия. Тематика была тоже военной. Поэтому данная игрушка, по всей видимости, либо относится к довоенному времени, либо ко времени «экономического чуда» 1950-х годов. Датировать игрушки довольно сложно, и материал не является достоверным критерием.

В XX в. применялись различные материалы: куклы из пластмассы и синтетических материалов производились уже в 1930-е годы, бисквитный фарфор использовали в производстве игрушек и во второй половине XX в. [<http://www.museen.nuernberg.de/spielzeugmuseum/depot.html>].

По общеевропейской традиции дети пишут письмо (Wunschzettel) к воображаемому дарителю, в котором излагают свои пожелания по поводу рождественского подарка. Куклы остаются излюбленными подарками к Рождеству для девочек. Кукла № 7439-38, девочка со светлыми волосами в платье в красно-белую вертикальную полоску с отделкой белым кружевом на груди (рис. 40 CD), относится к первой половине — середине XX в., место бытования локализуется областью Фихтельгебирге (Верхний Пфальц, Франкония). Данный предмет был куплен на антикварном рынке в Бамберге у женщины 45-ти лет. По рассказам продавца, кукол дарили на Рождество ее матери, Марии Юнгникль (1937 г. р.), это была традиция в семье. Подарки для мальчиков были более разнообразны и включали различные уменьшенные копии оружия, солдатиков, конскую сбрую, игры. Распространенным примером рождественских подарков в XX в. являются модели машин и механизмов. В 2010 г. автором статьи в собрание Кунсткамеры была передана уменьшенная копия открытого рабочего трактора 1950-х годов из некрашеного дерева, покрытого лаком, с прямоугольным прицепом, подъемными бортами и механизмом подъема и разгрузки прицепа (рис. 41 CD). Такие уменьшенные копии тракторов и машин в качестве детских игрушек были очень распространены в Западной Германии середины XX в. Они изготавливались промышленным способом небольшими партиями и продавались на городских рынках и в лавках игрушек. Данный предмет принадлежал сыновьям собирательницы. Игрушка была подарена им господином Андреасом Вайе на рождество 2008 г. (рис. 16, рис. 72 CD) Андреас Вайе — житель Бамберга и сотрудник университета им. Отто и Фридриха Бамберга. Этот трактор Андреасу Вайе подарил на Рождество 1962 г. его дед Karl Bertram (1901–1970), когда дарителю самому исполнилось 2 года. День, когда Андреас получил подарок, был знаменательным: о нем до сих пор вспоминают в его семье. Дед, Karl Bertram, привез этот трактор из Франкфурта в вечер сочельника, приехал с мешком, весь потный, в Альтфельд на р. Ляйне, где тогда жила семья под Франкфуртом, и был очень рад, что удалось достать такой подарок для внука. Этим трактором Андреас играл в 1960-е годы. С тех пор трактор хранился в доме его матери в городке Альтфельд под Франкфуртом на Майне в земле Гессен. Господин Вайе приложил к подарку портрет деда с именем, годами жизни и названием населенного пункта.

В XX в. смысл подарков и интенция акта дарения изменили свое значение. Подарки стали служить способом улучшить материальное положение и оснащение жилья. Подарки 1950–1960-х годов, времени «экономического чуда», отличаются сугубо практической направленностью и представляют собой предметы бытовой техники, интерьера и т. п. Это обусловлено уровнем экономического развития и материальной обеспеченности населения Германии тех лет. После насыщения хозяйств материальными благами ценность приобрели блага нематериальные, и дарить стали вещи символические или нематериальные презенты — путешествия, впечатления и т. п. В настоящее время сохраняется такая тенденция. Одним из возможных вариантов подарков может служить договоренность между членами семьи об определенной вещи или денежной сумме.

Рис. 16. Визит «рождественского деда» к детям. Бамберг. 23 декабря 2008 г.
Фото Ю. Бучатской. Фотоархив отдела европеистики МАЭ

Рождество как национальный символ

Клишированная картина немецкого Рождества, представленная во всех рекламных буклетах и в книгах такова: Рождество как апогей семейного уюта и единения, следование вековым традициям, неизменным ритуалам, не тронутая политической идеологией сказка для всех — и детей, и взрослых. Рождество как символ памяти и самосознания нации неразрывно связано с цепочкой ассоциаций-символов, как то: сентиментальные рождественские песни «*Stille Nacht, Heilige Nacht...*», «*O, Tannenbaum!*», «*O, du fröhliche...*», «*Alle Jahre wieder...*», рождественская елка и свет свечей, а также «истинно немецкая душевность». Рождество, таким образом, воспринимается как типично немецкий праздник, который, конечно, существует и в других христианских странах, но нигде не бывает так красив и душевен, как в Германии. Как было показано, такому Рождеству не более 150 лет. Вместе с традициями в немецком Рождестве оставили свой след инновации, политическая пропаганда и осознанный слом традиции в Новейшее время.

XIX столетие не только привнесло новое значение семейного праздника в Рождество, но и наметило иные пути его развития. Речь идет о движении романтизма в духовной жизни Германии, которое старалось отыскать в этом «типично немецком празднике» древние германские мифические корни. Деятельностью Якоба Гримма начались поиски германских языческих реликтов в немецкой обрядности зимнего цикла. И хотя проследить какую-либо традицию германских зимних обрядов до Нового времени было невозможно, поиски следов древнегерманского праздника середины зимы, предшественника христианского Рождества, имели глубокую идеологическую основу: формирование национального самосознания, подчеркивание особой роли своей германской родины на фоне романских и иных христианских традиций. Поиски корней национальных традиций в древности — явление, не уникальное для Германии. Оно неизбежно сопровождает процесс формирования национальных государств, которые стараются найти опору своей идентичности в символах, знаменах, гимнах и т. п. И если у новых национальных ритуалов отсутствуют бесспорные традиции в древности, их создают заново. Так произошло с рождественской елкой, прообраз которой немецкие исследователи древностей XIX в. усматривали в мировом древе древних германцев. Далее формированию и распространению мифологема рождественской елки, а вместе с ней и древности немецкого Рождества, способствовала светская культура XIX в.: на распространенной в буржуазных кругах анахронистической гравюре Карла А. Швердтгеурта, выполненной спустя 300 лет после смерти Мартина Лютера, был изображен сам реформатор со своей семьей рядом с украшенной свечами рождественской елью [Stille 1993: 12]. Таким образом, буржуазия XIX в. не осознавала своей роли в «реформе» Рождества и изобретении новых ритуалов и символов, но, напротив, ощущала себя частью некоей «древней традиции».

Во время войны с Францией 1870—1871 гг. оформилась национальная мифологема немецкого Рождества как семейного праздника с древними германскими корнями. Отныне *дойче вайнахт*, как любой символ, заслуживает самых разных оценок и становится инструментом идеологии различных эпох. В годы войны 1870—1871 гг. праздник был политизирован и стал знаменем антифран-

цузского шовинизма и социальных протестов. Затем, в Первую и Вторую мировые войны, власти охотно использовали немецкое Рождество в пропаганде ксенофобии. Лейтмотивом рождественских открыток и листовок военного времени неизменно остается соединение и сталкивание двух противоположностей жизни — мирной вести Рождества с военными лозунгами, праздничное преобразование военных действий. Рождественские листовки 1870 г. изображали кайзера, который положил под нарядную елку в качестве подарка немецкому солдату только что завоеванный Эльзас; семейные журналы «Daheim» и «Illustrierte Zeitung» рисовали идиллические картинки солдатского Рождества во вражеской стране [Foitzig 2003: 155]. Изображение украшенной рождественской елки на фронте должно было создать обманчивое впечатление нормальности происходящего. Рождественская елка, которая военной зимой 1870 г. по желанию офицеров впервые появилась в лазаретах, на военных квартирах и в блиндажах, стала мощным оружием психологической войны: она служила единственной ниточкой, связывавшей солдат с родиной и семьей, и показателем превосходства немецкой сущности, которая создала этот роскошный символ глубокой национальной душевности.

За четыре Рождества Первой мировой войны идея праздника полностью превратилась в орудие военной пропаганды, которая звучала даже с церковных кафедр во время праздничной патриотической проповеди. Рождественская военная пропаганда 1914 г. стремилась прежде всего воздействовать на женскую часть читательской аудитории, которая накануне семейного праздника была наиболее восприимчива и как никто иной жаждала мира. Страх за жизнь отцов, братьев, сыновей и мужей направлялся в нужное патриотическое русло, а методика была простой: врага объявляли единственным виновником крушения мирного Рождества:

*Und wäre wider uns im Feld,
Der finstre Haß der ganzen Welt:
Der deutschen Seele raubt ihr nicht
Das liebe goldne Weihnachtslicht.*

*И словно против нас на поле брани.
Вся мрачная ненависть мира:
У немецкой души вы не украдете
Дорогой золотой свет Рождества.*

Для самих солдат подобная пропаганда не сыграла особой роли. Для них важнее было единение перед лицом общего праздника, которое было достигнуто прекрасно инсценированным «полевым Рождеством», в котором иногда принимал участие даже сам кайзер. Его появление, его обращение к солдатам «товарищи» сакрализировали войну, сражение и победу и делали их теми элементами, которые объединяли всех вне зависимости от социальных контрастов [Foitzig 2003: 159].

Национал-социалистическая пропаганда продолжила эксплуатировать Рождество. Из разрозненных частиц патриотической, трогательной и народной мистики Рождества национал-социалисты сконструировали новый культ, затмивший прежнее Рождество. Министерство пропаганды не только заняло этнографов поисками германских корней рождественских символов и обрядов, но и объявило Рождество праздником всего немецкого народа вне классов, сословий и конфессий. Обрядностью и оформлением праздника всецело занимались ответственные за это структуры, имевшие свой печатный орган «Die neue Gemeinschaft». Национал-социалисты опасались, что измученное страданиями и тяготами военного времени население обратится за утешением

к религии, и поэтому взялись за «германизацию» немецкого Рождества и освобождение его от церковных влияний. Для этого в массы внедрялась мысль о нордическом происхождении праздника, все символы Рождества получали доказательство своего автохтонного происхождения или были замещены новыми символами. При этом образцом была выбрана скандинавская традиция. Св. Николая и рождественского деда объявили «потомками» германского бога Водана, в качестве своеобразного заместителя Богоматери в рождественских песнях фигурировала некая «мать немцев» («die Deutsche Mutter»), а в стихах и песнях в роли спасителя немецкого рождества воспевался сам фюрер. Новая рождественская обрядность была призвана слить воедино родину и фронт. В домах читались стихи, в которых семья провозглашала свою верность фюреру, народу и фронту, под Рождество поминали погибших, а павшим солдатам даже ставили прибор на общем праздничном столе [Deutsche Weihnachten 1941: 55 ff.].

В нацистских рождественских проповедях военного времени христианский праздник мира превращался в судьбоносную решительную битву расы. Показательно такое обращение к солдатам: «Военное Рождество! Именно сегодня мы познаем последние ценности нашей расы, которые поднимаются в ликующем восстании против тьмы, против принуждения, против любого недостойного существования — поднимаются на освободительную борьбу! Поэтому наш праздник Рождества мы встречаем не с трогательным настроением, но в твердой и непоколебимой уверенности в том, что мы, как вечные Прометеи, следуем призыванию нести свет свободы в мир. И пусть все посланники услышат наш призыв: мы вешаем миру закон, по которому мы начали действовать, по которому мы боремся и умеем побеждать и жертвовать: свобода на земле!» [Foitzig 2003: 162]. Очевидно, уже после Сталинградской битвы 1943 г. такие лозунги не могли поднять боевой дух солдат, и их рождественские письма домой резко контрастируют с официальной пропагандой: «Этот праздник я проведу иначе, чем Вы, может быть, в окопе, разбитым и израненным этими ужасными холодами, облепленный кишачными вшами, которые режутся повсюду на запаршивленной и исцарапанной коже. Может быть, я просто буду грустить и думать о чем-нибудь съестном. О, это Рождество...» [Foitzig 2003: 162].

И после окончания войны, с началом новой, «холодной войны», Рождество и его главные символы были использованы обеими политическими системами для обострения различий и непримиримых противоречий между разделенными немецкими государствами. С обеих сторон Берлинской стены слышались возмущенные голоса о злоупотреблении праздником во имя собственных политических целей: восточногерманская пресса обвиняла западных братьев в американизации истинно немецкого праздника, а западногерманская в свою очередь критиковала ГДР за лишение Рождества его христианских черт и использование в утверждении марксистского учения и попытки превратить Рождество в «новый социалистический праздник мира». Печатными органами официальной пропаганды ГДР издавались статьи, критикующие буржуазную направленность и религиозную идеологию Рождества и даже его главного символа — рождественской елки и ее украшений; предлагалось ввести новый «праздник елки» по прогрессивному советскому образцу [Neuland 1992: 14–16].

В ФРГ после окончания Второй мировой войны мишенью основной общественной критики стал потребительский бум эпохи «экономического чуда», который нашел свое отражение и в Рождестве. Праздник подвергся коммерциализации, а его семейная сторона, как и семейные узы вообще, в это время все больше ослабевали. Рождество и рождественские символы становятся героями карикатур, порой весьма злых. С тех пор как с 1970-х годов немецкое общество становилось свободным и семья играла все менее значимую роль, идеал Рождества как праздника семейной идиллии также потерял значение. В начале XXI в. в немецком обществе отмечаются различные точки зрения относительно способов и места празднования Рождества. По-прежнему, как показали опросы, проведенные автором статьи в Бамберге в 2008–2009 гг., около половины молодых людей в возрасте от 23 до 29 лет предпочитает проводить праздничные дни по традиции в кругу семьи и близких, считая Рождество одной из немногочисленных возможностей в течение года побыть в родительском доме. Это связано, на мой взгляд, с высокой мобильностью населения Германии, обусловленной профессиональными и образовательными возможностями и выбором, а также может объясняться сильной связью с родителями вследствие отсутствия собственной семьи у молодых немцев. Приходилось отмечать, что даже в союзах, не оформленных браком, Рождество молодые люди отмечали отдельно друг от друга, в родительском доме с родственниками, но не внутри этого самостоятельного союза [АМАЭ: Бучатская 2008–2009: 77]. Этой стойкой традиции противостоят альтернативные способы празднования Рождества, ставящие его в один ряд с иными праздниками или же выходными днями и таким образом снижающие ценность Рождества как национального и традиционного события. В 2008–2009 гг. в Бамберге журналистами проводились наблюдения и опросы молодежи и студентов, которые оказались в рождественские праздники посетителями кафе, ресторанов и клубов города. Шумные дискотеки, клубные ночи в обществе друзей, горнолыжные и скалолазные путешествия в Альпы, круизы в другие страны оказываются востребованным сегодня способом скоротать время рождественских каникул [Rieger 27/28.12.2008]. Такая форма праздника утверждается прежде всего одиночками (Singles) или желающими выразить протест самостоятельными молодыми людьми, предпочитающими семейным обязанностям и буржуазной идиллии активный образ жизни и демонстративный разрыв с традицией.

Заключение

Вследствие многовековых наслоений различных религиозных, культурных, этнических и территориальных традиций, а также вследствие смены ценностных ориентаций эпох в сегодняшнем празднике немецкого Рождества прослеживаются различные содержательные пласты, достойные стать предметом отдельных монографий.

Немецкое Рождество стало примером того, какую роль играет коллективный праздник в формировании единства нации и утверждении национального самосознания. Политическая ситуация войны и идеологическая подоплека сыграли свою роль в распространении праздника и унификации его форм в разных регионах Германии.

За историю существования праздника и развития его различных региональных и сословных форм оформилась символика немецкого Рождества, выраженная как в наборе ритуализированных действий, так и в ряде предметных атрибутов. В свою очередь предметные атрибуты, подвергаясь персонификациям, перемещались в сферу духовного творчества, становясь сюжетами или героями литературных произведений, определяя политику и идеологию страны на протяжении столетия и превратив Рождество в символ памяти. Все эти факты делают немецкое Рождество, без сомнения, одним из продуктов культурного наследия немецкой нации.

В современной ситуации многие компоненты рождественской обрядности служат практическим воплощением аспекта коммерциализации бренда «немецкое Рождество». Значительный перекося сторону коммерциализации праздника подвергается критике в современной публицистике и научной литературе. В то же время именно традиционность компонентов обрядности помогает удачной реализации их на рынке услуг и впечатлений, а следовательно — развитию туризма и имиджа малых и средних городов Германии.

Компоненты и атрибуты Рождества являются не только результатами художественного промысла, идеологий, модных течений и продуктами развитой индустрии, но и могут рассматриваться как произведения народного искусства и предметы народной культуры. Во-первых, ко всем явлениям современной рождественской обрядности применима такая категория как традиционность; во-вторых, на сегодняшний день способы празднования Рождества служат одним из путей выражения собственной (национальной, социальной, региональной) идентичности.

Источники

Архив МАЭ (АМАЭ) — *Бучатская Ю. В.* Традиционная сельская и городская праздничная обрядность, бытовая культура и производственно-ремесленный цикл в некоторых регионах Южной Германии. Полевой дневник. Сентябрь 2008 — сентябрь 2009 г. К-1. О. 2. № 1898.

Архив МАЭ (АМАЭ) — *Иванова Ю. В.* О традиционных занятиях немцев, их обычаях, обрядах, пище, архитектуре. Мекленбург—Вендланд. Германия. Полевой дневник. 2000 г. На немецком языке. К-1. О. 2. № 1737.

Аудиотека МАЭ РАН. Протоколы интервью. Мекленбург 2000. № А-2-17.

Вещевые коллекции МАЭ. Фонд Европы. Опись колл. 7439, 7440, 7441.

Фотоархив отдела европеистики.

Гете И. В. Страдания юного Вертера // Гете И. В. Собр. соч.: В 10 т. М., 1978. Т. 6.

Гофман Э. Т. А. Щелкунчик и мышиный король // Гофман Э. Т. А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1998. Т. 4. Кн. 1.

Düsel Doris. Die bamberger Gärtner und ihre Traditionen. Zulassungsarbeit zur ersten Prüfung für das Lehramt an Grund- und Hauptschulen. Bamberg, 1977 (Архив г. Бамберг).

Schilde S. Weihnachten — Einsichten in die private Festgestaltung. Proseminar-Arbeit vom 07.01.1999. 4 Seiten. Proseminar «Journalisten fragen — Volkskundler antworten. Zur Darstellung von Bräuchen in den Massenmedien»; Dozentin: Dr. Heidrun Alzheimer-Haller; Julius-Maximilians-Universität Würzburg, Philosophische Fakultät I, Volkskundliches Institut.

Библиография

Иванова-Бучатская Ю. В. Plattes Land: Символы Северной Германии. Славяно-германский этнокультурный синтез в междуречье Эльбы и Одера. СПб., 2006.

Покровская Л. В. Земледельческая обрядность // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 67–90.

Рикман Э. А. Место даров и жертв в календарной обрядности // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 173–185.

Токарев С. А. Маски и ряжение // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 185–193.

Токарев С. А., Филимонова Т. Д. Обряды и обычаи, связанные с растительностью // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 145–160.

Филимонова Т. Д. Немцы // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в. Зимние праздники. М., 1973.

Alzheimer Heidrun. Was ist ein Brauch? Eine volkskundliche Antwort // Von der Lieb' zum Gebirg'. Gebirgstracht zwischen Alltag und Auftritt. Sonderausstellung im Schwäbischen Bauernhofmuseum Illerbeuren. Mai bis Oktober 2005 / Hrsg. Monika Ständecke. Illerbeuren, 2005. S. 205–208.

«Bäume leuchtend, Bäume blendend...» Historischer Christbaumschmuck: [Begleitband zur gleichnamigen Ausstellung «Bäume Leuchtend, Bäume Blendend. Historischer Christbaumschmuck» im Badischen Landesmuseum Karlsruhe vom 9. November 1996 bis 23. Februar 1997 / Hrsg. Wolfram Metzger. Karlsruhe, 1998.

Bald nun ist Weihnachtszeit. Ein Weihnachtsliederbuch für die deutsche Familie / Hrsg. Wolfgang Stumme. Wolfenbüttel [u.a.], 1945.

Bartsch Karl. Sagen, Märchen und Gebräuche aus Mecklenburg. Bd. I, II. Wien, 1879/1880.

Berliner Rudolf. Die Weihnachtskrippe. München, 1955.

Bonell Maria Gudula. Bamberger Krippen. Bamberg, 1973.

Bork Uwe. Frohes Fest! Welche Bedeutung hat Weihnachten noch? // Deutschlandradion Kultur. 19.12.2008. 07.20 Uhr.

Bösch Hans. Vom Nürnberger Lebkuchen // Die fränkische Weihnacht. Lesen und erleben. Würzburg, 2002. S. 113–116.

Casperek-Türkkan Erika. Tannenbaum und Lichtenengel. Weihnachten wie in alter Zeit, von Mecklenburg bis zum Erzgebirge. Bergisch Gladbach; Bastei Lübbe, 1990.

Das Buch der Weihnachtslieder. 151 deutsche Advents- und Weihnachtslieder; Kulturgeschichte, Noten, Texte, Bilder; mit Klavier- und Orgel-Begleitung / Hrsg. Ingeborg Weber-Kellermann. Mainz [u.a.], 1982.

Das große Weihnachtsbuch. Erzählungen, Lieder und Bräuche zum Advent und Christfest / Hrsg. Roland W. Pinson. Bindlach, 2004.

«Der braven Kinder Weihnachtswünsche». Weihnachtsglückwunschbriefe des 19. und 20. Jahrhunderts [Museum für Deutsche Volkskunde SMPK, Berlin, 1.12.1991 — 23.2.1992] / Hrsg. Roland Wohlfart. Berlin, 1991.

Deutsche Weihnachten. Ein Wegweiser für Gemeinschaft u. Familie / Hrsg. Karl H. Bolay. Berlin, 1941.

Deutsche Weihnachtsspiele und Sprüche. Kleine Geschwisterszenen u. größere Spiele unter d. Weihnachtsbaum zu sagen u. aufzuführen / Hrsg. Franz W. Schmidt. Berlin [u.a.], 1926.

Die fränkische Weihnacht. Lesen und erleben / Hrsg. Ernst-O. Luthardt. Würzburg, 2002.

Fischer A. Feste und Bräuche in Deutschland. Fränkisch-Krumbach, 2004.

Fluck H.-R. «Zu Weihnachten stellt man Tannenbäume auf». Zur Geschichte des Weihnachtsbaumes in Deutschland / www.punktete.ruhr-uni-bochum.de 07.01.2004.

Foitzik D. Rote Sterne, braune Runen. Politische Weihnachten zwischen 1870 und 1970. Münster; München [u.a.]: Waxmann, 1997.

Foitzik D. Weihnachten // Deutsche Erinnerungsorte. München, 2003. Bd. III. S. 154–169.

Frank A. Krippenkunst im Marktredwitzer Land. Bayreuth, 1977.

Gawlick H. Schimmelreiter, Knapperdachs und Weihnachtsmann. Weihnachtsbräuche in Mecklenburg und Vorpommern. Rostock, 1998.

Goehle G. Dresdner Striezelmarkt. // Weihnachten im Erzgebirge. Berlin, 1985. S. 24–25.

Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens. Berlin; Leipzig, 1936–1937.

Heidenreich A. Nußknacker. Gestalt und Geschichte. Rothenburg ob der Tauber: Käthe Wohlfahrt, 2003.

Heilige Nacht? Das Weihnachtsfest im Dienste der NS-Propaganda [Begleitband zur Sonderausstellung «Von wegen Heilige Nacht. Das Weihnachtsfest in der politischen Propaganda»

in der Ausstellungshalle des Museumsdorfes Cloppenburg vom 18. November 2007 bis zum 24. Februar 2008] / Hrsg. Christina Deutschbein. Cloppenburg, 2007.

Herwig M. Kein Fest ohne Ansprache: Politik unterm Weihnachtsbaum / <http://malteherwig.wordpress.com/2009/12/24/politik-unterm-weihnachtsbaum/> 2009/12/24.

Horn H. Gläserner Christbaumschmuck aus Lauscha // Christbaumschmuck aus den Sammlungen des Museums für Volkskunde. Berlin, 1992. S. 7–13.

Jürigs M. Der kleine Frieden im großen Krieg Westfront 1914: als Deutsche, Franzosen und Briten gemeinsam Weihnachten feierten. München; Goldmann, 2005. S. 15–20.

Kohlmann T. Lichtenengel und Bergmannsleuchter // Weihnachten im Erzgebirge. Berlin, 1985. S. 26–31.

Kohlmann T. Nußknacker // Weihnachten im Erzgebirge. Berlin, 1985. S. 49–50.

Köhler W. Die volkstümlichen Gestalten der deutschen Weihnachtszeit // Germanien. Leipzig, 1936.

Krille H. Tradition: Im thüringischen Lauscha trat der gläserne Christbaumschmuck zu seinem Siegeszug um die Welt an Gläserne Äpfel aus dem Paradies // Sonntag nach Epiphania. 2003. Nr. 2 (12). Januar.

Lux B. Weihnachten und der Baum des Lebens / www.wunschbaum.de/bamum-texte/ 11.01.2010.

Mantel K. Geschichte des Weihnachtsbaumes und ähnlicher weihnachtlicher Formen. Eine kultur- und waldgeschichtliche Untersuchung. Hannover, 1975.

Mogk E. Sitten und Gebräuche im Kreislauf des Jahres // Sächsische Volkskunde / Hrsg. Robert Wuttke. Dresden, 1900. S. 274–292.

Müller G. Weihnacht der Deutschen: Aus Geschichte und Brauchtum in der Weihnachtszeit. Oberharmersbach-Baden, 1946.

Müns H. Volksbrauch // Mecklenburgische Volkskunde. Rostock, 1988.

Nestmann A. Die deutsche Weihnachtsmusik. Verzeichnis der deutschen Weihnachtsmusikalien. Leipzig, 1925.

Neuland D. Der Lauscha-Schrank. Eine verpackte Geschichte // Christbaumschmuck aus den Sammlungen des Museums für Volkskunde. Berlin, 1992. S. 14–17.

Nußbeck U. Christbaumständer // Christbaumschmuck aus den Sammlungen des Museums für Volkskunde. Berlin, 1992. S. 52–55.

Poganietz W. Springerle mit «Schwabacher Blattgold» // Die fränkische Weihnacht. Lesen und erleben. Würzburg, 2002. S. 112.

Richter R. Pommersche Weihnachtsbräuche // Unser Pommerland. 6. Jg. 1921.

Rieger H. Nur Familie ist vielen an Weihnachten zu wenig // Fränkischer Tag. 27/28.12.2008.

Rottenbach B. Herbergssuche // Die fränkische Weihnacht. Lesen und erleben. Würzburg, 2002. S. 51–52.

Sauermann D. Von Advent bis Dreikönige. Weihnachten in Westfalen. Münster, 1996.

Schatz W. Deutschlands ältester Christkindleinsmarkt // Die fränkische Weihnacht. Lesen und erleben. Würzburg, 2002. S. 26–30.

Schrader J. Räuchermännchen // Weihnachten im Erzgebirge. Berlin, 1985. S. 46–48.

Schrader J. Spielzeugherstellung im Erzgebirge. Geschichtliches — Wirtschaftliches — Soziales // Weihnachten im Erzgebirge. Berlin, 1985. S. 17–23.

Senn B. Der Christbaum / <http://www.uibk.ac.at/c/c6/c620/Infoservice/Braeuche/christbaum>

Stettner T. Die Barbarazweige. 1929 // Die Fränkische Weihnacht. Lesen und Erleben. Würzburg, 2002. S. 35.

Stille E., Pfistermeister U. Christbaumschmuck. Ein Buch für Sammler und Liebhaber alter Dinge. Nürnberg, 1993.

Tille A. Die Geschichte der deutschen Weihnacht. Leipzig, 1893.

Vanja C. Eine Fahr in das weihnachtliche Erzgebirge // Weihnachten im Erzgebirge. Berlin, 1985a. S. 7–8.

Vanja C. Der Weihnachtsberg // Weihnachten im Erzgebirge. Berlin, 1985b. S. 32–36.

Vanja C. Christbaumschmuck aus Gablonz // Christbaumschmuck aus den Sammlungen des Museums für Volkskunde. Berlin, 1992. S. 23.

Von wegen heilige Nacht! Das Weihnachtsfest in der politischen Propaganda / Hrsg. Judith Breuer. Mülheim an der Ruhr, 2000.

Walter M. St. Nikolaus in Bürgstätt // Die fränkische Weihnacht. Lesen und erleben. Würzburg, 2002. S. 36.

Weihnachten in Deutschland / Hrsg. Josef Ruland. Bonn, 1978.

Weihnachten in Deutschland: Spiegel eines Festes; Führer zur Ausstellung im Diözesanmuseum Obermünster Regensburg, 28. November 1992 bis 10. Januar 1993 / Hrsg. Christoph Daxelmüller. München; Zürich, 1992.

Weihnachten im Erzgebirge / Hrsg. Gunnar Goehle; Verein d. Freunde d. Museums für Dt. Volkskunde. Berlin, 1985.

Weihnachten im Vorspessart: In Gottes Namen. Christliche Bräuche in Franken. Alte Menschen erinnern sich / Hrsg. Kath. Senioren-Forum Diözese Würzburg. Würzburg, 2002.

Will A. St. Nikolaus // Die fränkische Weihnacht. Lesen und erleben. Würzburg, 2002. S. 36.

Winterberg L. Adventsgebäck. http://www.ekd.de/advent_dezember/brauchbar/advent/adventsgebaeck.html or 17.08.2010

Wintz P. Klaudius: Eine Kulturgeschichte des Weihnachtsbaums // Öffentliches Stiftgymnasium Kremsmünster. 147. Jahresbericht 2004. S. 55–62.

Wörterbuch der deutschen Volkskunde. Stuttgart, 1974.

Wunder L. Weihnachten bei Spätaussiedlern: Familienrituale im Wandel und im Kontext der Migration. Saarbrücken, 2007.

Интернет-ресурсы

<http://www.glasmuseum.lauscha.de/glasinth.html>

<http://www.haberland-baumschmuck.de/vorfuhrung.htm>

<http://www.haberland-baumschmuck.de/geschichte.htm>

<http://www.lauscha.de/24-0-Historisches.html>

<http://4haus.de/xmas/lauscha/>

<http://www.glas-queck.de/geschichte.htm>

<http://www.museen.nuernberg.de/spielzeugmuseum/depot.html>